

СТИВЕН

КИНГ

ПРОТИВОСТОЯНИЕ

5 ИЮЛЯ 1990 — 10 ЯНВАРЯ 1991

Король на все времена

Стивен Кинг

**Противостояние. 5 июля
1990 – 10 января 1991. Том 2**

«АСТ»

1978

УДК 821.111-313.2(73)
ББК 84 (7Coe)-44

Кинг С.

Противостояние. 5 июля 1990 – 10 января 1991. Том 2 /
С. Кинг — «АСТ», 1978 — (Король на все времена)

ISBN 978-5-17-111821-1

Америка превратилась в ад. Из секретной лаборатории вырвался на свободу опаснейший вирус. Умерли сотни тысяч, миллионы ни в чем не повинных людей... Однако и это еще не все. Вступили в игру беспощадные и могучие силы. Рвется к власти таинственный темный человек, способный подчинять себе слабые, сомневающиеся души. Кто он? Откуда явился? Что сулит человечеству его победа? Немногие люди, не утратившие еще представления о Добре и Зле, должны понять это – ведь, не зная врага, его невозможно победить...

УДК 821.111-313.2(73)
ББК 84 (7Coe)-44

ISBN 978-5-17-111821-1

© Кинг С., 1978
© АСТ, 1978

Содержание

Книга II. Перепутье	6
Глава 43	7
Глава 44	28
Глава 45	64
Глава 46	93
Глава 47	112
Конец ознакомительного фрагмента.	126

Стивен Кинг
Противостояние. 5 июля
1990 – 10 января 1991. Том 2

Stephen King
THE STAND

© Stephen King, 1978, 1990

© Перевод. В. Вебер, 2012

© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

Книга II. Перепутье

5 июля – 6 сентября 1990 года

*И звался наш корабль «Мэйфлауэр»,
И парус под луной сиял,
И в тот тревожный час не даром
Напев Америки звучал.
И как ни хорошо, но все ж
Удачу впрок не запасешь...*

Пол Саймон

*Рули в автокино, паркуйся – и вперед,
Туда, где гамбургеры жарят круглый год,
Пластинки крутятся, поет душа –
Ах, до чего ж я счастлив в США,
Чего ни захочу, найдется в США.*

Чак Берри

Глава 43

Посреди Главной улицы города Мэй, штат Оклахома, лежал мертвец.

Ник не удивился. После ухода из Шойо он видел множество трупов и подозревал, что на глаза ему попало не больше одной тысячной всех покойников, мимо которых он проезжал. В некоторых городах, через которые он проезжал, стоял такой сильный запах смерти, что Ник едва не лишился чувств. Одним трупом больше, одним меньше – никакой разницы он не видел.

Но когда мертвец сел, Ника охватил такой дикий страх, что велосипед вырвался из-под контроля. Наклонился, закачался и упал, сбросив Ника на мостовую оклахомского шоссе номер 3. Он ободрал ладони и лоб.

– Господи, мистер, да ты упал! – Мертвец уже направлялся к нему, благодушно пошатываясь. – Вот это да! Родные мои!

Ник ничего этого не услышал. Он смотрел на ту точку на мостовой между собственных рук, куда капала кровь со лба, и гадал, сильно ли поранился. Когда его плеча коснулась рука, он вспомнил про мертвеца и пополз в сторону, отталкиваясь от земли ладонями и подошвами ботинок, а его глаз, не прикрытый повязкой, сверкал от ужаса.

– Теперь ты ничего? – спросил мертвец, и Ник увидел, что перед ним вовсе не покойник, а молодой, радостно улыбающийся мужчина. В руке тот держал початую бутылку виски, и Ник наконец все понял. На дороге лежал не мертвец, а живой человек, который хватил лишнего и вырубился.

Ник кивнул и соединил в кольцо большой и указательный пальцы. В этот самый момент резко заболел глаз, едва не выдавленный Рэем Бутом: на него упала теплая капля крови со лба. Ник поднял повязку и указательным пальцем вытер кровь. Глаз этот теперь видел вроде бы чуть лучше, но если Ник закрывал здоровый глаз, мир превращался в расплывчатое цветное мельтешение. Он вернул повязку на место, медленно подошел к бордюрному камню, сел на него рядом с «плимутом» с канзасскими номерами, медленно оседавшим на полупустых шинах. Ник рассмотрел рану на лбу в отражении от хромированного бампера «плимута». Выглядела она жутко, но, судя по всему, он лишь содрал кожу. Значит, предстояло найти аптеку, продезинфицировать рану и заклеить пластырем. Ник полагал, что в его организме достаточно пенициллина, чтобы справиться с любой инфекцией, однако слишком хорошо помнил, сколько хлопот доставила ему вроде бы царапина от пули, и не хотел повторения пройденного. Стряхивая с ладоней прилипшие к ним маленькие камушки, он поморщился от боли.

Мужчина с бутылкой наблюдал за всем этим с бесстрастным лицом. Если бы Ник поднял голову, такое поведение сразу показалось бы ему странным. Когда он повернулся к бамперу, чтобы рассмотреть свое отражение, лицо мужчины напрочь лишилось мимики, стало пустым и гладким, освободившись и от эмоций, и от морщин. Ростом он был пять футов девять дюймов, носил комбинезон и тяжелые высокие ботинки. Ярко-синие глаза и соломенные волосы выдавали шведское или норвежское происхождение. Выглядел мужчина лет на двадцать с небольшим, но, как позднее выяснил Ник, на самом деле ему было лет сорок пять, потому что он помнил окончание Корейской войны и возвращение отца в военной форме месяцем позже. Вопросы о том, что он все это выдумал, не возникло. Том Каллен ничего выдумать не мог.

Он так и стоял с бесстрастным лицом, словно робот, отключенный от источника энергии. Потом, мало-помалу, лицо начало оживать. Заблестели покрасневшие от виски глаза. Он улыбнулся. Вновь вспомнил, что случилось.

– Господи, мистер, да ты упал. Так ведь? Мои родные! – Он моргнул, глядя на залитый кровью лоб Ника.

Ник достал из кармана рубашки блокнот и ручку «Бик», которые не выпали из кармана при падении. Написал: *Вы меня напугали. Думал, что вы мертвый, пока вы не сели. Я в порядке. В городе есть аптека?*

Он протянул блокнот мужчине в комбинезоне, и тот взял его. Посмотрел на написанное. Вернул блокнот. Улыбнулся.

– Я Том Каллен. Но я не умею читать. Доучился только до третьего класса, но мне уже исполнилось шестнадцать, и папа заставил меня уйти из школы. Сказал, что я слишком большой.

«Умственно отсталый, – подумал Ник. – Я не могу говорить, а он не может читать». На секунду он пришел в полное замешательство.

– Господи, мистер, да ты упал! – воскликнул Том Каллен. И в каком-то смысле эти слова прозвучали впервые для них обоих. – Так ведь? Мои родные!

Ник кивнул. Сунул в карман ручку и блокнот. Прикрыл рукой рот и покачал головой. Сложил руки лодочками, накрыл уши и покачал головой. Прижал к шее ладонь левой руки и покачал головой.

Каллен в недоумении улыбался.

– Болит зуб? У меня такое однажды было. Ей-ей, это больно. Так ведь? Мои родные!

Ник покачал головой и вновь обратился к языку жестов. На этот раз Каллен решил, что у Ника болит ухо. Ник вскинул руки и подошел к велосипеду. Краска кое-где поцарапалась, но обошлось без серьезной поломки. Ник сел на велосипед и проехал чуть вперед. Да, никаких поломок. Каллен бежал рядом, радостно улыбаясь. Его глаза не отрывались от Ника. Он почти неделю никого не видел.

– Не хочешь поговорить? – спросил он, но Ник на него не смотрел и, похоже, не услышал. Том дернул Ника за рукав и повторил вопрос.

Человек на велосипеде приложил руку ко рту и покачал головой. Том нахмурился. Теперь человек установил велосипед на подставку и оглядывал вывески магазинов. Вроде бы увидел, что искал, потому что прошел на тротуар, а потом к аптечному магазину мистера Нортон. Если он хотел попасть в аптечный магазин, то ему не повезло, потому что магазин не работал, а мистер Нортон уехал из города. Похоже, почти все заперли двери и уехали из города, за исключением мамы и ее подруги миссис Блейкли, потому что они умерли.

Теперь этот неговорящий человек пытался открыть дверь. Том мог бы сказать ему, что толку не будет, несмотря на табличку «ОТКРЫТО» на двери. Табличка «ОТКРЫТО» врала. Просто беда, потому что Том очень любил крем-соду со льдом. Куда лучше виски, от которого сначала ему становилось хорошо, потом тянуло в сон, а в конце концов голова раскалывалась от боли. Он укладывался спать, чтобы избавиться от головной боли, но ему снилось множество безумных снов о человеке в черном одеянии, вроде того, что носил преподобный Дайффен-бейкер. Во снах человек в черном одеянии гонялся за ним. И Тому представлялось, что это очень плохой человек. Пить он начал в первую очередь потому, что этого делать не следовало. Так ему говорил папа, так говорила мама, но теперь они все ушли, и что? Он мог делать все, что захочет.

Но чем это занимался неговорящий человек? Поднял урну для мусора и собрался... что? Разбить окно мистера Нортон? ДЗЫНЬ! Клянусь Богом и дьяволом, он так и сделал. А теперь сунул руку в дыру, открыл дверь...

– Эй, мистер, этого нельзя делать! – Голос Тома дрожал от негодования и волнения. – Это незаконно! Не-законно! Разве ты не знаешь...

Но человек уже вошел в аптеку, ни разу не оглянувшись.

– Ты что, глухой? – возмущенно крикнул Том. – Родные мои! Ты... – Лицо Тома вновь лишилось мимики, на нем больше не отражалось никаких эмоций. Он опять стал роботом с отключенным источником питания. В Мэе Недоумка Тома таким видели часто. Он мог идти

по улице, разглядывая витрины с выражением веземного счастья на круглом скандинавском лице, потом внезапно останавливался как вкопанный, и его лицо превращалось в застывшую маску. Частенько кто-нибудь кричал: «Том в ауте!» – и все смеялись. Если компанию Тому составлял отец, он хмурился и тыкал Тома локтем или даже хлопал по плечу или спине, пока Том не возвращался к жизни. Но отец Тома с начала тысяча девятьсот восемьдесят пятого года стал проводить с ним все меньше и меньше времени, потому что спутался с рыжеволосой официанткой, которая работала в «Баре и гриле Бумерса». Ее звали Ди-Ди Пэкалотт (и имя это вызывало немало шуток¹). А где-то год назад они с Доном Калленом сбежали из города. Парочку видели лишь однажды, в дешевом мотеле неподалеку, в Слэпауте, штат Оклахома, после чего их след затерялся.

Большинство воспринимало внезапные «отключения» Тома как признак нарастающего слабоумия, однако на самом деле в эти короткие периоды он мог мыслить почти как нормальный человек. Процесс нашего мышления основывается (так, во всяком случае, утверждают психологи) на дедукции и индукции, но умственно отсталый человек не способен на эти дедуктивные или индуктивные переходы. Где-то внутри порваны провода, закорочены цепи, сломаны переключатели. Том Каллен страдал умеренной умственной отсталостью и мог делать самые простые умозаключения. А иногда – когда «отключался» – обретал способность находить и более сложные индуктивные или дедуктивные связи. Он чувствовал возможность найти такую связь, как нормальный человек чувствует некое слово или имя, которое вертится «на самом кончике языка». Когда подобное случалось, Том отсекал окружающий мир, который, по существу, являл собой дискретный поток информации от органов чувств, и уходил в себя. Превращался в человека в темной комнате, который держит в руке штепсель настольной лампы и ползает по полу, натывается на мебель, а свободной рукой ищет электрическую розетку. И если находит ее – что случалось не всегда, – вспыхивает яркий свет, и он ясно видит комнату (или мысль). Том жил чувствами. Список того, что ему нравилось, включал вкус крем-соды со льдом в аптечном магазине мистера Нортон, вид красивой девушки в коротком платье, которая стоит на перекрестке в ожидании зеленого света, чтобы перейти улицу, запах лилий, ощущение шелка. Но больше всего он любил нечто нематериальное, любил тот момент, когда находилась эта связь, когда переключатель срабатывал должным образом (хотя бы на мгновение) и свет заливал темную комнату. Такое случалось не всегда; очень часто связь найти не удавалось. На этот раз удалось.

Он крикнул: *Ты что, глухой?*

Человек вел себя так, словно не слышал, что говорил Том, за исключением тех случаев, когда смотрел на него. И этот человек не сказал ему ни слова, даже не поздоровался. Иногда люди не отвечали Тому, когда он задавал вопросы: что-то в выражении его лица выдавало слабоумие. Но обычно человек, который не отвечал, выглядел злым, печальным или просто краснел. А этот мужчина вел себя иначе. Он показал Тому кольцо, образованное большим и указательным пальцами, и Том знал значение этого жеста: все, мол, тип-топ! – но все равно не заговорил с ним.

Руки, накрывшие уши, и покачивание головы.

Рука, поднесенная ко рту, и покачивание головы.

Рука, прижатая к шее, и покачивание головы.

Комната осветилась: возникла связь.

– Родные мои! – воскликнул Том, и лицо его вновь ожило. Налитые кровью глаза вспыхнули.

¹ Имя официантки DeeDee – от deaf and dumb – глухонемой (англ.). – Здесь и далее примеч. пер.

Он поспешил в аптечный магазин мистера Нортон, забыв, что входить в него незаконно. Неговорящий человек выплескивал что-то пахнущее, наподобие бактина², на вату, а потом протирал ею лоб.

– Эй, мистер! – Том подбежал к нему. Неговорящий человек не обернулся. Том на мгновение удивился, как такое может быть, потом вспомнил. Похлопал Ника по плечу, и Ник повернулся к нему. – Ты глухонемой, так? Не можешь слышать! Не можешь говорить! Так?

Ник кивнул. И его, конечно же, потрясла реакция Тома. Тот запрыгал и захлопал в ладоши.

– Я додумался! Какой я молодец! Я сам до этого додумался! Какой Том Каллен молодец!

Ник улыбнулся. Он не мог вспомнить, чтобы его физический недостаток когда-либо доставлял кому-то такую радость.

Перед зданием суда располагался небольшой сквер, и его украшала статуя морского пехотинца в форме и при оружии времен Второй мировой войны. На табличке значилось, что монумент поставлен в честь парней из округа Харпер, которые «ПОЖЕРТВОВАЛИ СОБОЙ РАДИ СВОЕЙ СТРАНЫ». В тени этого памятника и сидели Ник Эндрос и Том Каллен, ели андервудские³ паштеты «Свиной с пряностями» и «Куриный с пряностями», намазывая на картофельные чипсы. Две перекрещенные полоски пластыря заклеивали лоб Ника над левым глазом. Он считывал слова с губ Тома (не без труда, потому что Том говорил и жевал одновременно) и думал о том, что ему чертовски надоело есть консервы. А что бы он съел с удовольствием, так это бифштекс с полноценным гарниром.

С того момента, как они принялись за еду, Том говорил без умолку. Часто повторялся, то и дело вплетал в повествование «Родные мои!» и «Так ведь?». Ник не возражал. До встречи с Томом он не осознавал, как же ему недоставало других людей. В глубине души он даже боялся, что остался один-одинешенек на всей Земле. В какой-то момент ему в голову пришла мысль, что болезнь убила всех, кроме глухонемых. Теперь, думал он, улыбаясь про себя, можно рассмотреть другой вариант: болезнь убила всех, кроме глухонемых и умственно отсталых. Идея эта, столь забавная в два часа пополудни под ярким летним солнцем, вернется к нему ночью – и уже не покажется смешной.

Его интересовало мнение Тома о том, куда подевались все люди. Он уже знал историю о папе Тома, который сбежал с официанткой пару лет тому назад, и о том, что Том работал на ферме Норбатта, и о том, как двумя годами ранее мистер Норбатт решил, что он «достаточно хорошо справляется», чтобы доверить ему топор, и о том, как однажды ночью на Тома набросились «большие парни», Том сражался с ними, пока «они все чуть не умерли, а одного я отправил в больницу с переломанными костями, с переломанными, вот что сделал Том Каллен». Узнал Ник и о том, как Том нашел мать в доме миссис Блейкли, обе лежали в гостиной мертвые, и Том оттуда ушел. По словам Тома, Иисус не приходил и не забирал тела на небо в присутствии живых. Ник отметил, что Том считал Иисуса Санта-Клаусом наоборот: он утаскивал мертвых через печную трубу наверх, вместо того чтобы приносить подарки вниз. Но Том ничего не сказал о полном отсутствии жителей в городе Мэй, как и о пустынном шоссе, пересекавшем город, по которому никто и ничто не двигалось.

Он надавил руками на грудь Тома, останавливая поток слов.

– Что? – спросил Том.

Ник широким взмахом руки обвел дома в центральной части города. Изобразил удивление, изогнул бровь, наклонил голову набок, почесал затылок. Потом пальцами изобразил шагающие движения и вопросительно посмотрел на Тома.

² Бактин – дезинфицирующее и обезболивающее средство.

³ «Андервуд» – один из брендов известной американской корпорации «Би энд джи фудс».

Увиденное его испугало. Том застыл, лицо превратилось в маску, глаза, мгновением раньше сверкавшие всем тем, что он собирался рассказать, теперь напоминали тусклые синие камушки. Челюсть отвисла, и Ник видел размокшие кусочки картофельных чипсов, прилипшие к языку. Руки плетью лежали на коленях.

В тревоге Ник потянулся, чтобы коснуться Тома, но тут его тело дернулось. Веки дрогнули, жизнь влилась в глаза, словно вода, наполняющая ведро. Том заулыбался. Чтобы объяснить происходящее с ним, не требовалось пузыря над головой (как в комиксах) со словом «ЭВРИКА!».

– Ты хочешь знать, куда ушли все люди? – воскликнул Том.

Ник энергично кивнул.

– Что ж, думаю, они уехали в Канзас-Сити, – ответил Том. – Родные мои, да. Все всегда говорили о том, чтобы уехать из такого маленького города, как этот. Здесь ничего нет. Никаких развлечений. Даже роликовый каток закрылся. Ничего нет, кроме автокино, а там показывают только всякую ерунду. Моя мама всегда говорит, что люди уходят, но не возвращаются. Как мой отец, он убежал с официанткой из кафе Бумерса, ее звали Ди-Ди Пэкалотт. Вот я и думаю, что всем тут надоело и они одновременно ушли. Вероятно, в Канзас-Сити, родные мои, так ведь? Наверняка туда. Кроме миссис Блейкли и моей мамы. Иисус собирается забрать их наверх на небеса, чтобы качать в вечных объятиях.

И Том продолжил свой монолог.

«Ушли в Канзас-Сити, – подумал Ник. – Что ж, может, и так. Все покинули эту бедную трагическую планету по воле Господа и теперь либо покачиваются в Его объятиях, либо обустроиваются на новом месте в Канзас-Сити».

Он привалился спиной к постаменту, его веки то опускались, то поднимались, и слова Тома превращались в визуальный эквивалент современного стихотворения, без заглавных букв, в стиле э. э. каммингса⁴:

мама сказала
так ведь
но я сказал им я сказал вам лучше
не связывайтесь

Дурные сны замучили его в прошлую ночь, которую он провел в амбаре, и теперь, на полный желудок, ему больше всего хотелось...

родные мои
конечно хочется

Ник заснул.

Проснувшись и еще не полностью придя в себя, как бывает, когда крепко засыпаешь ясным днем, Ник удивился тому, что вспотел. Сев, он все понял. Часы показывали без четверти пять. Он проспал больше двух с половиной часов, и солнце, переместившись, выглядывало из-за памятника, освещая его. Но этим дело не ограничилось. Том Каллен в порыве заботливости укрыл Ника, чтобы тот не простудился. Двумя одеялами и стеганым покрывалом.

Ник отбросил их в сторону, встал, потянулся. Тома видно не было. Ник направился к выходу на центральную площадь, гадая, что ему делать – и нужно ли что-либо делать – с

⁴ э. э. каммингс (1894–1962, настоящее имя – Каммингс, Эдвард Эстлин) – американский поэт, отказавшийся в своем творчестве от многих грамматических норм, знаков препинания, заглавных букв и прочих «условностей».

Томом. Слабоумный парень питался в универсаме «Эй-энд-пи», расположенном в дальнем конце городской площади. Не испытывал ни малейших угрызений совести, когда заходил туда и выбирал съестное по картинкам на баночных этикетках, потому что, по его словам, дверь супермаркета была открыта.

Ник задался вопросом, а как бы поступил Том, если бы дверь заперли, и предположил, что, основательно проголодавшись, он бы забыл про строгие моральные принципы или чуть отодвинул их в сторону. Но что станет с ним, когда еда закончится?

Еще сильнее Ника тревожило другое. Трогательная радость, с которой этот человек его встретил. Да, Том был умственно отсталым, но не настолько, чтобы не чувствовать одиночества. Мать Тома и женщина, которая приходилась ему теткой со стороны отца, умерли. Отец давно сбежал. Работодатель, мистер Норбатт, и все остальные жители Мэя однажды ночью свалили в Канзас-Сити, пока Том спал, оставив его бродить взад-вперед по Главной улице, как неприкаянного призрака. И он начал делать то, чего делать ему не следовало, – скажем, пить виски. Напившись снова, он мог причинить себе вред. А если он причинит себе вред и рядом не окажется человека, который ему поможет, он скорее всего умрет.

Но... глухонемой и умственно отсталый? Сумеют ли они чем-то помочь друг другу? Человек, который не может говорить, и человек, который не может думать. Нет, это несправедливо. Немного думать Том мог, но он не умел читать, и Ник понимал, что вскоре устанет играть в шарады с Томом Калленом. Том – тот не устанет. Родные мои, конечно же, нет.

Ник остановился на тротуаре у выхода из сквера, сунув руки в карманы. «Ладно, – решил он, – я могу провести с ним ночь. Одна ночь значения не имеет. Зато приготовлю ему сносный ужин».

Подбодренный этой мыслью, он отправился на поиски Тома.

В ту ночь Ник спал в сквере. Где спал Том, он не знал, но, проснувшись утром, с чуть влажными от росы волосами, а в остальном в полном здравии, и выйдя на площадь, первым делом увидел Тома, который играл с автомобильными моделями «Корги» и большой пластмассовой автозаправочной станцией «Тексако».

Должно быть, Том решил, что можно вламываться в любой магазин, раз уж взлом «Аптечного магазина Нортон» не вызвал ни у кого никаких возражений. Он сидел на тротуаре у «Центовки»⁵, спиной к Нику. Перед ним выстроились порядка сорока игрушечных автомобилей. Тут же лежала отвертка, которой он воспользовался, чтобы разбить витрину. Том отдал предпочтение «ягуарам», «мерседесам», «роллс-ройсам», взял выполненную в масштабе модель «бентли» с длинным лаймово-зеленым капотом, «ламборгини», «корд», четырехдюймовый «пontiак-бонневилл», изготовленный по индивидуальному заказу, «корвет», «мазерати» и – не покидай нас, Господи, и защити нас – «мун» модели тысяча девятьсот тридцать третьего года. Нависнув над машинками, Том завозил их в гараж, вывозил оттуда, заправлял на бензоколонке. Один из подъемников автомастерской работал, и на глазах Ника Том несколько раз поднимал на нем автомобили, делая вид, будто что-то ремонтирует. Не будь Ник глухим, он бы услышал в почти абсолютной тишине звуки работающего воображения Тома Каллена: «бр-р-р-р», когда автомобили заезжали на асфальт от «Фишер-прайс», «чк-чк-чк-динь» бензонасоса, «с-с-с-ш-ш-ш-ш» подъемника. Услышал бы он и обрывки разговоров между хозяином автозаправочной станции и маленькими людьми из маленьких автомобильчиков: *Каким заправлять, сэр? Стандартным? Нет проблем! Позвольте мне протереть лобовое стекло, мэм. Я думаю, проблема с карбюратором. Давайте поднимем вашу крошку и посмотрим, что с ней не так. Туалеты? Само собой. По правой стене.*

⁵ «Центовка» – магазин товаров повседневного спроса.

А над ними, над этим маленьким клочком Оклахомы, простираясь на многие мили во все стороны, синело Божье небо.

Ник подумал: *Я не могу оставить его. Не могу этого сделать.* И внезапно на него навалилась неизвестно откуда взявшаяся грусть, такая острая, что он едва не заплакал.

Они уехали в Канзас-Сити, подумал он. *Вот что произошло. Они все уехали в Канзас-Сити.*

Ник пересек мостовую и похлопал Тома по руке. Том подпрыгнул и оглянулся. Широкая виноватая улыбка растянула его губы, от шеи начала подниматься краска, заливая лицо.

– Я знаю, это для маленьких мальчиков, а не для взрослых мужчин. Я знаю, да, конечно, папа мне говорил.

Ник пожал плечами, развел руки. На лице Тома отразилось облегчение.

– Теперь они мои. Мои, если я захочу. Если тебе можно заходить в аптечный магазин и брать что-то, значит, мне можно заходить в «Центовку» и брать что-то. Родные мои, так ведь? Я не должен их возвращать, правда?

Ник кивнул.

– Мои! – радостно воскликнул Том и повернулся к гаражу. Ник вновь похлопал его по руке, и Том посмотрел на Ника. – Что?

Ник дернул его за рукав, и он с готовностью поднялся. Ник повел Тома по улице к тому месту, где на подставке стоял его велосипед. Указал на себя. Потом на велосипед. Том кивнул:

– Конечно. Этот велик твой. А гараж «Тексако» – мой. Я не беру твой велосипед, а ты не берешь мой гараж. Само собой, никогда!

Ник покачал головой. Показал на себя. На велосипед. На Главную улицу. Помахал рукой: пока, пока.

Том застыл. Ник ждал. Том осторожно спросил:

– Ты уезжаешь, мистер?

Ник кивнул.

– Я не хочу, чтобы ты уезжал! – воскликнул Том. Его глаза, большие и очень синие, заблестели от слез. – Ты мне нравишься. Я не хочу, чтобы и ты уехал в Канзас-Сити.

Ник подтянул Тома к себе и обнял. Указал на себя. На Тома. На велосипед. На Главную улицу.

– Я не понимаю, – признался Том.

Ник терпеливо повторил все жесты. На этот раз добавил прощальные взмахи руки, а потом – его озаарило – поднял руку Тома и помахал ею.

– Хочешь, чтобы я поехал с тобой? – спросил Том. И невероятно радостная улыбка осветила его лицо.

Ник с облегчением кивнул.

– Конечно! – воскликнул Том. – Том Каллен собирается уехать. Том... – Он замолчал, радость умирала на его лице, он осторожно глянул на Ника. – Я смогу взять свой гараж?

Ник на мгновение задумался, потом согласно кивнул.

– Хорошо! – Широкая улыбка Тома вернулась, как солнце, выглянувшее из-за облака. – Том Каллен едет!

Ник подвел Тома к велосипеду. Указал на Тома, потом на велосипед.

– Я никогда на таком не ездил. – Том с сомнением смотрел на звездочки передач и высокое узкое сиденье. – Наверное, не надо и пытаться. Том Каллен упадет с такого хитрого велосипеда, как этот.

Но Ника его реакция приободрила. «Я никогда на таком не ездил» означало, что на велосипеде Том ездить умел. Оставалось только найти простой и крепкий. Ник понимал, что Том будет его тормозить, но, возможно, не слишком. Да и куда ему торопиться? Сны – это сны. Тем

не менее он ощущал внутреннюю потребность поторапливаться, порой очень сильную, пусть и не поддающуюся четкому объяснению, некую команду на подсознательном уровне.

Он отвел Тома к его заправочной станции. Указал на нее, улыбнулся и кивнул. Тот тут же присел на корточки, протянул руки к двум автомобильчикам, но, не коснувшись их, поднял голову и посмотрел на Ника. На лице Тома отражалась тревога, смешанная с подозрением.

– Ты не собираешься уехать без Тома Каллена?

Ник решительно покачал головой.

– Хорошо. – И Том тут же повернулся к игрушкам. Ник не смог сдержаться, протянул руку и взъерошил его волосы. Том вновь посмотрел на него и застенчиво улыбнулся. Улыбнулся и Ник. Нет, он не мог просто оставить Тома. Это точно.

Велосипед, который, по его разумению, мог подойти Тому, Ник нашел около полудня. Он не ожидал, что на это уйдет столько времени, но, как ни странно, многие жители Мэя заперли свои дома, гаражи, пристройки. В большинстве случаев ему приходилось заглядывать в сумрак гаражей через маленькие, запыленные, затянутые паутиной окошки в надежде увидеть то, что нужно. Три часа он бродил по улицам города, обливаясь потом, чувствуя, как солнце жжет шею. В какой-то момент вернулся в «Уэстерн авто», но пользы это не принесло: в витрине стояли два велосипеда с тремя звездочками на заднем колесе, а остальные лежали разобранными.

В конце концов Ник нашел то, что искал, в маленьком, отдельно стоящем гараже в южной части города. Гараж тоже был заперт, но одно окно оказалось достаточно большим, чтобы Ник смог в него влезть. Он камнем разбил стекло, а потом аккуратно вытащил все осколки из старой, крошащейся замазки. Внутри царил жара, пахло машинным маслом и пылью. Велосипед, старый мальчишеский «швинн», стоял рядом с десятилетним «меркурием» – универсалом с лысыми шинами и ободранными порогами.

«Судя по тому, как мне везет, этот чертов велик будет не на ходу, – подумал Ник. – Без цепи, со спущенными колесами, что-то вроде этого». Но нет, на сей раз удача повернулась к нему лицом. Велик катился легко, шины были надуты, протектор – не стерт, все болты и звездочки – на месте. Отсутствовала багажная корзинка, которую предстояло чем-то заменить, зато имелся щиток над цепью, предохраняющий правую ногу, а на стене, между граблями и лопатой для чистки снега, Ник увидел неожиданный подарок: новенький ручной велосипедный насос «Бригс».

Ник продолжил поиски и нашел на полке маленькую масленку «Три-ин-уан». Сел на потрескавшийся бетонный пол – жара его больше не беспокоила – и тщательно смазал цепь и обе звездочки, переднюю и заднюю. Покончив с этим, аккуратно навернул крышку на носик и сунул масленку в карман.

Привязал насос к багажнику над задним крылом «швинна», открыл ворота гаража и выкатил велосипед. Никогда еще свежий воздух не казался Нику таким сладким. Он закрыл глаза, глубоко вдохнул, вышел на дорогу, сел на велосипед и медленно поехал к Главной улице. Катил «швинн» отлично. Лучшего для Тома было не найти... при условии, что Том умел ездить на велосипеде.

Он припарковал «швинн» рядом со своим «рали» и направился в «Центовку». Нашел хорошую багажную проволочную корзинку в отделе спортивных товаров в глубине магазина и уже повернулся, чтобы уйти, когда заметил гудок с хромированным раструбом и большой красной резиновой грушей. Улыбаясь, Ник положил гудок в корзинку, потом прошел в отдел инструментов за отверткой и гаечным ключом подходящего размера. Выйдя на улицу, увидел, что Том сладко спит в тени морского пехотинца в форме и с оружием времен Второй мировой войны.

Ник закрепил на руле «швинна» сначала корзинку, потом гудок. Вернулся в «Центовку» и вышел оттуда, держа в руках объемистую сумку с одной лямкой.

С ней направился в универсам «Эй-энд-пи», наполнил сумку банками с консервированным мясом, овощами и фруктами. Задумавшись, брать ли фасоль в соусе чили, заметил тень, мелькнувшую в проходе. Если бы Ник мог слышать, он бы еще раньше понял, что Том уже нашел велосипед. Хриплые гудки («Х-о-у-у-О-О-О-Г-а-а!») плыли по улице, перемежаемые смехом Тома Каллена.

Ник вышел из универсама и увидел Тома, величественно мчащегося по Главной улице, его светлые волосы и подол рубашки развевались на ветру. Он то и дело с силой жал на грушу гудка. У автозаправочной станции «Арко», где заканчивалась деловая часть города, Том развернулся и покотился назад. Гараж от «Фишер-прайс» лежал в проволочной корзине. Карманы брюк и рубашки цвета хаки топорщились от игрушечных автомобилей «корги». Солнце отражалось от сверкающих кругов спиц. С легкой тоской Ник подумал, что ему хочется услышать гудок, чтобы понять, получит ли он от этого звука такое же удовольствие, как Том.

Том помахал ему рукой и поехал дальше. В дальнем конце делового района развернулся и вновь направился к Нику, по-прежнему нажимая на грушу. Ник вытянул руку, как полицейский, останавливающий транспортное средство. Том остановился прямо перед ним. На его лице блестели крупные капли пота. Резиновый шланг ручного насоса свисал с багажника над задним колесом. Том тяжело дышал и улыбался.

Ник указал на Главную улицу и помахал рукой: пока-пока.

– Я могу взять с собой гараж?

Ник кивнул и перекинул лямку сумки с продуктами через бычью шею Тома.

– Мы уезжаем прямо сейчас?

Ник снова кивнул. Сложил в кольцо большой и указательный пальцы.

– В Канзас-Сити?

Ник покачал головой.

– Куда захотим?

Ник кивнул. «Да, в любое место, куда захотим, – подумал он, – но место это, вероятнее всего, окажется где-то в Небраске».

– Yay! – радостно воскликнул Том. – Хорошо! Да! Yay!

По шоссе номер 283 они направились на север и ехали уже два с половиной часа, когда на западе начали собираться темные облака. Гроза быстро надвигалась на них, опираясь на пелену дождя. Ник не мог слышать раскатов грома, но видел зигзаги молний, выстреливающих из облаков. Такие яркие, что после их исчезновения перед глазами оставался сине-лиловый отсвет. Они приближались к окраине Росстона, где Ник намеревался повернуть на восток, по шоссе номер 64, когда пелена дождя под облаками исчезла, а небо застыло и приобрело странный, зловещий желтоватый оттенок. Ветер, освежающе обдувавший левую щеку, стих полностью. Ник вдруг непонятно почему занервничал, ему стало не по себе. Он не знал, что одним из немногих инстинктов, свойственных как человеку, так и низшим животным, является реакция на внезапное и резкое падение атмосферного давления.

А потом Том принялся яростно дергать его за рукав. Ник повернулся к нему и, к своему изумлению, увидел, что Том бледен как полотно, а глаза его превратились в огромные летающие тарелки.

– *Торнадо!* – прокричал Том. – *Приближается торнадо!*

Ник поискал глазами воронку, но ничего не увидел. Вновь повернулся к Тому, пытаясь найти способ успокоить его. Однако Тома рядом уже не было. Он катил на велосипеде по полю справа от дороги, оставляя за собой дорожку в высокой траве.

«Чертов дурак! – сердито подумал Ник. – Ты же ломаешь гребаную ось».

Том спешил к амбару, который на пару с силосной башней находился в четверти мили от шоссе. Туда вела проселочная дорога. Ник, по-прежнему нервничая, доехал до съезда на про-

селок, перенес велосипед через невысокие воротца, а потом покатил к амбару. Велосипед Тома лежал на утоптанной земляной площадке. Том даже не откинул подставку, чтобы поставить на нее велик. Ник мог бы списать это на забывчивость, если бы не видел, как Том несколько раз пользовался подставкой. «Он просто до смерти напуган», – подумал Ник.

Собственная нервность заставила его еще раз оглянуться – и он словно окаменел.

Жуткая чернота приближалась с запада. Не облако – скорее черная дыра, засасывающая в себя весь свет. По форме она напоминала воронку, а высота ее на первый взгляд достигала тысячи футов. Вершина шириной значительно превосходила основание, которое, похоже, не касалось земли. Наверху облака отлетали от воронки, будто охваченные отвлращением.

На глазах Ника основание воронки коснулось земли в трех четвертях мили от амбара, и длинное синее здание с крышей из гофрированного металла, то ли ангар для хранения техники, то ли склад древесины, с грохотом взорвалось. Ник, разумеется, слышать этого не мог, но почувствовал вибрацию земли и едва удержался на ногах. Здание, казалось, сложилось внутрь, словно воронка высосала из него весь воздух. В следующее мгновение металлическая крыша развалилась надвое. Обе части, вращаясь, взлетели в небо. Ник, словно зачарованный, задрал голову, наблюдал за их полетом.

Это то, что я видел в самых жутких снах, думал он, и это совсем не человек, хотя иногда, возможно, и похоже на человека. А на самом-то деле это торнадо. Невероятно огромный черный вихрь, подступающий с запада, засасывающий все, что, на свою беду, окажется у него на пути. Это...

В этот момент его схватили за обе руки и потащили в амбар. Оглянувшись, Ник удивился, увидев Тома Каллена. Завороженный торнадо, он напрочь забыл о своем спутнике.

– Вниз! – крикнул Том. – Быстро! Быстро! Ох, родные мои, да! Торнадо! *Торнадо!*

И Ник наконец-то по-настоящему, осознанно испугался, вышел из сомнамбулического состояния, в котором находился, понял, где он и с кем. И когда Том уводил его к лестнице в подвал-убежище, почувствовал странную, звенящую вибрацию. Пожалуй, из всех ощущений, которые он когда-либо испытывал, эта вибрация больше всего походила на звук. Напоминала зудящую боль в самом центре головы. А потом, спускаясь по лестнице в подвал следом за Томом, он увидел зрелище, которое запомнил до конца своей жизни: обшивочные доски амбара отрывались одна за другой и уносились в клубящийся воздух, подобно гнилым коричневым зубам, выдираемым невидимыми щипцами. Рассыпанное по полу сено поднялось, закружилось в дюжине миниатюрных воронок-торнадо. Вибрация набирала и набирала силу.

Том уже распахивал тяжелую деревянную дверь и толкал его в подвал. На Ника пахло сыростью и гнилью. В тускнеющем свете он увидел, что подвал придется делить с семейством обглоданных крысами трупов. Тут Том захлопнул дверь, и они остались в кромешной тьме. Вибрация ослабела, но не прекратилась.

Паника наинула на Ника плащ и прижала к себе. Его связь с внешним миром сузилась до осязания и обоняния, но и они не успокаивали. Ник ощущал постоянную вибрацию досок под ногами. В подвале пахло смертью.

Том вслепую нащупал его руку, и Ник притянул умственно отсталого парня к себе. Он чувствовал, что Том дрожит, и задался вопросом, не плачет ли тот и не пытается ли заговорить с ним. Эта мысль чуть поубавила его собственный страх, и он обнял Тома за плечи. Том ответил тем же, и оба застыли в темноте, вытянувшись в струнку, прижавшись друг к другу.

Вибрация под ногами Ника все усиливалась; казалось, дрожал даже воздух у его лица. Том еще крепче стиснул объятия. Ничего не слыша и не видя, Ник ждал дальнейшего развития событий. Он подумал, что такой могла бы быть вся его жизнь, если бы Рэй Бут выдавил ему и второй глаз. Но Ник был уверен: случись такое, он сразу пустил бы себе пулю в лоб.

Потом он усомнился в правильности своих часов, настаивавших на том, что они с Томом провели в подвале-убежище только пятнадцать минут, хотя логика и говорила, что часы, раз уж

они работали, не ошибаются. Никогда прежде Ник не осознавал, каким субъективным, каким пластичным может быть время. Ему казалось, что прошел час, может, даже два или три. И по мере того как текли минуты, в нем крепло убеждение, что в подвале они с Томом не одни. Да, конечно, там лежали тела – какой-то бедолага перед смертью привел в подвал всю свою семью, в горячечном предположении, что подвал спасет их от болезни, как спасал от атмосферных катаклизмов, – но Ник имел в виду не трупы. Их он воспринимал как вещи, ничем не отличающиеся от стула, пишущей машинки или ковра. Труп – неодушевленный предмет, занимающий пространство, ничего больше. Однако Ник чувствовал присутствие другого существа, и в нем росла и росла убежденность в том, кто именно – или что – делит с ним этот подвал.

Рядом находился темный человек, тот самый, что оживал в его снах, чей дух он учуял в черном сердце вихря.

Откуда-то – из угла или, возможно, расположившись позади них – темный человек наблюдал за ними. И ждал. Выбрав момент, он коснется их, и они оба... что? Разумеется, сойдут с ума от ужаса. Ни больше ни меньше. Он их видел. Ник не сомневался, что он их видел. Глаза темного человека видели в темноте, как глаза кошки или какого-то инопланетного существа. Как в том фильме, кажется, он назывался «Хищник». Да... как у той твари. Темный человек видел в части спектра, недоступной человеческому глазу, и все казалось ему замедленным и красным, будто весь мир выкупали в чане с кровью.

Поначалу Ник еще мог отличать эту фантазию от реальности, но время шло, и он укреплялся в мысли, что фантазия и есть реальность. Представлял себе, что чувствует на загривке дыхание темного человека.

И уже собрался метнуться к двери, чтобы распахнуть ее и взбежать по лестнице, невзирая на последствия, когда за него это сделал Том. Рука, обнимавшая плечи Ника, внезапно исчезла. В следующее мгновение дверь подвала-убежища открылась, и в дверной проем хлынул поток ослепительно белого света, заставивший Ника прикрыть рукой единственный здоровый глаз. Он увидел покачивающийся силуэт Тома Каллена, поднимающегося по ступеням, а потом последовал за ним, нащупывая путь в этой ослепляющей белизне. К тому времени, когда он поднялся наверх, его глаз уже приспособился к новым условиям.

Он подумал, что свет не был таким ярким, когда они спускались в подвал, и сразу понял почему. С амбара сорвало крышу. Даже не сорвало, а аккуратно срезало, будто скальпелем. Торнадо сработал очень чисто, не оставив на полу ни щепок, ни мусора. С сеновала свисали три потолочные балки, а со стен сорвало почти все обшивочные доски. Создавалось впечатление, будто находишься внутри собранного скелета какого-то доисторического чудовища.

Том не остановился, чтобы оценить разрушения. Выбежал из амбара, словно за ним гнался дьявол. Оглянулся только раз, и в его огромных глазах стоял ужас, который в другой ситуации вызвал бы смех. Ник не смог устоять перед искушением и все-таки заглянул в подвал-убежище. Ступени уходили вниз, в темноту, старые, потрескавшиеся, истертые посередине. Он увидел разбросанную солому на полу и две пары рук, тянувшихся из тени. Крысы обьели пальцы до костей.

Если в подвале был кто-то еще, Ник его не увидел.

Да и не хотел видеть.

Он последовал за Томом.

Том, дрожа всем телом, стоял у велосипеда. Ника на мгновение позабавила прихотливая избирательность торнадо: воронка всосала в себя большую часть амбара, но побрезговала их велосипедами, – и тут он заметил, что Том плачет. Ник подошел к нему, обнял за плечи. Том, широко раскрыв глаза, смотрел на просевшие ворота амбара. Ник сложил большой и указательный пальцы в кольцо. Глаза Тома скользнули по кольцу, но вопреки надеждам Ника он не

улыбнулся. Он вновь уставился на амбар. И Нику совершенно не нравился его пустой, оцепенелый взгляд.

– Там кто-то был! – резко бросил Том.

Ник улыбнулся сам, но улыбка получилась вымученной. Он не знал, как она выглядит со стороны, однако чувствовал, что не очень. Указал на Тома, на себя, потом разрезал воздух рукой, словно подводя черту.

– Нет, – возразил Том. – *Не только* мы. Кто-то еще. Кто-то, кто вышел из смерча.

Ник пожал плечами.

– Теперь мы можем ехать? Пожалуйста!

Ник кивнул.

Они покатали велосипеды к шоссе, воспользовавшись полосой выдернутой травы и взрытой земли, которую оставил после себя торнадо. Он прошелся по западной окраине Росстона, пересек федеральное шоссе номер 283, продвигаясь с запада на восток, ломая ограждения и обрывая провода, обогнул амбар слева от них, зато с силой ударил по дому, который стоял – раньше – перед амбаром. В четырехстах ярдах от шоссе проложенная в поле полоса резко обрывалась. Теперь облака уже начали рассеиваться (хотя дождь продолжал идти, легкий и освежающий), и беззаботно пели птицы.

Ник наблюдал, как напряглись могучие мышцы Тома, когда он переносил велосипед через скрученное ограждение у обочины шоссе. «Этот парень спас мне жизнь, – подумал он. – До этого дня я никогда в жизни не видел смерча. Если бы я оставил его в Мэе, как поначалу собирался сделать, то сейчас лежал бы мертвым бревном».

Он перенес велосипед через ограждение, хлопнул Тома по плечу и улыбнулся ему.

«Мы должны найти кого-то еще, – подумал Ник. – Чтобы я смог поблагодарить его. И сказать ему мое имя. Он даже не знает, как меня зовут, потому что не умеет читать».

Какое-то время он постоял, пораженный этим открытием, а потом они сели на велосипеды и поехали дальше.

На ночь они остановились на левой половине поля «Росстонских малышей», выступавших в малой лиге. Вечер выдался звездным и безоблачным. Ник заснул быстро, и ему ничего не снилось. Проснулся на заре, думая, как же это хорошо, когда рядом вновь кто-то есть, и насколько от этого все меняется.

В Небраске действительно был округ Полк. Поначалу его это поразило, но ведь последние несколько лет он провел в пути. Должно быть, кто-то из собеседников Ника упомянул округ Полк, а может, раньше жил в округе Полк, но в его памяти этот разговор не сохранился. Нашел Ник на карте и шоссе номер 30, однако все-таки не мог поверить, во всяком случае, ранним утром солнечного дня, что они действительно отыщут старую негритянку, которая сидит на крыльце посреди кукурузного поля и поет псалмы, аккомпанируя себе на гитаре. Ник не верил в предчувствия и видения, но полагал, что нужно куда-то идти, искать людей. В каком-то смысле он разделял стремление Фрэнни Голдсмит и Стью Редмана к объединению. А до тех пор все оставалось чуждым и лишенным должного порядка. И везде таилась опасность. Пусть скрытая от глаз, она чувствовалась, как присутствие темного человека в подвале. Опасность была везде. В домах, за следующим поворотом дороги, под легковушками и грузовиками на шоссе. И если сегодня они избежали встречи с ней, она по-прежнему поджидала их в отрывном календаре, отделенная двумя или тремя листочками. «Опасность! – казалось, шептала каждая клеточка его тела. – **АВАРИЙНЫЙ МОСТ. СОРОК МИЛЬ ПЛОХОЙ ДОРОГИ. МЫ НЕ НЕСЕМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ТЕХ, КТО ПРОДОЛЖИТ ПУТЬ В ЭТОМ НАПРАВЛЕНИИ**».

Отчасти причину следовало искать в огромном, выбивающем из колеи психологическом шоке, вызванном пустынным пространством. Находясь в Шойо, Ник практически его не испы-

тивал. Пустынность Шойо значения не имела... по крайней мере особого значения, поскольку сам Шойо являлся песчинкой на бескрайнем пляже. Но когда ты катил по шоссе, возникало ощущение... Ник вспомнил фильм Уолта Диснея о природе, который видел в детстве. Тюльпан заполнял весь экран, один тюльпан, такой красивый, что захватывало дух. А потом камера отъезжала с быстротой, вызывающей головокружение, и ты видел целое поле таких же тюльпанов. Этот прием бил в самое сердце. Создавал полную информационную перегрузку, из-за которой перегорал предохранитель какой-то внутренней цепи, отсекая информационный поток. Человек подобного выдержать не мог. Аналогичным образом действовало на Ника и это путешествие. В Шойо не осталось ни души, но он к этому худо-бедно приспособился. Однако и в Макнабе не осталось ни души, и в Тексаркане, и в Спенсервилле, а Ардмор выгорел дотла. Пока он ехал на север по шоссе номер 81, ему встречались только олени. Дважды попадались на глаза признаки того, что в живых остались и другие люди: относительно свежий костер и останки застреленного и освежеванного оленя. Однако самих людей Ник не видел. И этого было достаточно, чтобы свести человека с ума, потому что медленно, но верно приходило осознание случившегося. Речь шла не просто о Шойо, или о Макнабе, или о Тексаркане. Вся Америка превратилась в небрежно брошенную жестянку, на дне которой перекачивались несколько забытых горошин. А ведь за пределами Америки лежал *целый мир*. Но от этой мысли Нику стало так тошно, что он выбросил ее из головы.

И склонился над атласом. Возможно, продолжив путь, они превратятся в снежный ком, катящийся вниз по склону, увеличивающийся в размерах. Если повезет, по пути в Небраску к их маленькой команде присоединится еще несколько человек (или они к ним присоединятся). А после Небраски, полагал Ник, они отправятся куда-то еще. Все это напоминало поход без конечной цели – ни тебе чаши Грааля, ни меча в камне.

«Мы двинемся на северо-восток, прямиком в Канзас», – думал Ник. Шоссе номер 35 приведет их к другому участку шоссе номер 81, и по нему они смогут добраться до Суидхолма, штат Небраска, где шоссе номер 81 под прямым углом пересекало шоссе номер 92. А шоссе номер 30 являлось гипотенузой этого прямоугольного треугольника. И где-то в нем лежала приснившаяся ему страна.

Думая об этом, Ник ощутил трепет.

Краем глаза он уловил какое-то движение, поднял голову. Том сидел и обоими кулаками тер глаза. Нижняя половина его лица, казалось, исчезла в огромном зевке. Ник улыбнулся Тому и получил улыбку в ответ.

– Сегодня поедем дальше? – спросил Том, и Ник кивнул. – Ух ты, как хорошо! Мне нравится ехать на моем велике. Родные мои, да! Надеюсь, мы никогда не остановимся.

Убирая атлас, Ник подумал: «А кто знает? Возможно, твое желание исполнится».

Тем утром они повернули на восток и на ленч остановились на перекрестке неподалеку от границы Канзаса и Оклахомы. День этот, седьмое июля, выдался жарким.

Незадолго до привала Том, как обычно, резко остановил велосипед. Он смотрел на щит-указатель, закрепленный на бетонной стойке, наполовину ушедшей в мягкую обочину. Ник тоже взглянул на щит. Прочитал: «**ВЫ ПОКИДАЕТЕ ОКРУГ ХАРПЕР, ШТАТ ОКЛАХОМА. ВЫ ВЪЕЗЖАЕТЕ В ОКРУГ ВУДС, ШТАТ ОКЛАХОМА**».

– Я могу это прочитать, – заявил Том, и если бы Ник мог слышать, его бы отчасти позабавил, отчасти тронул пронзительный голос Тома, декламирующего: – *Вы покидаете округ Харпер, штат Оклахома. Вы въезжаете в округ Вудс, штат Оклахома.* – Том повернулся к Нику. – Знаешь что, мистер?

Ник покачал головой.

– Я никогда в жизни не выезжал из округа Харпер, родные мои, нет, только не Том Каллен. Но однажды мой папа привез меня сюда и показал этот щит. Сказал, что если когда-нибудь

поймает меня по другую сторону щита, то дерет с меня кожу. Я очень надеюсь, что он не поймает нас в округе Вудс. Или поймает?

Ник энергично покачал головой.

– Канзас-Сити в округе Вудс?

Ник вновь покачал головой.

– Но мы заедем в округ Вудс до того, как поедем куда-то еще, так?

Ник кивнул.

Глаза Тома блеснули.

– Это – мир?

Ник не понял. Нахмурился... вскинул брови... пожал плечами.

– *Мир* – это место, вот я про что, – пояснил Том. – Мы едем в *мир*, мистер? – Он замялся, а потом со всей серьезностью спросил: – Вудс – так можно назвать мир?

Ник медленно кивнул.

– Ладно. – Том еще несколько секунд смотрел на щит-указатель, потом вытер правый глаз, из которого выкатилась одна слезинка. Оседлал велосипед. – Ладно, поехали. – И молча пересек границу между округами. Ник последовал за ним.

Они въехали в Канзас прямо перед тем, как стало слишком темно, чтобы продолжать путь. После ужина Том надулся и выглядел усталым. Он хотел поиграть в гараж. Хотел посмотреть телик. Не испытывал ни малейшего желания ехать дальше, его зад болел от слишком долгого контакта с сиденьем. Том не понимал, что такое граница между штатами, и в отличие от Ника не испытал прилива бодрости, когда они миновали еще один щит-указатель с надписью: «ВЫ ВЪЕЗЖАЕТЕ В КАНЗАС». К тому времени сумерки настолько сгустились, что белые буквы, казалось, плавали в нескольких дюймах от коричневого фона, словно призраки.

Отъехав на четверть мили от границы штата, они остановились на ночлег под водонапорной башней на высоких стальных опорах, совсем как у машин марсиан Герберта Уэллса. Том заснул, едва успев залезть в спальник. Ник какое-то время сидел, наблюдая за появляющимися звездами. Их окружала совершенно темная и – для Ника – абсолютно бесшумная земля. Когда же он сам собрался залезть в мешок, на ближайшую изгородь уселась ворона и вроде бы принялась изучать его. Ее маленькие черные глазки, казалось, обрамляли кровавые полукружия – отражение раздутой оранжевой луны, молчаливо поднявшейся над горизонтом. Что-то в вороне Нику не понравилось; она определенно его нервировала. Он нашел комок земли и запустил в птицу. Та взмахнула крыльями, бросила на Ника, как ему показалось, злобный взгляд и улетела в темноту.

В эту ночь ему приснился человек без лица, стоящий на высокой крыше с простертыми на восток руками, а потом из кукурузы – выше его ростом – донеслась музыка. Только на этот раз он знал, что это *музыка*, и *знал*, что это гитара. Ник проснулся перед зарей с переполненным мочевым пузырем и словами, отдающимися в ушах: *Матушка Абагейл, так меня здесь называют... Приходи в любое время.*

Во второй половине следующего дня, пересекая округ Команчи по шоссе номер 160, они в изумлении застыли, не слезая с велосипедов, увидев небольшое стадо бизонов – с десятков голов, не больше. Бизоны спокойно переходили дорогу в поисках сочной травы. Раньше по северной стороне дороги тянулась изгородь из колючей проволоки. Но похоже, бизоны ее поваляли.

– Кто они? – опасливо спросил Том. – Это не коровы!

И поскольку Ник не мог говорить, а Том – читать, ответа на свой вопрос он не получил. Так и прошло для них восьмое июля тысяча девятьсот девяностого года. На ночь они остановились на плоской, открытой всем ветрам равнине в сорока милях к западу от Дирхеда.

Девятого июля они ели ленч в тени старого высокого вяза, росшего перед частично сгоревшим фермерским домом. Одной рукой Том отправлял в рот сосиски из консервной банки, а второй то завозил автомобиль в мастерскую, то вывозил оттуда. И вновь и вновь напевал строки из популярной песни. По движениям губ Тома Ник их уже заучил: «Поймешь ли ты своего парня, детка... он су-уперпа-арень, ты же знаешь, детка...»

Огромность простиравшейся вокруг страны подавляла Ника, внушала благоговейный страх. Никогда раньше он не осознавал, как это легко – поднимать руку с оттопыренным большим пальцем, точно зная, что рано или поздно закон больших чисел сыграет в твою пользу. Остановится какой-нибудь автомобиль, обычно с мужчиной за рулем, и зачастую между ног у водителя будет стоять початая банка пива. Он спросит, куда тебе надо, а ты протянешь ему листок бумаги, который держишь под рукой в нагрудном кармане: «Привет, меня зовут Ник Эндрос. Я глухонемой. Извините. Мне нужно в... Буду признателен, если подвезете. Я умею читать по губам». И все дела. Если только водитель не недолюбливал глухонемых (такие встречались, но нечасто), ты запрыгивал в машину, и она или доставляла тебя в нужное место, или помогала преодолеть немалый кусок пути в нужном направлении. Машина пожирала дорогу и выдувала мили из выхлопной трубы. Машина служила средством телепортации. Машина побеждала карту. Но теперь никакой *машины* не было, хотя по многим дорогам с ее помощью, при соблюдении должной осторожности, не составляло труда проехать семьдесят или восемьдесят миль. А уткнувшись в пробку, ты мог бросить свой автомобиль, какое-то расстояние пройти пешком и взять другой. Без автомобиля они напоминали муравьев, ползущих по груди великана, муравьев, отправившихся в бесконечное путешествие от одного соска к другому. Потому-то Ник наполовину мечтал, наполовину грезил о том, что они наконец-то встретят кого-нибудь еще (при условии, что это вообще возможно), и произойдет это точно так же, как в беззаботные времена передвижения на попутках: солнечный луч сверкнет на хроме отделки, когда автомобиль возникнет на вершине лежащего впереди холма, одновременно ослепляя и радуя глаз. И это будет самый обычный американский автомобиль, «шеви-бискейн» или «понтиак-темпест», железяка на колесах, произведенная на заводах Детройта. В своих мечтах Ник никогда не представлял «хонду», «мазду» или «юго». «Американская красота» остановится, и за рулем будет сидеть мужчина, выставив из окна загорелый локоть. Мужчина улыбнется и скажет: «Святой Иосиф, парни! Чертовски рад вас видеть! Запрыгивайте! Запрыгивайте и давайте поглядим, куда мы едем!»

Но в тот день они никого не встретили, а десятого июля наткнулись на Джули Лори.

День снова выдался жарким. Большую часть его второй половины они ехали, повязав рубашки на поясе, и оба уже загорели, как индейцы. Но сегодня похвастаться быстрым продвижением вперед они не смогли – из-за яблок. Зеленых яблок.

Яблоки росли на старой яблоне в фермерском дворе, маленькие, зеленые, кислые, но они давно уже не ели свежих фруктов, а потому сочли их вкус божественным. Ник заставил себя остановиться после первых двух, но Том съел шесть, жадно, одно за другим, до самых косточек. Он игнорировал протестующие жесты Ника, требовавшего, чтобы тот остановился. Стоило Тому что-то вбить себе в голову, и он становился таким же неуправляемым, как своенравный четырехлетний ребенок.

И где-то в одиннадцать утра у Тома прихватило желудок. Пот бежал по нему ручьями. Он стонал. Ему приходилось слезать с велосипеда и катить его даже на небольших подъемах. Несмотря на раздражение, вызванное задержкой, Ник иной раз пусть грустно, но улыбался.

Примерно в четыре часа дня они добрались до Прэтта, и Ник решил, что на сегодня хватит. Том с радостью плюхнулся на стоящую в тени скамейку автобусной остановки и тут же заснул. Ник оставил его там, а сам пошел в брошенный деловой район в поисках аптеки. Он

хотел найти пепто-бисмол и заставить Тома выпить лекарство, когда тот проснется, будет ему того хотеться или нет. И если бы для «закупорки» Тома потребовалась целая бутылка, Ника бы это не остановило, потому что на следующий день он намеревался наверстать упущенное.

Он нашел «Рексолл»⁶ рядом с местным кинотеатром. Проскользнул в открытую дверь и на мгновение остановился, вдыхая знакомый жаркий запах помещения, которое давно не проветривали. К нему примешивались и другие запахи, сильные и удушающие. Прежде всего запах духов. Вероятно, несколько флаконов лопнули от жары.

Ник огляделся в поисках желудочных средств, пытаясь вспомнить, не портится ли пепто-бисмол от высокой температуры. Решил, что найдет нужную ему информацию на этикетке. Его взгляд скользнул по манекену и двум рядам по правую руку, прежде чем он увидел то, что искал. Сделал пару шагов – и тут до него дошло, что никогда еще ему не попадались манекены в аптечном магазине.

Ник оглянулся – и увидел Джули Лори.

Она замерла как памятник, с флаконом духов в одной руке и маленькой стеклянной палочкой, какую используют, чтобы что-то намазывать, в другой. В ее фарфорово-синих глазах читалось ошеломленное изумление. Каштановые волосы она зачесала назад и завязала ярким шелковым шарфом, концы которого падали на спину. Розовый свитер почти полностью скрывал джинсовые шорты, такие короткие, что они больше напоминали трусики. Россыпь прыщей краснела на лбу, а один, чертовски большой, пламенел по центру подбородка.

Теперь они с Ником, застыв от удивления, смотрели друг на друга, разделенные половиной торгового зала. Потом флакон с духами выпал из ее руки и разбился об пол с оглушительным грохотом. По аптечному магазину разлилась тепличная вонь, придав ему сходство с похоронным бюро.

– Господи, ты настоящий? – спросила она дрожащим от волнения голосом.

Сердце Ника заколотилось, он почувствовал, как кровь бешено застучала в висках. Даже глаза начали пульсировать, отчего перед ним заплескали яркие точки.

Он кивнул.

– Ты не призрак?

Он покачал головой.

– Тогда скажи что-нибудь. Если ты не призрак, скажи что-нибудь.

Ник накрыл рот рукой, потом поднес ее к шее.

– И что это должно означать? – В ее голосе появились истерические нотки. Ник их слышать не мог... но увидел выражение ее лица. Он боялся шагнуть к ней, потому что она бросилась бы бежать. Он не думал, что она испугалась его как человека. Она боялась, что видит галлюцинацию, боялась, что сходит с ума. Ник вновь ощутил прилив досады. Если бы он мог *говорить*...

Вместо этого он обратился к пантомиме. Ничего другого не оставалось. На этот раз язык жестов сработал.

– Ты не можешь *говорить*? Ты *немой*?

Ник кивнул.

Девушка пронзительно, раздраженно рассмеялась:

– Ты хочешь сказать, что мне наконец-то встретился человек и он – *немой*?

Ник пожал плечами и криво улыбнулся.

– Ладно. – Она направилась к нему по проходу торгового зала. – Ты хотя бы выглядишь неплохо. – Девушка положила руку ему на плечо, и ее грудь почти коснулась его предплечья. Ник уловил ароматы трех разных духов, а под ними – неприятный запах ее пота.

⁶ «Рексолл» – канадская фармацевтическая компания, располагающая сетью аптек, и в США.

– Меня зовут Джули, – представилась она. – Джули Лори. А тебя как зовут? – Она хихикнула. – Ты же не можешь мне сказать, так? Бедняжка. – Она наклонилась ближе, на этот раз коснувшись его грудью. Нику вдруг стало очень жарко. «Какого черта, – нервно подумал он, – она же еще ребенок».

Он оторвался от Джули, достал из кармана блокнот и ручку, начал писать. В какой-то момент она тесно прижалась к нему, заглядывая через плечо, чтобы видеть, что он там пишет. Никакого бюстгальтера. Господи, быстро же она оправилась от испуга. Почерк Ника стал неровным.

– Ух ты! – вырвалось у нее, пока он писал, словно она увидела обезьянку, проделывающую какой-то сложный трюк. Ник смотрел на блокнот и не мог «прочитать» ее слов, но почувствовал щекочущее тепло ее дыхания.

Я Ник Эндрос. Глухонемой. Путешествую с человеком, которого зовут Том Каллен, он немного умственно отсталый. Он не умеет читать и не понимает многое из того, что я ему показываю жестами, за исключением самого простого. Мы едем в Небраску, потому что там мы сможем найти людей. Так я, во всяком случае, думаю. Поедем с нами, если хочешь.

– Конечно, – без запинки ответила она, а потом, вспомнив, что он еще и глухой, спросила, тщательно выговаривая слова: – Ты можешь читать по губам?

Ник кивнул.

– Хорошо. Я так рада увидеть хоть кого-нибудь. Какая разница, что один глухонемой, а другой – умственно отсталый. Я просто не могу спать с тех пор, как отключилось электричество. – На ее лице отразилась мученическая печаль, больше подобающая героине «мыльной оперы», чем реальному человеку. – Мои мама и папа умерли две недели тому назад. Все умерли, кроме меня. Мне было так одиноко! – Она с рыданием бросилась в объятия Ника и начала тереться об него в непристойной пародии на горе.

Затем Джули отодвинулась, ее глаза сухо блеснули.

– Эй, давай займемся этим. Ты такой милый.

Ник вытаращился на нее. Подумал: «Я не могу в это поверить».

Но все к этому шло. Она уже дергала его ремень.

– Давай. Я приняла таблетку. Это безопасно. – Она на секунду замолчала. – Ты же можешь, правда? Я хочу сказать, если ты не можешь говорить, это не означает, что ты не можешь и...

Он протянул руки, возможно собираясь обнять ее за плечи, но наткнулся на ее груди. И его сопротивление растаяло как дым. Вместе со связностью мышления. Он уложил Джули на пол и овладел ею.

Потом Ник подошел к двери и, застегивая ремень, выглянул на улицу, чтобы посмотреть, где Том. Тот по-прежнему спал на скамейке, не ведая, что творится в окружающем мире. Джули присоединилась к Нику, по пути прихватив новый флакон духов.

– Это умственно отсталый? – спросила она.

Ник кивнул, но ее слова ему не понравились. Жестокие слова.

Джули начала рассказывать о себе, и Ник, к своему облегчению, узнал, что ей семнадцать, то есть она не намного младше его. Мама и друзья всегда называли ее Ангельское Личико, или просто Ангел, потому что она так молодо выглядела. За последовавший час она ему еще много чего наговорила, и Ник понял, что нет никакой возможности отделить правду от лжи... или желаний, которые выдавались за действительность, если угодно. Джули, похоже, всю жизнь ждала такого, как он, того, кто не мог прервать ее бесконечный монолог. Глаза Ника устали неотрывно следить за розовыми губками, которые выталкивали слова одно за другим. Но если

он отводил взгляд больше чем на секунду, чтобы проверить, как там Том, или глянуть на разбитую витрину магазина одежды на противоположной стороне улицы, ее рука касалась его щеки, возвращая к своим розовым губкам. Она хотела, чтобы он «услышал» все, ничего не упустив. Сначала она его раздражала, потом наскучила. Какого-то часа – невероятно, но факт – хватило, чтобы он пожалел, что вообще встретил ее. И ему уже хотелось, чтобы она отказалась от принятого решения ехать с ними.

Она подсела на рок-музыку и марихуану, любила стейки с жареной картошкой. У нее был бойфренд, которому обрыдла «общественная система», управляющая старшей школой, и он бросил ее в прошлом апреле, чтобы завербоваться в морскую пехоту. С тех пор она его не видела, но писала ему каждую неделю. Она и две ее школьные подруги, Рут Хонинджер и Мэри-Бет Гуч, ездили на все рок-концерты в Уичиту, а в прошлом сентябре автостопом добрались до Канзас-Сити, чтобы увидеть «Ван Хален» и других хэви-метал-монстров. Она утверждала, что «занималась этим» с бас-гитаристом «Доккена» и «никогда в жизни ее так чертовски хорошо не драли»; она «плакала и плакала» после смерти матери и отца, которые умерли один за другим в течение двадцати четырех часов, пусть даже ее мать была «сучьей ханжой», а отец «на дух не выносил» Ронни, ее бойфренда, который уехал из города, чтобы завербоваться в морскую пехоту. Она же по окончании средней школы собиралась или стать парикмахершей в Уичите, или добраться до Голливуда и найти работу в одной из тех компаний, которые строят дома кинозвезд. «Я чертовски хороша в разработке интерьеров, а Мэри-Бет сказала, что поедет со мной».

В этот момент она внезапно вспомнила, что Мэри-Бет Гуч мертва и ее шанс стать парикмахершей в Уичите или дизайнером интерьеров в компании, строящей дома для кинозвезд, ушел вместе с Мэри-Бет... и всеми остальными. И эта мысль, похоже, по-настоящему ее огорчила... но продержалась в голове недолго. Печаль не затянулась, пронеслась мимолетным шквалом.

Когда словесный поток начал иссякать – по крайней мере на время, – она захотела еще раз «сделать это» (игриво выражаясь), но Ник покачал головой, и она надула губки.

– Может, я и не захочу ехать с вами.

Ник пожал плечами.

– Болван-болван-болван! – с неожиданной злостью проговорила она. Ее глаза злобно сверкнули. Но она тут же улыбнулась. – Я так не думаю. Просто пошутила.

Ник бесстрастно смотрел на нее. Его еще и не так обзывали, однако что-то в ней очень ему не нравилось. Какая-то постоянная неуравновешенность. Если она на тебя злилась, то не кричала и не отвечивала оплеуху. Нет, Джули была не такая. Она сразу вонзала в тебя ногти. Его вдруг осенило, причем он совершенно не сомневался в своей догадке: насчет возраста она солгала. Ей не семнадцать, не четырнадцать и не двадцать один. Ей ровно столько, сколько тебе нужно... пока ты хочешь ее больше, чем она тебя, нуждаешься в ней больше, чем она в тебе. Она всячески демонстрировала свою сексуальность, но Ник полагал, что в данном случае сексуальность – всего лишь внешнее проявление чего-то другого в ее характере... всего лишь симптом. «Симптом» – это слово используют для описания болезни, верно? Значит, Джули больна? В каком-то смысле – да, и Ник внезапно испугался, что она может дурно повлиять на Тома.

– Эй, твой дружок просыпается! – воскликнула Джули.

Он оглянулся. Да, Том уже сидел на скамейке, почесывая спутанные волосы и недоуменно таращась по сторонам. Тут Ник вспомнил про пепто-бисмол.

– Эй, привет! – закричала Джули и побежала к Тому, ее груди покачивались под обтягивающим свитером. И если раньше Том просто таращился, то теперь его глаза буквально вылезли из орбит.

– Привет? – медленно то ли сказал, то ли спросил он и посмотрел на Ника, ожидая подтверждения и (или) объяснения.

Скрывая тревогу, Ник пожал плечами и кивнул.

– Я Джули, – представилась она. – Как дела, красавчик?

Глубоко задумавшись, по-прежнему в тревоге, Ник повернулся к ним спиной и пошел к стеллажам, чтобы взять нужное Тому лекарство.

* * *

– Нет, нет! – Том пятился и мотал головой. – Нет, нет, не хочу. Том Каллен не любит лекарства, само собой, никогда, у них плохой вкус!

Держа в одной руке трехгранную бутылку пепто-бисмола, Ник смотрел на Тома с досадой и неприязнью. Взглянул на Джули, и она перехватила его взгляд, но в ее глазах он увидел знакомую злобу, как и в тот момент, когда она назвала его болваном. Не веселые огоньки, а неприятный, начисто лишенный веселья блеск. Так обычно блестят глаза у человека, не отличающегося чувством юмора, когда он собирается кого-нибудь подразнить.

– И правильно, Том, – кивнула она. – Не пей, это яд.

Ник вытаращился на нее. Она улыбнулась в ответ, уперев руки в бедра, предлагая теперь убедить Тома в обратном. Так, вероятно, она мстила ему за то, что он отверг ее второе предложение перепихнуться.

Он вновь повернулся к Тому и глотнул из бутылки. Ник чувствовал, как злость начинает распирает виски. Протянул бутылку Тому, но ему пример не показался убедительным.

– Нет, ой-ой, Том Каллен не пьет яд! – И Ник, все сильнее злясь на девушку, увидел, что Том в ужасе. – Папа говорил, нельзя. Папа говорил, раз он убивает крыс в амбаре, то убьет и Тома! Никакого яда!

Ник резко повернулся к Джули, не в состоянии больше выносить ее ехидную ухмылку. Отвесил ей оплеуху, открытой ладонью, но сильно. Том замер с широко раскрытыми, испуганными глазами.

– Ты... – начала она, не в состоянии подобрать слова. Ее лицо густо покраснело, теперь она выглядела избалованной и злобной. – Ты, тупоголовый ублюдок! Это же была шутка, говнюк! Ты не имеешь права меня бить! Ты не имеешь права меня бить, черт тебя побери!

Она прыгнула на него, и он ее оттолкнул. Она плюхнулась на пятую точку, обтянутую джинсовыми шортиками, посмотрела на него снизу вверх, ее губы растянулись в зверином оскале.

– Я оторву тебе яйца! – выдохнула она. – Ты не имеешь права так себя вести!

Дрожащими руками – голова просто раскалывалась от боли – Ник достал ручку и блокнот, большими кривыми буквами написал несколько слов. Вырвал листок и протянул ей. Сверкая глазами, Джули яростно отбросила записку. Ник поднял ее, второй рукой схватил Джули за шею и сунул записку ей в лицо. Том хныкал, сжавшись в комок.

– Хорошо! – крикнула она. – Я ее прочту! Я прочту твою сраную записку!

Записка состояла из четырех слов: *Ты нам не нужна.*

– Да пошел ты! – огрызнулась она, вырываясь из его руки. Отступила по тротуару на несколько шагов. Глаза ее стали такими же огромными и синими, как при их первой встрече в аптеке, только теперь они плевались ненавистью.

Ник чувствовал, как наваливается усталость. Из всех людей... ну почему она?

– Я здесь не останусь, – заявила Джули Лори. – Я с вами. И ты не сможешь мне помешать.

Но он мог. Или она до сих пор этого не осознала? «Нет, – подумал Ник. – Не осознала. Она воспринимала происходящее как голливудский сценарий, как фильм-катастрофу в реаль-

ной жизни, с Джули Лори в главной роли. И в этом фильме Ангельское Личико всегда получала то, что хотела».

Ник вытащил револьвер из кобуры и нацелил ей на ноги. Она застыла и побледнела. Выражение ее глаз изменилось, и выглядела она теперь по-другому, впервые стала настоящей, живой Джули Лори. В ее мире возникло нечто такое, чем она не могла манипулировать, что не умела обратить в свою пользу. Револьвер. Ник уже не просто чувствовал усталость. Его мучило.

– Я же не всерьез, – быстро заговорила Джули. – Я сделаю все, что ты хочешь, перед Богом клянусь.

Он махнул револьвером, предлагая ей уйти.

Она повернулась и пошла, оглядываясь. Ускорила шаг, побежала. Повернула за угол и исчезла. Ник убрал револьвер в кобуру. Его трясло. Он чувствовал себя так, будто его вывалили в грязи, и ощущал опустошенность, словно Джули Лори была совсем не человеком, а близким родственником холоднокровных жучков, которых находят под гниющими на земле стволами деревьев.

Он обернулся в поисках Тома, но Том исчез.

Ник быстрым шагом пошел по залитой солнцем улице, едва живой от головной боли. Глаз, выдавленный Рэем Бутом, пульсировал. Ему потребовалось почти двадцать минут, чтобы найти Тома. Тот забился на заднее крыльцо какого-то дома в двух улицах от делового района. Сидел на ржавом диване-качалке, прижимая к груди гараж от «Фишер-прайс». Увидев Ника, Том заплакал:

– Пожалуйста, не заставляй меня это пить, пожалуйста, не заставляй Тома Каллена пить яд, само собой, никогда, папа говорил, раз он убивает крыс, то убьет и меня... *пожа-а-а-луйста!*

Только тут Ник заметил, что по-прежнему держит в руке бутылку пепто-бисмола. Он бросил ее и показал Тому пустые руки. А понос... что будет, то будет. Огромное тебе спасибо, Джули.

Том спустился со ступенек, бормоча:

— Я извиняюсь, я извиняюсь, Том Каллен извиняется.

Они вместе направились к Главной улице... и вдруг замерли как вкопанные. Оба велосипеда лежали на боку. Со вспоротыми шинами. Вокруг валялись вещи из их рюкзаков.

Тут же что-то на большой скорости пронеслось рядом с лицом Ника – он это почувствовал, – а Том закричал и побежал. Ник на мгновение застыл, в недоумении оглянулся – и, так уж вышло, посмотрел в правильном направлении, потому что увидел вспышку второго выстрела. Стреляли из окна третьего этажа отеля «Прэтт». На этот раз что-то быстрое, вроде швейной иглы, дернуло воротник его рубашки.

Он повернулся и побежал вслед за Томом.

Ник так и не узнал, выстрелила ли Джули еще раз, но, догнав Тома, убедился, что ни один из них не ранен. «Зато мы отделались от этой докучливой девицы», – решил он... однако, как потом выяснилось, ошибся.

На ночлег они остановились в амбаре в трех милях к северу от Прэтта, и Том то и дело просыпался из-за кошмаров, а потом будил Ника, чтобы тот его успокоил. К одиннадцати утра добрались до города Юка и нашли два хороших велосипеда в магазине «Спортивный и велосипедный мир». Ник, который уже начал приходить в себя после встречи с Джули, подумал, что закончить экипировку они смогут в Грейт-Бэнд, куда, по его расчетам, попадут не позднее четырнадцатого июля.

Но примерно без четверти три пополудни двенадцатого июля он заметил какое-то мерцание в зеркале заднего обзора, установленном слева на руле. Ник остановился (Том, который ехал сзади, витая в облаках, прокатил по его ступне, но он этого почти не заметил) и огля-

нулся. Источник мерцания взошел на вершину холма, словно дневная звезда, радуя и захватывая дух: Ник просто не мог поверить своим глазам. Пикап «шеви» какой-то древней модели – добрая старая детройтская железяка на колесах – медленно продвигался по федеральному шоссе номер 281, лавируя от одной обочины к другой между застывшими автомобилями.

Пикап подкатил к ним (Том энергично размахивал руками, но Ник так и стоял столбом, не слезая с велосипеда, поставив ноги на землю). Перед тем как водитель вылез на дорогу, Ник успел подумать, что сейчас увидит Джули Лори и ее злобную, торжествующую улыбку. В руках она будет держать ту самую винтовку, из которой стреляла по ним, и с такого расстояния промахнуться будет очень сложно. В злобе с отвергнутой женщиной не под силу тягаться даже демонам ада.

Но из автомобиля появился мужчина сорока с небольшим лет, в соломенной шляпе с заливчатски заткнутым за синюю бархатную ленту пером, а когда он улыбнулся, его загорелое лицо покрылось сетью более светлых морщинок.

– Святой Иисус на карусели, рад ли я встрече с вами, ребята? – спросил он и сам же ответил: – Полагаю, что рад! Залезайте в кабину и давайте поглядим, куда мы едем.

Так Ник и Том повстречали Ральфа Brentнера.

Глава 44

«Он сходил с ума... детка, как будто ты этого не знаешь?»

Такая строчка была у Хьюи Смита по прозвищу Пианино⁷, раз уж об этом зашла речь. Давным-давно. Привет из прошлого. Хьюи Пианино Смит, помнишь? *А-а-а-а, да-а-а-а-йо... гу-уба, гу-уба... а-а-а-а*. И так далее. Остроумие, мудрость и социальный комментарий Хьюи Пианино Смита.

– На хрен социальный комментарий, – пробормотал он. – Хьюи Смит – это не моя история.

Годы спустя Джонни Риверс⁸ записал одну из песен Хьюи, «Роковую пневмонию и буги-вуги-грипп». Эту запись Ларри помнил очень даже хорошо и думал, что она соответствует сложившейся ситуации. Старина Джонни Риверс. Старина Хьюи Пианино Смит.

– На хрен, – вновь компетентно высказался Ларри. Выглядел он ужасно – бледный, отощавший фантом, бредущий по шоссе в Новой Англии. – Дайте мне шестидесятые.

Само собой, шестидесятые, такие славные денечки. Власть цветов. «Очищаемся для Джина»⁹. Энди Уорхол с его стаканами с розовыми ободками и гребаными ящиками «Брилло». «Велвет андерграунд». Возвращение экземпляра из Йорба-Линды¹⁰. Норман Спинрад, Норман Мейлер, Норман Томас, Норман Рокуэлл и старина Норман Бейтс из мотеля «Бейтс», хе-хе-хе. Дилан ломает шею. Барри Макгуайр хрипит «Канун уничтожения». Дайана Росс занимает мысли всех белых подростков Америки. «Все эти прекрасные рок-группы, – заторможенно думал Ларри. – Дайте мне шестидесятые, а восьмидесятые заткните себе в зад. Если говорить о рок-н-ролле, шестидесятые стали последним взлетом Золотой Орды. «Крим». «Рэскелс». «Спунфул». «Эйрплейн» с вокалисткой Грейс Слик, соло-гитаристом Норманом Мейлером и ударником стариной Норманом Бейтсом. «Битлз». Которые. Умерли».

Он упал и ударился головой.

Мир погрузился в черноту, потом всплыл обратно яркими фрагментами. Ларри провел рукой по виску, и она вернулась, вымазанная кровью. Пустяки. Хренотень, как говорили в яркие и великолепные шестидесятые. А как еще оценить падение и удар головой в сравнении с тем, что последнюю неделю он не мог заснуть, не проснувшись от кошмара, и хорошими ночами считались те, когда крик не поднимался выше горла? Если кричишь вслух и просыпаясь от этого, испуг только усиливается.

Сны возвращали его в тоннель Линкольна. Кто-то шел за ним, только это была не Рита, а дьявол, и он подкрадывался к Ларри с мрачной, застывшей на лице улыбкой. За ним шел темный человек – не ходячий мертвяк, куда хуже любого ходячего мертвяка. Ларри бежал в медленной, вязкой панике кошмара, спотыкаясь о невидимые трупы, зная, что они смотрят на него остекленевшими глазами набивных чучел из своих гробов-автомобилей, которые застряли в застывшем транспортном потоке, хотя ехали совсем в другое место. Он бежал, но какой смысл бежать от темного дьявольского человека, черного мага, глаза которого видели в темноте, как ноктовизоры¹¹? И через какое-то время дьявол начинал подзывать его к себе: *Иди сюда, иди сюда, Ларри, мы сделаем это вме-е-е-е-есте, Ла-а-а-арри...*

⁷ Хьюи Смит (р. 1934) – известный американский пианист. В расцвете сил ушел к «Свидетелям Иеговы» и перестал выступать.

⁸ Джонни Риверс (р. 1942) – известный американский рок-музыкант, певец, автор песен, гитарист.

⁹ «Очищаемся для Джина» – лозунг предвыборной президентской кампании 1968 г. Юджина (Джина) Маккартни, сенатора от штата Миннесота.

¹⁰ В городе Йорба-Линда родился Ричард Никсон, 37-й президент США (1969–1974).

¹¹ Ноктовизор – прибор, преобразующий инфракрасные (тепловые) лучи в видимый свет и позволяющий видеть в темноте.

Он чувствовал дыхание темного человека на своем плече и в тот самый момент вырвался из сна, выпрыгивал из сна, с криком, застрявшим в горле, как острая кость, или срывающимся с губ, достаточно громким, чтобы разбудить мертвого.

В дневное время видения блекли. Темный человек работал исключительно в ночную смену. В дневное время за него бралось Большое Одиночество, вгрызалось в мозг острыми зубками какого-то не знающего устали грызуна – крысы, может, ласки. Днем его мысли вращались вокруг Риты. Очаровательная Рита, женщина-контролер на дневной платной стоянке. Снова и снова он мысленно поворачивал ее, видел глаза-щелочки, напоминающие глаза животного, умершего в изумлении и боли, рот, который он раньше целовал, набитый зеленой блевотой. Она умерла так легко, ночью, *в гребаном спальном мешке, который они делили на двоих, а теперь он...*

Что ж, он сходит с ума. Так ведь, правда? Именно это с ним творится. Он сходит с ума.

– Схожу с ума, – простонал Ларри. – Господи, у меня едет крыша.

Часть рассудка, которая еще сохранила толику здравомыслия, заверила его, что, возможно, так оно и есть, но в эту самую минуту он страдает от теплового удара. После случившегося с Ритой он больше не ехал на мотоцикле. Просто не мог: у него возник психологический блок. Он видел себя размазанным по асфальту. Так что мотоцикл пришлось оставить. После чего он шел пешком... сколько дней? Четыре? Восемь? Девять? Ларри не знал. В это утро уже в десять часов температура поднялась выше девяноста градусов¹²; теперь же было почти четыре, и солнце светило ему в затылок, а он шагал без шляпы.

Ларри не мог вспомнить, когда избавился от мотоцикла. Не вчера и, возможно, не позавчера (может, все-таки позавчера, но вряд ли), да и какое это имело значение? Он слез с него, включил передачу, открыл дроссель и отпустил сцепление. Мотоцикл вырвался из его дрожащих, больных рук, как дервиш, помчался к обочине и сиганул с насыпи федерального шоссе номер 9 где-то к востоку от Конкорда. Ларри думал, что город, в котором он убил мотоцикл, звался Госсвиллем, хотя и это не имело особого значения. Главное заключалось в том, что ему такой мотоцикл не годился. Он не мог ехать быстрее пятнадцати миль в час – и даже на такой скорости видел, как его перебрасывает через руль и он разбивает голову об асфальт, или как в слепом повороте врывается в перевернутый грузовик и вместе с мотоциклом вспыхивает факелом. А через какое-то время загоралась гребаная лампочка перегрева двигателя, само собой, загоралась, потому что Ларри почти мог разобрать слово «ТРУС», пропечатанное маленькими буквами на пластмассовой пластинке, под которой горела эта красная лампочка. В свое время он принимал мотоцикл как должное, и поездки на нем доставляли ему наслаждение: ощущение скорости, ветер, обдувающий щеки, мостовая, пролетающая в каких-то шести дюймах под ногами. Да, пока Рита была с ним, пока Рита не превратилась в набитый блевотой рот и пару глаз-щелочек, он наслаждался ездой на мотоцикле.

Итак, он направил мотоцикл с насыпи в заросшую бурьяном лощину, а потом, не без ужаса, подошел к краю и посмотрел на него, словно боялся, что тот поднимется на дорогу и раздавит его. «Ну же, – думал Ларри, – ну же, угомонись, урод». Но мотоцикл еще долго не желал угомониться. Ревел и неистовствовал внизу, заднее колесо бешено вращалось, цепь захватывала прошлогодние листья и выплевывала облака коричневой, пахнущей горечью пыли. Сизый дым вырывался из хромированной выхлопной трубы. Уже тогда с головой у него творилось неладное: он подумал, что в мотоцикле есть что-то сверхъестественное, что мотоцикл сейчас встанет на оба колеса, развернется, поднимется из лощины и расправится с ним... А если сейчас ему и удастся уйти живым, то через какое-то время он оглянется на нарастающий шум мотоциклетного двигателя – и увидит свой мотоцикл, который не захотел угомониться и умереть, как того требовали приличия. Нет, мотоцикл мчался по шоссе на скорости восемьдесят

¹² По Фаренгейту; примерно 32,2 °C.

миль в час, а над рулем склонялся этот темный человек, этот твердый орешек, а на заднем сиденье компанию ему составляла Рита Блейкмур в белых шелковых штанах, трепещущих на ветру, с мертвенно-бледным лицом, глазами-щелочками, волосами сухими и мертвыми, как обертка кукурузного початка зимой. Потом наконец мотоцикл стал кашлять, и пыхтеть, и захлебываться, и давать перебои в зажигании, а когда двигатель все-таки заглох, Ларри, глядя на него, опечалился, словно убил какую-то часть себя. Без мотоцикла он не мог организовать серьезное наступление на тишину, а тишина по большому счету доставала его сильнее, чем страх умереть или получить серьезную травму, разбившись на мотоцикле. С тех пор он шел пешком. Миновал несколько небольших городков на шоссе номер 9, в которых ему попадались магазины, торгующие мотоциклами. В выставочных залах стояли модели с ключом в замке зажигания, однако если он смотрел в витрину слишком долго, то видел себя, лежащего на дороге в луже крови, и яркостью и насыщенностью красок видения эти напоминали жуткие, но завораживающие фильмы ужасов Чарльза Бэнда, в которых люди умирали под колесами больших грузовиков или в их теплых внутренностях росли большие безымянные насекомые, потом вырывавшиеся на волю и улетающие, оставляя за собой вскрытые животы... И Ларри проходил мимо, бледный и дрожащий, шел дальше, с капельками пота на верхней губе и в височных впадинах.

Он похудел... а почему нет? Шагала дни напролет, каждый день, от восхода до заката. Плохо спал. Ночные кошмары будили его к четырем утра, он зажигал лампу Коулмана¹³ и, скрючившись, сидел рядом, дожидаясь рассвета, чтобы сразу двинуться в путь. А потом шагала едва ли не до наступления полной темноты и только тогда разбивал лагерь с торопливостью, достойной беглеца из тюрьмы. Покончив со всеми делами, он долго лежал без сна, как человек, в крови которого циркулируют два грамма кокаина. Ох, детка, его трясло и коржило. Опять же, как и любой кокаинист, он мало ел, но никогда не ощущал голода. Кокаин и ужас не способствуют аппетиту. Ларри не прикасался к кокаину с того давнишнего загула в Калифорнии, но ужас не отпускал его ни на минуту. Он дергался от пронзительного крика птицы в лесу. Подпрыгивал, слыша предсмертный писк какого-то маленького зверька, угодившего в пасть хищника. Миновав этапы стройности и худобы, он превратился в ходячий скелет. И теперь балансировал на тонкой метафорической (или метаболической?) грани, за которой начиналось крайнее истощение. У него отросла борода, торчавшая во все стороны, рыжевато-золотистая, более светлая, чем волосы. Глаза глубоко запали и сверкали из глазниц, словно маленькие затравленные зверьки, попавшиеся в пару поставленных рядом капканов.

– Схожу с ума! – вновь простонал Ларри. Безнадежное отчаяние своего собственного скулежа испугало его. Неужели все зашло так далеко? Когда-то существовал Ларри Андервуд, записавший пластинку, которая успешно раскупалась, мечтавший стать Элтоном Джоном своего времени, ох, други мои, как бы смеялся над этим Джерри Гарсия... а теперь этот парень превратился в полутруп, ползущий по черному покрытию шоссе номер 9 где-то в юго-восточном Нью-Хэмпшире. Тот, другой Ларри Андервуд не потерпел бы сравнения с этим ползущим бедолагой... с этим...

Он попытался подняться и не смог.

– Ох, как же это нелепо... – Ларри наполовину смеялся, наполовину плакал.

По другую сторону дороги, на холме, расположенном ярдах в двухстах, будто великолепный мираж, поблескивал разросшийся за счет пристроек новоанглийский фермерский дом. С зеленой обшивкой и отделкой, крытый зеленой черепицей. С холма сбегала зеленая лужайка, которая только-только начала зарастать травой. У подножия лужайки тек небольшой ручей. Ларри мог слышать завораживающий звук его веселого журчания. Вдоль ручья извивалась каменная стена, возможно, служившая границей частного владения, а перед ней на одинако-

¹³ Лампа Коулмана – названа по фамилии изобретателя У. Коулмана (1870–1957). Источником света является горящий сжиженный газ.

вом расстоянии друг от друга нависали огромные тенистые вязы. Ларри решил, что продемонстрирует свое всемирно известное мастерство ползания и просто немного посидит в тени... вот что он сделает. А почувствовав себя чуть лучше на предмет... на предмет жизни вообще... встанет на ноги, спустится к ручью, попьет воды и умоется. Может быть, от него плохо пахнет. Однако кому какое до этого дело? Кто будет нюхать его теперь, когда Риты нет на свете?

«Она до сих пор лежит в той палатке? – пришла ему в голову отвратительная мысль. – И тело ее распухает? Привлекает мух? Становится все больше похожим на черный леденец в туалетной кабинке у Первого проезда? Ну а где ей еще быть? Играть в гольф в Палм-Спрингс вместе с Бобом Хоупом?»

– Боже, это ужасно, – прошептал он и пополз через дорогу. Он чувствовал, что сможет встать, оказавшись в тени, но для этого потребовалось бы слишком много усилий. Тем не менее Ларри потратил часть оставшихся сил, чтобы украдкой глянуть в ту сторону, откуда пришел, и убедиться, что брошенный мотоцикл не переедет его.

В тени было градусов на пятнадцать прохладнее, и Ларри шумно выдохнул от удовольствия и облегчения. Потрогал рукой затылок, почти весь день гревшийся на солнце, и отдернул пальцы, зашипев от боли. Боль от ожога? Помажь ксилокаином. Или другим целительным дерьмом. Уберите этих людей с солнца. Ожог, детка, ожог. Уоттс¹⁴? Помнишь Уоттс? Еще один привет из прошлого. Все человечество – теперь один большой привет из прошлого, великий «золотой укол»¹⁵.

– Чел, ты болен, – поставил он себе диагноз и привалился головой к шероховатому стволу вяза. Закрыв глаза. Испещренная солнечными бликами тень образовала на внутренней стороне века движущиеся красно-черные узоры. Веселое журчание воды радовало и успокаивало. Через минутку он пойдет к ручью, чтобы попить воды и умыться. Через минутку.

Ларри задремал.

Минуты поплыли одна за другой, и дрема впервые за последние дни перешла в глубокий, не омраченный кошмарами сон. Руки бессильно лежали на животе. Тощая грудь поднималась и опускалась. От бороды лицо выглядело еще более худым – полное тревоги лицо одинокого беженца, оставшегося в живых после жуткой резни, поверить в которую просто невозможно. Мало-помалу глубокие морщины на обожженном солнцем лице начали разглаживаться. Ларри по спирали спустился к глубинным уровням подсознания и отдыхал там, как маленькое речное существо, которое летом проводит самые жаркие часы в спячке, зарывшись в прохладную глину. А солнце тем временем клонилось к горизонту.

Густые заросли кустов вдоль ручья чуть зашуршали: в них что-то двигалось. Шуршание прекратилось, послышалось вновь – и через какое-то время из кустов вынырнул мальчик. Лет тринадцати, а может, и десяти, довольно высокий для своего возраста, одетый в трусы «Фрут оф зе лум». Тело покрывал ровный загар, и лишь повыше пояса трусов тянулась странная белая полоска. В правой руке мальчик держал нож для разделки мяса. С зазубренным футовым лезвием. Оно ярко сияло на солнце.

Бесшумно, чуть пригнувшись, мальчик подкрался к Ларри. Уголки его зеленовато-синих, цвета морской воды глаз слегка поднимались вверх, придавая лицу что-то китайское. Сами глаза были немного дикие и ничего не выражали. Мальчик поднял нож.

– Нет, – послышался за его спиной мягкий, но твердый женский голос.

Мальчик обернулся, склонив голову набок и прислушиваясь, по-прежнему держа нож в поднятой руке. На его лице одновременно читались вопрос и разочарование.

– Мы будем наблюдать за ним, – добавил женский голос.

¹⁴ Уоттс – спальный район Лос-Анджелеса.

¹⁵ Имеется в виду введение себе наркоманом смертельной дозы наркотика.

Мальчик помедлил, переводя взгляд, уже откровенно кровожадный, с ножа на Ларри и опять на нож, а потом вернулся тем же путем, что и пришел.

Ларри спал.

Проснувшись, Ларри прежде всего осознал, что чувствует себя на удивление хорошо. Потом ощутил голод. Тут же отметил неполадки с солнцем: оно вроде бы двигалось по небу в обратном направлении. И наконец, простите великодушно, ему жутко хотелось поссать.

Вставая и прислушиваясь к восхитительному потрескиванию сухожилий, Ларри понял, что не просто вздремнул, а проспал целую ночь. Взглянул на часы и понял причину солнечной аномалии: было утро, двадцать минут десятого. Отсюда и голод. Он не сомневался, что в большом белом доме наверняка найдется какая-нибудь еда. Консервированный суп, а может быть, ветчина. В животе у него заурчало.

Прежде чем отправиться в дом, он разделся, встал на колени перед ручьем и принялся лить на себя воду. Заметил, как исхудало его тело – вылитый героиновый наркоман. Ларри встал, вытерся рубашкой и натянул брюки. Влажные черные спины камней выступали над водой, и он перешел по ним на другой берег. Уже там вдруг застыл и посмотрел на густые заросли кустов. Страх, который не давал о себе знать с момента пробуждения, вдруг вспыхнул ярким пламенем – и так же резко угас. Вероятно, он услышал шебуршание белки или сурка, может, лисы. Ничего больше. Уже совершенно успокоившись, Ларри повернулся и зашагал по лужайке к большому белому дому.

Он преодолел половину пути, когда на поверхность его сознания всплыла мысль, словно поднявшийся и лопнувший пузырь. Произошло все обыденно, без фанфар, но сама мысль заставила его замереть на месте: *Почему ты не ехал на велосипеде?*

Он стоял на лужайке, между ручьем и домом, пораженный простотой этой идеи. Он шел пешком с тех пор, как отправил свой «харлей» в лощину. Шел, донельзя выматывая себя, и в конце концов свалился от солнечного удара или чего-то очень к нему близкого. А ведь мог крутить педали, передвигаясь со скоростью бегуна, если не хотел ехать быстрее, и, возможно, уже находился бы на побережье, выбирая себе подходящий коттедж и заготавливая запасы продовольствия.

Он засмеялся, сначала негромко, немного пугаясь звука собственного смеха, разносящегося по всей этой тишине. Смех в одиночестве, когда рядом никого нет и некому посмеяться вместе с тобой, – еще один признак того, что ты медленно, но верно продвигаешься к сказочной стране под названием Дурдомия. Однако смех этот прозвучал так искренне и по-настоящему, так чертовски *здорово*, так похоже на смех прежнего Ларри Андервуда, что сдерживать его Ларри не стал. Он стоял, уперев руки в бока, вскинув лицо к небу, и хохотал над собственной потрясающей дурустью.

Позади, из самых густых зарослей кустов, за ним наблюдали зеленовато-синие глаза. Они продолжали наблюдать, когда Ларри, все еще посмеиваясь и качая головой, вновь зашагал по лужайке, поднялся на крыльцо и открыл парадную дверь. Ларри вошел в дом, кусты заколыхались, и раздался тот самый шелестящий звук, который Ларри слышал, но которому не придал значения. Из зарослей выбрался мальчик, по-прежнему в одних трусах и с зажатым в руке ножом для разделки мяса.

Потом появилась рука и погладила его по плечу. Мальчик немедленно остановился. Из кустов вышла женщина, высокая и крупная, но казалось, что кусты вокруг нее даже не шелохнулись. В ее густых, роскошных черных волосах ослепительно белели отдельные седые пряди. Волосы женщина заплела в косу, перекинутую через плечо вперед, и кончик косы покоился на груди. При взгляде на эту женщину прежде всего бросался в глаза ее рост, однако потом все внимание занимали волосы, их буквально осязаемая грубоватая, но словно смазанная маслом фактура. Мужчины немедленно задавались вопросом: а как она будет выглядеть при свете

луны с распущенными волосами, разметающимися по подушке? Задавались вопросом: а какая она в постели? Но она еще не познала мужчину. Хранила девственность. Ждала своего принца. Видела сны. Как-то раз в колледже имела дело с планшеткой¹⁶. И теперь она снова задалась вопросом: а не этому ли мужчине суждено познать ее?..

– Подожди, – сказала она мальчику. Повернула к себе его напряженное лицо. Она знала, в чем дело. – С домом все будет в порядке. Зачем ему вредить дому, Джо?

Он отвернулся от нее и посмотрел на дом тревожным, алчущим взглядом.

– Когда он уйдет, мы последуем за ним.

Он злобно затряс головой.

– Да, мы должны. Я должна. – Она ощущала это с необычайной силой. Возможно, он не окажется тем единственным, но в любом случае будет звеном цепи, держась за которую она шла все эти годы. И цепь эта подходила к своему концу.

Джо – в действительности его звали иначе – яростно вскинул нож, словно собираясь вонзить в нее. Она не попыталась ни защититься, ни спастись бегством, и он медленно опустил оружие. Потом повернулся к дому и ткнул лезвием в его направление.

– Нет, ты этого не сделаешь, – возразила она. – Потому что он – человек и приведет нас к... – Она замолчала. *К другим людям.* Так она хотела закончить. *Он – человек и приведет нас к другим людям.* Но она не знала, это ли имела в виду и вся ли это была правда. Противоположные желания уже начали разрывать ее надвое, и она пожалела о том, что они увидели Ларри. Она снова попыталась погладить мальчика по голове, но тот сердито отскочил в сторону, уставился на большой белый дом, и его глаза горели ревностью. Через какое-то время он скрылся в кустах, метнув в нее обиженный взгляд. Она последовала за ним, чтобы убедиться, что с ним все будет в порядке. Он лег и свернулся калачиком, прижав нож к груди. Сунул в рот большой палец и закрыл глаза.

Надин прошла к тому месту, где ручей образовывал небольшое озерцо, и опустилась на колени. Зачерпнув воду руками, она утолила жажду и продолжила наблюдение за домом. В ее глазах светился покой, а лицом она очень напоминала Мадонну Рафаэля.

* * *

Во второй половине того же дня, когда Ларри ехал на велосипеде по трехполосному шоссе номер 9, впереди возник зеленый светоотражающий щит-указатель. Ларри остановился и в изумлении прочитал: «МЭН – СТРАНА ОТДЫХА». Он не верил глазам: неужто отшагал столь невероятное расстояние в полузабытии от страха? Или несколько дней полностью выпали из его памяти? Он уже собрался двинуться дальше, когда что-то – какой-то звук, раздавшийся в лесу или у него в голове, – заставило его резко оглянуться. Ничего, кроме пустынного шоссе номер 9, уходящего в Нью-Хэмпшир.

После того как он ушел из большого белого дома, позавтракав там сухими овсяными хлопьями и сырной пастой, выжатой из аэрозольного баллончика на слегка лежалые крекеры, у Ларри несколько раз возникало ощущение, что за ним следят и его преследуют. Он что-то *слышал* и, возможно, даже *видел* краем глаза. Его наблюдательность становилась все более острой, ее постоянно что-то подстегивало, причем на неуловимом, можно сказать, подсознательном уровне: нервные окончания реагировали на мелочи, которые даже в совокупности тянули только на смутную догадку, на чувство, что ты «под колпаком». Но в отличие от многого другого это чувство его не пугало. Оно не имело отношения ни к галлюцинациям, ни к бреду. Если кто-то наблюдал за ним, однако предпочитал держаться подальше, причина, воз-

¹⁶ Имеется в виду планшетка для спиритических сеансов с нанесенными на нее буквами алфавита, цифрами от 1 до 10 и словами «да» и «нет».

можно, заключалась в том, что его просто боялись. А если они боялись бедного исхудалого старину Ларри Андервуда, который настолько перетрусил, что даже не мог ехать на мотоцикле со скоростью двадцать пять миль в час, то, по всей видимости, он тоже мог их не опасаться.

И теперь, широко расставив ноги по обе стороны велосипеда, который он позаимствовал в спортивном магазине в четырех милях к востоку от большого белого дома, Ларри громко крикнул:

– Если здесь кто-нибудь есть, почему бы вам не показаться? Я вас не обижу.

Ответа не последовало. Он стоял у щита-указателя, маркирующего границу между штатами, наблюдал и ждал. У него над головой, защебетав, пронеслась птица. Все остальное пребывало в полном покое. Спустя некоторое время он вновь закрутил педали.

К шести вечера Ларри добрался до маленького городка Норт-Беруик, расположившегося на пересечении шоссе номер 9 и 4. Решил, что остановится здесь на ночлег, а уж утром покатит к побережью.

В маленьком магазинчике на пересечении двух шоссе Ларри взял в давно уже не работающем холодильном шкафу упаковку из шести банок пива. «Блэк лейбл», такого пива он никогда не пробовал. Решил, что это местная марка. Он также прихватил большой пакет картофельных чипсов «Хампти-дампти» с солью и уксусом и две банки тушеного мяса «Динти Мур». Положил все это в рюкзак и вышел из магазина.

На противоположной стороне находился ресторан, и на мгновение Ларри подумал, что увидел две длинные тени, метнувшиеся за него. Мелькнула мысль перебежать шоссе и посмотреть, а не удивит ли их его внезапное появление в облюбованном ими укромном местечке. «И кто это у нас тут прячется? Игра закончена, детки». Решил этого не делать. Он знал, что такое страх.

Вместо этого прошел чуть дальше по шоссе, толкая велосипед с висющим на руле потяжелевшим рюкзаком. Увидел большое кирпичное здание школы и рощицу деревьев за ней. В роще набрал сухих веток для приличных размеров костра и развел его в самом центре заасфальтированной игровой площадки. Протекавшая по соседству речушка петляла вдоль текстильной фабрики, а потом ныряла под шоссе. Пиво Ларри опустил в воду охлаждаться, вскрыл банку тушенки и поставил на огонь, чтобы разогреть. Поел из бойскаутского посудного набора, сидя на качелях и медленно раскачиваясь взад-вперед. Его длинная тень пересекала разметку баскетбольной площадки.

После еды Ларри задумался, а почему он почти не боится людей, которые следили за ним, – теперь он уже не сомневался, что это люди, по крайней мере двое, а может, и больше. И тут же задался вторым вопросом: почему весь день он прекрасно себя чувствовал, словно какой-то черный яд вытек из него во время вчерашнего долгого сна? Только ли потому, что нуждался в отдыхе? Лишь поэтому? Такой ответ казался слишком простым.

Рассуждая логически, он предположил, что его преследователи уже попытались бы причинить ему какой-нибудь вред, если бы собирались это сделать. Могли выстрелить в него из засады или хотя бы нацелить на него оружие и заставить отдать свое. Они могли бы взять все, что хотели... но, опять же рассуждая логически (и до чего же это было приятно – *рассуждать логически*, учитывая, что последние несколько дней все его мысли разъедала кислота ужаса), что им от него могло понадобиться? Любых товаров теперь хватало на всех, потому что потребителей осталось очень мало. Какой смысл красть или убивать, рискуя при этом собственной жизнью, если все, о чем ты когда-либо мечтал, сидя на толчке с каталогом «Сирс» на коленях, ожидало тебя за витриной любого американского магазина? Просто разбей стекло, войди и возьми.

Все, что угодно, – за исключением общества тебе подобных. Оно превратилось в предмет роскоши, Ларри знал это слишком хорошо. И подлинная причина отсутствия страха как раз

заклучалась в том, что, по его мнению, незнакомцы искали этого самого общения. Рано или поздно их желание пересилило бы боязнь. Он мог позволить себе подождать. Не собирався спугивать их, как стаю перепелов. Никакого смысла в этом не было. Двумя днями ранее он и сам, возможно, спрятался бы при виде другого человека. Слишком бы перепугался, чтобы сделать что-то еще. Так что он мог подождать. Но, если по правде, ему действительно хотелось снова увидеть кого-нибудь. Очень хотелось.

Он вновь прогулялся к речушке и помыл посуду. Выудил из воды упаковку пива и вернулся к качелям. Вскрыл первую банку и поднял, повернувшись в сторону ресторана, где заметил две тени.

– За ваше здоровье. – Ларри одним глотком осушил полбанки. И как же хорошо пошло пиво!

Когда он выпил все шесть банок, шел уже восьмой час и солнце готовилось закатиться за горизонт. Он расшвырял последние тлеющие угли и собрал пожитки. Потом, полупьяный и в очень благостном расположении духа, проехал четверть мили по шоссе номер 9 и увидел дом с застекленным крыльцом. Припарковал велосипед на лужайке, взял с собой свой спальный мешок и отверткой взломал дверь.

В последний раз оглянулся, надеясь увидеть его, ее или их – они следовали за ним, Ларри это чувствовал, – но улица оставалась тихой и пустынной. Пожав плечами, прошел на крыльцо.

Время было раннее, и Ларри думал, что какое-то время проваляется без сна, но ему определенно требовался отдых. Через пятнадцать минут он уже крепко спал, дыша ровно и размеренно. Винтовка лежала рядом с его правой рукой.

Надин устала. Этот день, похоже, выдался самым длинным в ее жизни. Дважды она чувствовала, что он их заметил: один раз под Стаффордом, а второй раз на границе между Нью-Хэмпширом и Мэном, когда он обернулся и позвал их. Лично ее это не беспокоило. Этот человек не был сумасшедшим – в отличие от другого, который прошел мимо большого белого дома десять дней тому назад. Солдат, сгибавшийся под тяжестью оружия, и гранат, и патронташей. Он смеялся, плакал и грозился оторвать яйца некому лейтенанту Мортону. Лейтенанта Мортонна поблизости видно не было, за что тот мог благодарить Бога, если, конечно, еще не умер.

– Джо?

Она осмотрелась.

Джо ушел.

А она уже находилась на границе сна и бодрствования, даже пересекала эту границу. Надин откинула единственное одеяло и встала, морщась от боли в сотне разных мест. Когда она в последний раз столько времени ехала на велосипеде? Вероятно, никогда. Плюс эти постоянные, выматывающие усилия сохранить золотую середину. Если бы они подъехали к нему слишком близко, он бы их заметил, что расстроило бы Джо. А если бы отстали слишком далеко, он мог свернуть с шоссе номер 9 на другую дорогу, и они бы его потеряли. И это расстроило бы ее. Надин и в голову не приходило, что Ларри мог сделать круг и оказаться позади них. К счастью (во всяком случае, для Джо), Ларри до этого тоже не додумался.

Она повторяла себе, что рано или поздно Джо привыкнет к мысли о том, что они нуждаются в этом мужчине... и не только в нем. Они не могут жить одни. Если останутся одни, то и умрут одни. Постепенно Джо свыкнется с этой идеей. Он ведь, как и она, прежде жил не в вакууме. Человеческое общество не могло быть для него в диковинку.

– Джо, – снова тихонько позвала Надин.

Пробираться сквозь кусты он мог так же бесшумно, как вьетконговский партизан, но за последние три недели она научилась улавливать издаваемые им звуки. А этой ночью к тому же светила луна. Она слышала слабый шорох и скрип гравия и поняла, куда он идет. Не обращая внимания на ломоту в теле, последовала за ним. Часы показывали четверть одиннадцатого.

Они разбили лагерь (если только два одеяла на траве тянули на «лагерь») за «Норт-Беруикским грилем» и спрятали свои велосипеды в сарайчике позади ресторана. Мужчина, за которым они следили, поужинал на игровой площадке перед школой на другой стороне дороги («Если бы мы подошли к нему, он бы поделился с нами своим ужином, Джо, – тактично заметила Надин. – Горячим ужином... а как хорошо он пахнет! Готова спорить, эта еда гораздо вкуснее копченой колбасы»). Глаза Джо широко раскрылись, показав огромные белки, и он угрожающе потряс ножом, направив острие в сторону Ларри), а потом пошел к дому с застекленным крыльцом. Ей показалось, что мужчина немного пьян. Теперь он спал на крыльце.

Она пошла быстрее, морщась от укусов впивавшихся в ступни острых камешков. На левой стороне улицы стояли дома, и она пошла по лужайкам, которые теперь превращались в поля. Отяжелевшая от росы, сладко пахнущая трава доходила до обнаженных голени. Это навело ее на мысли о том времени, когда она бегала с юношей по такой же траве, только под полной луной, а не убывающей, как эта. Тогда в нижней части живота перекачивался жаркий, сладкий шар возбуждения, и она очень даже чувствовала, какими эротичными становятся груди, упругими, налитыми, полными. Лунный свет пьянил ее, и трава тоже, смачивая ноги ночной влагой. Она знала, что позволит юноше лишиться себя девственности, если он поймает ее. И бежала, как индианка по кукурузному полю. Поймал ли он ее? Какое это теперь имело значение?..

Она побежала еще быстрее, выпрыгнула на бетонную дорожку, блестящую в темноте, как лед.

Джо стоял перед крыльцом, на котором спал человек. Его белые трусы ярким пятном выделялись в темноте. В сущности, у мальчика была такая темная кожа, что на первый взгляд могло показаться, что трусы то ли просто висели в пространстве, то ли украшали человека-невидимку Герберта Уэллса.

Джо жил в Эпсومه, она это знала, потому что нашла его именно там. Надин попала туда из Саут-Барнстида, городка в пятнадцати милях к северо-востоку от Эпсума. Она методично искала других выживших, но не хотела при этом покидать свой дом в родном городе. Вела поиск все более расширяющимися концентрическими кругами. Однако нашла только Джо, температуращего и бредящего после укуса какого-то животного... судя по размеру, крысы или белки. Он сидел на лужайке перед домом в Эпсومه в одних трусах, сжимая в руке нож для разделки мяса, словно первобытный дикарь или умирающий, но по-прежнему злобный пигмей. Она знала, что надо делать в таких ситуациях. Отнесла мальчика в дом. Его собственный дом? Она так думала, но наверняка сказать не могла, не получив подтверждения Джо. В доме обнаружила трупы: мать, отец, трое других детей, самый старший – лет пятнадцати. Потом она нашла кабинет местного доктора, где были дезинфицирующие средства, антибиотики и бинты. Она не знала точно, какой из антибиотиков нужно применить, и понимала, что ошибка могла убить мальчика, но бездействие точно его бы убило. Укус пришелся в лодыжку, которая напухла до размеров надутой автомобильной камеры. Удача не оставила Надин. Через три дня лодыжка приобрела прежние размеры, а температура спала. Мальчик стал доверять ей. Никому другому, только ей. Когда она просыпалась по утрам, то обнаруживала его рядом с собой. Они поселились в большом белом доме. Она стала называть его Джо. Конечно же, его звали иначе, но в те времена, когда она работала учительницей, любая безымянная девочка становилась для нее Джейн, а любой мальчик – Джо. Мимо прошел солдат, смеясь, и плача, и проклиная лейтенанта Мортонна. Джо хотел броситься на него из засады и заколоть ножом. А теперь этот мужчина. Она боялась отбирать у Джо нож, поскольку это был его талисман. Такая попытка могла привести к тому, что он бросился бы на нее. Он спал, сжимая нож в руке, и когда однажды она попыталась разжать его пальцы (не для того, чтобы действительно отнять нож, а чтобы просто посмотреть, возможно ли такое в принципе), он мгновенно проснулся. Еще

секунду назад крепко спал – и вдруг эти жесткие зеленовато-синие китайские глаза уставились на нее со сдержанной свирепостью. Он прижал к себе нож с тихим рычанием. Он не говорил.

Он заносил нож, потом опускал его и заносил снова. Потом тихонько рычал и тыкал ножом в направлении крыльца. Возможно, готовился к решающей атаке.

Она приближалась к нему сзади, не таясь, но Джо не слышал ее. Он с головой ушел в собственный мир. Импульсивно, не отдавая себе отчета в том, что собирается сделать, она схватила его за запястье и резко повернула против часовой стрелки.

Джо зашипел, и Ларри Андервуд слегка шевельнулся во сне, перевернулся на другой бок и вновь затих. Нож упал на траву между ними, и на зазубренном лезвии засверкали серебряные лунные блики. Они напоминали светящиеся снежинки.

Он уставился на нее, и в его глазах читались злоба, упрек и недоверие. Надин решительно встретила взгляд Джо. Указала в ту сторону, откуда они пришли. Он злобно потряс головой. Указал на крыльцо и темный бугор в спальнике, а потом ужасающе откровенно обозначил свои намерения, проведя большим пальцем себе по горлу на уровне адамова яблока. После чего улыбнулся. Надин никогда раньше не видела его улыбки, и мороз пошел у нее по коже. Даже если бы его блеснувшие белые зубы превратились в остро отточенные клыки, улыбка не стала бы более свирепой.

– Нет, – мягко сказала она. – Или я разбужу его прямо сейчас.

Джо встревожился. Быстро покачал головой.

– Тогда пошли со мной. Спать.

Он бросил взгляд вниз, на нож, а потом снова посмотрел на нее. Свирепость исчезла с его лица, во всяком случае, на время. Он снова стал всего лишь потерявшимся маленьким мальчиком, который тосковал о своем плюшевом медвежонке или хотел укрыться колючим одеялом, сопровождавшим его всю жизнь, начиная с колыбели. Надин смутно почувствовала, что, возможно, пришла пора заставить Джо отказаться от ножа, просто однозначно качнуть головой: «Нет». Но что тогда? Закричит ли он? Он кричал после того, как безумный солдат исчез из виду. Кричал, не переставая, исторгая из себя оглушительные и нечленораздельные звуки ужаса и ярости. Хотелось ли ей встретиться со спящим мужчиной ночью, когда эти крики будут звенеть у них в ушах?

– Ты идешь со мной?

Джо кивнул.

– Хорошо, – спокойно сказала она. Он быстро нагнулся и поднял нож.

Вдвоем они пошли обратно, и он доверчиво жался к ней, забыв хотя бы на время о мужчине, невольно вторгшемся в их жизнь. Обнял ее и заснул. Она почувствовала прежнюю знакомую боль в животе, гораздо более глубокую и всеобъемлющую, чем боли, вызванные физической нагрузкой. Чисто женскую боль, и с этим Надин ничего не могла поделать. Вскоре она уснула.

Она проснулась где-то перед рассветом – часов у нее не было, – замерзшая, с затекшим телом и в ужасе: внезапно испугалась, подумав, что Джо затаился, дожидаясь того момента, когда она уснет, снова подкрался к дому и перерезал глотку спящему мужчине. Руки Джо больше не обнимали ее. Она чувствовала себя ответственной за мальчика, ответственной за всех детей, которых не спросили, прежде чем произвести их на свет... но если бы Джо это сделал, она бы его прогнала. Отнимать чью-то жизнь, когда и так отнято столько жизней, – грех, которому нет прощения. И она не могла и дальше оставаться наедине с Джо без чьей-то помощи. Как не могла жить в одной клетке с легко возбудимым львом. Джо – и этим он ничем не отличался ото льва – не мог (или не хотел) говорить. Лишь рычал голосом потерявшегося маленького мальчика.

Она села и увидела, что мальчик по-прежнему рядом с ней. Просто во сне он чуть отодвинулся. Лежал, свернувшись калачиком, как зародыш, с большим пальцем во рту, с ножом в руке.

Снова одолеваемая сном, она отошла в траву, помочилась и вернулась к своему одеялу. На следующее утро Надин уже не знала, действительно ли просыпалась ночью – или ей это приснилось.

* * *

«Если мне и снились сны, – подумал Ларри, – то, наверное, только хорошие». Однако ни один не всплывал у него в памяти. Он чувствовал себя прежним и предвкушал еще один славный денек. Уже сегодня он мог увидеть океан. Ларри скатал спальник, закрепил на багажнике, пошел обратно за рюкзаком... и остановился.

К крыльцу вела бетонная дорожка, по обе стороны которой ярко зеленела высокая трава. Справа, неподалеку от крыльца, росистую траву примяли. Когда роса испарится, трава поднимется, но пока на ней оставались следы ног. Ларри родился и вырос в городе и никак не тянул на следопыта (предпочитал Хантера Томпсона Джеймсу Фенимору Куперу), однако только слепец, отметил он про себя, не разглядел бы на лужайке два вида следов: большие и маленькие. В какой-то момент ночью они подходили к веранде и смотрели на него. Мороз пошел у него по коже. Такая скрытность ему не понравилась, а еще меньше понравился острый укол возвращающегося страха.

«Если они не объявятся сами в ближайшее время, – подумал он, – я попытаюсь застигнуть их врасплох». Одна мысль о том, что он может сделать это, вернула ему большую часть уверенности в себе. Он надел рюкзак и отправился в путь.

К полудню Ларри добрался до федерального шоссе номер 1, в том месте, где оно пересекало Уэллс. Подкинул монетку, и выпала решка. Ларри повернул на юг по шоссе номер 1, оставив монетку поблескивать в пыли. Двадцать минут спустя ее нашел Джо и усталился на металлический кружок, словно на кристалл гипнотизера. Он положил монетку в рот, но Надин заставила его выплюнуть ее.

Через две мили Ларри впервые увидел океан – огромное синее животное, в этот день медлительное и ленивое. Совершенно непохожий на Тихий океан или на тот же Атлантический у Лонг-Айленда. Там океан казался каким-то услужливым, почти что ручным. Здесь более темная вода цвета кобальта мерными волнами накатывала на берег и кусала скалы. Пенная накипь, густая, как яичный белок, взлетала в воздух, а потом падала обратно. Слышался постоянный ворчливый гул прибоя.

Ларри оставил велосипед и пошел к океану, ощущая необъяснимое глубокое волнение. Он прибыл сюда, добрался до места, где правило море. Здесь заканчивался восток. Он стоял на краю земли.

Ларри пересек заболоченное поле, хлюпая по воде, заполнившей пространство между кочками и островками тростника. Вокруг стоял густой, ядреный запах прилива. По мере того как Ларри все ближе и ближе подходил к краю суши, тонкий слой почвы вышелушивался, а под ней обнаруживалась голая гранитная кость – гранит, основа Мэна. В небо, крича и завывая, взмыли чайки, ослепительно белые на синем фоне. Никогда ему не доводилось видеть сразу столько птиц. Он подумал, что чайки, несмотря на всю свою белую красоту, питаются падалью. И тут же в голове возникла новая, отвратительная мысль, возникла и полностью оформилась, прежде чем он сумел отбросить ее: *Должно быть, в последнее время пропитания им хватало с лихвой.*

Он снова пошел, и теперь подошвы шуршали по высушенным солнцем камням. Трещины в них всегда оставались влажными от брызг. В трещинах обитали усоногие раки, и повсюду,

как осколки костяной шрапнели, валялись их панцири, раздробленные снарядами-чайками, жаждущими добраться до мягкого мяса.

Мгновением позже Ларри уже стоял на голом граните. Морской ветер изо всей силы бил в лицо, откидывая со лба тяжелую копну волос. Он поднял голову навстречу ветру, чистому, терпко-соленому запаху синего животного. Длинные волны, тусклые и сине-зеленые, медленно надвигались на берег, по мере уменьшения глубины их склоны становились более четкими, на гребнях сначала формировались завитки пены, а потом гребень закипал целиком – и в самоубийственном порыве разбивался о скалы, как повелось с незапамятных времен. Уничтожая и себя, и микроскопическую толику суши. Слышался глухой, кашляющий удар, когда вода вливалась в какой-то наполовину затопленный скальный тоннель, который пробивала тысячами.

Ларри повернулся налево, направо и увидел ту же картину: длинные волны, брызги, бескрайнее буйство *цвета*, от которого захватывало дух.

Он стоял на краю земли.

Ларри сел, свесив ноги с невысокого обрыва, чувствуя, что его переполняют эмоции, и просидел так полчаса или даже больше. От морского ветра разгулялся аппетит, и он порывлся в рюкзак в поисках ленча. Плотно поел. От брызг его синие джинсы снизу стали черными. Он ощущал себя очистившимся и посвежевшим.

Ларри зашагал назад через болото, настолько погруженный в свои мысли, что принял нарастающий крик за возгласы чаек. Даже посмотрел вверх – и лишь тогда, испытав неприятный укол страха, понял, что крик человеческий. Боевой клич.

Взгляд его сместился к земле, и он увидел, как через дорогу к нему бежит мальчик-подросток, громко топая мускулистыми ногами. В одной руке мальчик держал длинный нож для разделки мяса. Всю его одежду составляли трусы, а ноги были исполосованы перекрестными царапинами от шипов ежевики. У него за спиной, только что выбравшись из зарослей низкого кустарника и крапивы на другой стороне шоссе, возникла женщина. Очень бледная, с темными мешками усталости под глазами.

– *Джо!* – позвала она, а потом побежала, и чувствовалось, что каждое движение причиняло ей боль.

Джо продолжал мчаться, словно и не услышал ее, шлепая босыми ногами по мелким лужам болотной воды. Его лицо растянула напряженная и убийственная ухмылка. Нож для разделки мяса, зажатый в руке и занесенный высоко над головой, сверкал в солнечных лучах.

Он собирается меня убить. Мысль поразила Ларри наповал. *Этот мальчик... что я ему сделал?*

– *Джо!* – вновь закричала женщина, пронзительным, измученным и отчаявшимся голосом. Джо по-прежнему бежал, сокращая дистанцию.

Ларри как раз хватило времени осознать, что он оставил винтовку рядом с велосипедом, когда вопящий мальчик налетел на него.

Нож начал опускаться по длинной, размашистой дуге, и Ларри стряхнул с себя оцепенение. Отступил в сторону и, даже не думая, вскинул правую ногу и ударил тяжелым мокрым желтым ботинком прямо в солнечное сплетение. Почувствовал жалость – всего-то мальчишка, вот и рухнул, как сбитая кегля. Выглядел он свирепо, но на тяжеловеса никак не тянул.

– Джо! – позвала Надин. Она споткнулась о кочку и упала на колени, забрызгав коричневой грязью свою белую кофту. – Пожалуйста, не бейте его! Он всего лишь маленький мальчик! Пожалуйста, не причиняйте ему вреда! – Она поднялась на ноги и поплелась к ним.

Джо упал на спину и лежал, раскинув руки и ноги в форме буквы «Х»: руки образовали нормальную букву «V», ноги – перевернутую. Ларри наступил на его правое запястье, вдавив руку с ножом в грязь.

– Брось нож, парень!

Мальчик зашипел и издал клокочущий звук, будто рассерженный индюк. Верхняя губа приподнялась, обнажая оскаленные зубы. Китайские глаза не отрывались от глаз Ларри. Прижимая ногой запястье мальчика, Ларри словно стоял над раненой, но по-прежнему опасной змеей. Он чувствовал, как мальчик пытается выдернуть руку, не боясь содрать кожу, или поранить мышцы, или даже сломать кость. Маленький дикарь рывком приподнялся в полусидячее положение и попытался укунить Ларри за ногу сквозь грубую мокрую хлопчатобумажную ткань джинсов. Ларри придавил запястье еще сильнее, и Джо закричал – с вызовом, а не с болью.

– Брось, я тебе говорю!

Джо продолжал борьбу.

Равновесие сохранялось бы до тех пор, пока Джо не удалось бы высвободить руку или пока Ларри не сломал бы ему запястье, но тут наконец прибыла шатающаяся от усталости, задыхающаяся и грязная Надин.

Не глядя на Ларри, она опустилась на колени.

– Брось! – Голос женщины звучал спокойно, но твердо. И лицо ее, блестевшее от пота, оставалось спокойным.

Она наклонилась практически вплотную к перекошенному лицу Джо. Тот по-собачьи лягнул зубами и продолжил сопротивление. Ларри с трудом пытался удержаться на ногах. Высвободившись, мальчишка вполне мог первой ударить женщину.

– Брось... нож! – повторила Надин.

Мальчик зарычал. Слюна текла между его сжатыми зубами. Грязное пятно на правой щеке напоминало вопросительный знак.

– Мы оставим тебя, Джо. Я оставляю тебя. Я уйду с ним, если ты не будешь хорошо себя вести.

Ларри почувствовал, как рука под его ногой снова напряглась, а потом расслабилась. Мальчик смотрел на женщину с тоской, гневом и негодованием. Но когда переводил взгляд на Ларри, тот мог прочесть в его глазах иступленную ревность. И пусть пот лил с него ручьями, Ларри похолодел от этого взгляда.

Она продолжала говорить ровно и спокойно. Никто его не обидит. Никто его не оставит. Если он бросит нож, все станут друзьями.

Постепенно Ларри почувствовал, что рука под его ботинком расслабилась и пальцы перестали сжимать рукоятку ножа. Мальчик недвижно лежал и смотрел в небо. Он сдался. Ларри снял ногу с запястья Джо, быстро наклонился и подобрал нож. Повернулся и запустил его по высокой дуге в направлении океана. Нож крутился и крутился, разбрасывая дротики солнечных бликов. Необычные глаза Джо следили за его полетом, и в какой-то момент он издал протяжный, жалобный вопль боли. С тихим звоном нож отскочил от скалы и упал в воду.

Ларри обернулся и посмотрел на них. Женщина разглядывала правую руку Джо, на которой воспаленно краснел глубокий отпечаток ребристой подошвы ботинка. Потом вскинула темные глаза на Ларри. В них читалась печаль.

Ларри почувствовал, как к губам поднимаются привычные, своекорыстные слова оправдания: *Мне пришлось это сделать, я не виноват, послушайте, он же хотел убить меня*, – потому что ему показалось, что в ее печальных глазах сквозило осуждение: *Никакой ты не хороший парень*.

Но он не произнес ни слова. Случилось то, что случилось, и мальчишка вынудил его действовать так, а не иначе. Глядя на парня, который теперь сидел, подтянув колени к груди и сунув большой палец в рот, Ларри засомневался, что тот осознавал, что делает. Могло кончиться и хуже: ранением, а то и смертью одного из них.

Итак, он не сказал ни слова, встретил мягкий взгляд женщины и подумал: *Мне кажется, я изменился. В чем-то. Не знаю, насколько сильно*. Ему вспомнились слова Барри Грайга об одном ритм-гитаристе из Лос-Анджелеса по имени Джори Бейкер, который всегда приходил

вовремя, ни разу не пропустил репетицию и не провалил прослушивание. Не из тех гитаристов, которые сразу привлекали внимание, не задавака вроде Ангуса Янга или Эдди ван Халена, но дело свое знал. По словам Барри, когда-то на Джори Бейкере держалась рок-группа «Спаркс», и все думали, что она победит в номинации «Успех года». По звучанию они напоминали ранних «Криденс», крепкий гитарный рок-н-ролл. Джори написал большую часть песен и исполнял их все. Потом была автомобильная авария, сломанные кости, обезболивающие. Он вышел из больницы, как говорится в песне Джона Прайна, со стальной пластиной в голове и обезьяной на спине. От демерола перешел к героину. Пару раз его арестовывали. Через какое-то время он стал одним из множества наркоманов с дрожащими пальцами, ошивался возле автовокзала и на улице. А потом каким-то образом – за восемнадцать месяцев – избавился от наркотической зависимости и больше к наркотикам не притрагивался. Конечно, от него мало что осталось. Пожалуй, теперь он уже не мог быть приводным ремнем группы, распевавшей что-то вроде «Наибольший шанс на успех», зато всегда приходил вовремя, не пропускал репетиций и не подводил на прослушиваниях. Говорил мало, но игольная дорожка на левой руке исчезла. О нем Барри Грайг сказал: *Он вернулся с другой стороны*. И все. Никому не дано знать, что происходит в промежутке, отделяющем тебя прежнего от тебя настоящего. Никому не составить карту той части ада, где живут тоска и одиночество. Нет таких карт и быть не может. Ты просто... возвращаешься с другой стороны.

Или не возвращаешься.

«Я как-то изменился, – подумал Ларри. – Я тоже вернулся с другой стороны».

– Я Надин Кросс, – представилась она. – Это Джо. Рада с вами познакомиться.

– Ларри Андервуд.

Они пожали руки, чуть улыбнувшись абсурдности этого действия.

– Давайте вернемся на шоссе, – предложила Надин.

Они шли рядом, и через несколько шагов Ларри обернулся, чтобы посмотреть на Джо. Мальчик по-прежнему сидел, подтянув колени к груди, и сосал большой палец, по-видимому, не подозревая о том, что они ушли.

– Он придет, – спокойно заметила она.

– Вы уверены?

– Абсолютно.

Когда они поднимались на шоссе по усыпанной гравием насыпи, она споткнулась, и Ларри поддержал ее под руку. Она посмотрела на него с благодарностью.

– Мы можем присесть? – спросила она.

– Конечно.

Они сели на асфальт, лицом друг к другу. Через какое-то время Джо поднялся и поплелся к ним, глядя на свои босые ноги. Сел в некотором отдалении от них. Ларри с тревогой взглянул на него, потом вновь повернулся к Надин Кросс.

– Вы вдвоем следовали за мной.

– Вы догадались? Да. Я так и думала, что вы догадаетесь.

– И давно?

– Уже два дня, – ответила Надин. – Мы жили в большом доме в Эпсоме. – И, заметив его удивленное выражение, добавила: – Рядом с ручьем. Там, где вы спали около каменной стены.

Он кивнул.

– А прошлой ночью вы вдвоем приходили посмотреть, как я сплю на веранде. Может, хотели проверить, нет ли у меня рогов и длинного красного хвоста?

– Это все Джо, – спокойно объяснила она. – Я пошла за ним, когда увидела, что его нет. А как вы узнали?

– Вы оставили следы на траве.

– А-а-а. – Она изучающе посмотрела на него, а он, хотя и с усилием, не отвел взгляд. – Я не хочу, чтобы вы на нас сердились. Наверное, это звучит нелепо после того, как Джо пытался вас убить, но Джо не отвечает за свои поступки.

– Это его настоящее имя?

– Нет, я просто называю его так.

– Он похож на дикаря из телепередачи «Нэшнл джиографик».

– Да, он именно такой. Я нашла его на лужайке перед домом – возможно, его домом, фамилию владельцев, Рокуэй, я прочитала на почтовом ящике, – и он умирал от укуса. Скорее всего крысиного. Он не говорит. Только рычит и хрюкает. До этого утра мне удавалось контролировать его поведение. Но я... я устала, понимаете... и... – Она пожала плечами. Болотная грязь высыхала на ее блузке, образуя узор, похожий на китайские иероглифы. – Сначала я его одевала. Он снимал все, кроме трусов. Затем перестала и пытаться. Похоже, мошкара и комары его не беспокоят. – Она помолчала. – Я хочу, чтобы мы пошли с вами. Мне кажется, стесняться тут нечего, с учетом обстоятельств.

Ларри задался вопросом: а как бы она себя повела, если бы знала о судьбе последней женщины, которая хотела пойти вместе с ним? Но рассказывать ей он не собирался. Он похоронил эти воспоминания глубоко-глубоко, пусть и не мог сказать того же о женщине. Упомянуть о Рите ему хотелось даже меньше, чем убийце – называть имя своей жертвы в салонной беседе.

– Я не представляю, куда направляюсь, – признался он. – Пришел сюда из Нью-Йорка... в общем, издалека. Намеревался найти симпатичный домик на побережье и залечь здесь примерно до октября. Но чем дольше я иду, тем больше мне хочется увидеть других людей. Чем дольше иду, тем сильнее осознание случившегося.

Он выражал свои чувства с трудом и, похоже, не мог говорить отчетливее, не упоминая о Рите и кошмарных снах с темным человеком.

– Меня постоянно одолевал страх, – осторожно продолжил он, – потому что я шел сам по себе. Какая-то паранойя. Словно я ожидал, что индейцы нападут на меня и снимут скальп.

– Иными словами, вы перестали искать дома и начали искать людей.

– Возможно, вы правы.

– Вы нашли нас. Это только начало.

– Скорее уж вы нашли меня. И этот мальчик меня тревожит, Надин. Я должен быть постоянно начеку. Ножа у него больше нет, но мир до отказа набит ножами, которые только и ждут того, чтобы их подобрали.

– Да.

– Я не хочу, чтобы это прозвучало жестоко... – Он запнулся, надеясь, что она договорит за него, но она не произнесла ни слова и только смотрела на него своими темными глазами. – Вы не думали о том, что его надо бросить? – Ларри все же выплюнул эту фразу, будто кусок камня, и прозвучала она так, словно он был не таким уж хорошим парнем... Но справедливо ли это, должны ли они усугублять и без того плохую ситуацию, превращать ее в совсем поганую, связываясь с десятилетним психопатом? Он предупредил, что слова его могут прозвучать жестоко, и, наверное, не покривил душой. Теперь их окружал жестокий мир.

Тем временем странные глаза Джо цвета морской волны буравили Ларри.

– Я не могу так поступить, – спокойно ответила Надин. – Я понимаю существующую опасность и понимаю, что угроза в первую очередь нависает над вами. Он ревнует. Боится, что вы станете для меня важнее, чем он. Вполне возможно, он снова попытается... попытается добраться до вас, если, конечно, вам не удастся с ним подружиться или хотя бы убедить его в том, что вы не собираетесь... – Она замолчала, решив не развивать тему. – Но оставить его – все равно что убить. И я не хочу принимать в этом участие. Слишком много людей уже умерло, чтобы убивать еще.

– Если он глубокой ночью перережет мне глотку, то вы волей-неволей станете соучастницей.

Она наклонила голову.

Ларри продолжил шепотом, который могла услышать только Надин (он не знал, понимает ли наблюдавший за ними Джо, о чем они говорят):

– Он, вероятно, сделал бы это уже прошлой ночью, если бы вы не пошли за ним. Разве не так?

– Мало ли что может случиться, – мягко заметила она.

Ларри засмеялся:

– Скажем, снизойдет Дух Рождества?

Она подняла на него глаза.

– Я хочу пойти с вами, Ларри, но я не могу оставить Джо. Вам решать.

– Вы не ищите легких путей.

– В наши дни легкой жизни уже не будет.

Он задумался. Джо сидел на обочине, наблюдая за ними глазами цвета морской воды. За спиной настоящая морская вода набрасывалась на скалы, с шумом прорываясь в тайные тоннели, пробитые ею в камне.

– Хорошо, – кивнул он. – Я думаю, у вас чересчур доброе сердце, а нынче это опасно, но... хорошо.

– Спасибо, – улыбнулась Надин. – Я буду нести ответственность за его поступки.

– Если я умру от его руки, меня это утешит.

– Ваша смерть будет на моей совести до конца, – ответила она, и внезапно уверенность в том, что в не слишком отдаленном будущем все ее слова о святости жизни обернутся против нее, обрушилась на Надин, как порыв холодного ветра. Она поежилась. «Нет, – сказала она себе. – Я не убью. Только не это. Никогда».

В тот вечер они разбили лагерь на мягком белом песке общественного пляжа в Уэллсе. Ларри развел большой костер над полосой водорослей, отмечавшей самый высокий прилив. Джо сел с другой стороны костра, подальше от Ларри и Надин, и бросал в огонь небольшие палочки. Иногда брал палку побольше, поджигал конец, как факел, и начинал носиться по пляжу, держа палку перед собой, словно единственную свечу, зажженную в честь дня рождения. Они видели его, пока он не покидал тридцатифутового круга света костра, а потом оставался только движущийся факел, раздуваемый потоками воздуха, поднявшимися от дикого бега Джо. С океана дул легкий ветерок, так что вечер выдался чуть прохладнее, чем предыдущие. Ларри смутно вспомнил дождь, который пролился над Нью-Йорком в тот день, когда он нашел мать на полу, аккуратно перед тем, как «супергрипп» обрушился на город, словно мчащийся на всех парах товарняк. Он вспомнил грозу и раздувающуюся белую занавеску. По его телу пробежала дрожь, а ветер закрутил огненную спираль и потянул ее к черному звездному небу. Ларри подумал об осени, еще далекой, но уже существенно приблизившейся в сравнении с тем июньским днем, когда он нашел мать лежащей на полу без сознания. И вновь содрогнулся. Севернее, далеко от них, поднимался и опускался факел Джо. Факел этот вызывал мысли об одиночестве и холоде – единственный огонек, мерцающий в огромной и молчаливой темноте, нарушаемой только рокотом прибоя.

– Ты играешь?

Ларри чуть подпрыгнул от звука ее голоса и посмотрел на футляр с гитарой, лежавший перед ним на песке. Раньше футляр стоял, прислонившись к пианино «Стейнвей», в музыкальной комнате большого дома, куда они вломились, чтобы добыть себе ужин. Ларри набил рюкзак консервными банками взамен тех, которые они съели днем, и, подчиняясь внезапному импульсу, прихватил с собой футляр, даже не посмотрев, какая в нем гитара, – впрочем, в

таком доме барахла определенно не держали. Последний раз он играл на гитаре во время той безумной вечеринки в Малибу, шесть недель назад. В другой жизни.

– Да, играю, – ответил Ларри и обнаружил, что *хочет* играть, но не для Надин, а просто потому, что иногда это очень приятно – поиграть на гитаре: снимает напряжение, знаете ли. А уж если костер разводят на пляже, кто-нибудь обязательно берется за гитару. – Давай посмотрим, что у нас там. – И он откинул защелки.

Он ожидал чего-то качественного, но лежавшая внутри гитара все-таки оказалась приятным сюрпризом. Двенадцатиструнная, фирмы «Гибсон», прекрасный инструмент, возможно, даже ручной работы. Ларри недостаточно хорошо разбирался в гитарах, чтобы однозначно заявить об этом, но знал, что инкрустирована она настоящим перламутром, который вбирал в себя красновато-оранжевые отблески костра, а потом излучал их призмами света.

– Красивая, – заметила Надин.

– Это точно.

Он взял несколько аккордов, и ему понравилось звучание, хотя струны требовали настройки. Звук оказался насыщеннее и богаче, чем у шестиструнки. Гармоничный, но жесткий. В этом и заключалось достоинство гитары со стальными струнами – отличный жесткий звук. И струны – «Блэк даймондс», с навивкой, к которым требовалось приспособиться, но дающие настоящий чистый звук, слегка грубоватый при смене аккордов – *зинг!* Ларри чуть улыбнулся, вспомнив, с каким пренебрежением относился Барри Грайг к гладким и плоским гитарным струнам. Он называл их «долларовые слики». Старина Барри, который хотел стать Стивом Миллером, когда повзрослеет.

– Чему ты улыбаешься? – спросила Надин.

– Прежним временам, – ответил он и погрузился.

Начал настраивать гитару на слух, чувствуя, что получается, вспоминая Барри Грайга, Джонни Макколла и Уэйна Стюки. Когда почти закончил, Надин дотронулась до его плеча, и он вскинул глаза.

Джо стоял рядом с костром, позабыв о потухшей палке в руке. Рот его раскрылся, а странные глаза смотрели на Ларри, откровенно зачарованные.

Он услышал голос Надин, очень тихий, такой тихий, что могло показаться, будто у него в голове прозвучала ее мысль:

– Музыки сила волшебная...

Ларри начал подбирать мелодию, старый блюз, который еще подростком услышал на пластинке «Электры»¹⁷. Насколько он знал, впервые эту песню исполнили «Кернер, Рэй и Гловер». Убедившись в том, что мелодия подобрана правильно, Ларри заиграл громче, чтобы слышал весь берег, и запел... пел он всегда лучше, чем играл...

Где я только не скитался от любимой далеко,
Захочу – и тьму ночную превращу я в день легко,
Я от дома далеко,
Я иду издалека.
Слышишь, как стучу я, детка,
Костью черного кота.

Джо теперь улыбался с изумленным видом человека, который только что открыл какой-то сладостный секрет. Будто он долгое время страдал от зуда между лопатками в том месте, куда не достают руки, а теперь нашелся человек, который точно знал, где надо почесать, чтобы

¹⁷ Имеется в виду «Электра рекордс» – звукозаписывающая компания, созданная в 1950 г.

зуд прошел. Ларри порылся в давно забытых архивах памяти, охотясь за вторым куплетом, и быстро обнаружил то, что искал:

Мне подвластно то, что скрыто от обычных людей,
Разгадаю тайну чисел и волшебных корней,
Я от дома далеко,
Я иду издалека.
Ты узнай меня по стуку
Кости черного кота.

Открытая, восхищенная улыбка озарила глаза Джо, превратив их в нечто особенное, достаточное, как показалось Ларри, для того, чтобы любая молодая девушка чуть развела ноги. Ларри дошел до инструментального проигрыша и справился с ним не так уж плохо. Его пальцы извлекали из гитары правильные звуки: жесткие, яркие, немного кричащие, словно набор фальшивых драгоценностей, возможно, краденых, продающихся из бумажного пакета на уличном углу. Он играл чуть развязно, а потом быстро, тремя пальцами, ушел на ноту «ми», чтобы все не испортить. Последний куплет полностью он вспомнить не смог – вроде бы в нем говорилось о железнодорожной колее. Повторил первый куплет и замолчал.

Когда он закончил петь, Надин засмеялась и захлопала в ладоши. Джо отбросил свою палку и стал скакать по песку, выпуская неистовые крики радости. Ларри с трудом мог поверить в свершившуюся с мальчиком перемену и велел себе не обольщаться на этот счет. Дабы не испытать сильное разочарование.

*Музыки сила волшебная укрощает дикое сердце*¹⁸.

С невольным недоверием он задумался: неужели все может быть так просто? Джо подавал ему какие-то знаки, и Надин их истолковала:

– Он хочет, чтобы ты сыграл что-нибудь еще. Сыграешь? Это было прекрасно. Я чувствую себя лучше. Гораздо лучше.

Он сыграл «Поездку в центр города» Джоффа Малдура и собственное произведение «Фресно-блюз Салли»; сыграл «Катастрофу на шахте “Спрингхилл”» и «Это хорошо, мама» Артура Крудапа. Потом переключился на примитивный рок-н-ролл: «Блюз молочной коровы», «Джим Дэнди», «Рок двадцатого этажа» (стараясь выдержать ритм буги-вуги, хотя пальцы отказывались двигаться так быстро, немели и начали болеть), а напоследок оставил песню, которая ему всегда нравилась, – «Бесконечный сон». Она была написана и впервые исполнена Джоди Рейнольдсом.

– Больше я не могу играть, – сказал он Джо, который за весь концерт ни разу не пошевелился. – Мои пальцы. – Ларри вытянул руки, показывая глубокие следы, которые струны оставили на пальцах, и обломанные ногти.

Мальчик жадно смотрел на гитару.

Ларри мгновение помедлил, а потом внутренне пожал плечами. Протянул гитару грифом вперед.

– Надо много практиковаться, – предупредил он.

Но то, что произошло дальше, стало одним из самых удивительных впечатлений в его жизни. Мальчик почти безошибочно сыграл «Джима Дэнди», выпуская вместо слов ухающие крики, словно его язык прилип к нёбу. В то же время не вызвало сомнений, что раньше Джо никогда не играл на гитаре. Он не мог ударить по струнам достаточно сильно, чтобы они зазвонили должным образом, и перемены аккордов выходили у него неточными и неряшливыми.

¹⁸ Первая строка стихотворения «Утренняя невеста» английского драматурга и поэта Уильяма Конгрива (1670–1729).

Звук получался приглушенным и призрачным, словно инструмент набили ватой, но в остальном он идеально скопировал сыгранную Ларри мелодию.

Закончив, Джо с любопытством посмотрел на свои пальцы, словно пытаясь понять, почему они могут воспроизвести лишь канву музыки Ларри, но не сами звенящие звуки.

Ларри услышал собственный голос, доносящийся как будто со стороны:

– Ты слишком слабо бьешь по струнам, вот и все. У тебя должны появиться мозоли – твердые бугорки – на подушечках пальцев. И еще – укрепить мышцы левой руки.

Пока он говорил, Джо смотрел на него очень внимательно, но Ларри не знал, понимает его мальчик или нет. Повернулся к Надин:

– Ты знала, что он на такое способен?

– Нет. Я удивлена не меньше твоего. Получается, он вундеркинд или что-то вроде того, так?

Ларри кивнул. Мальчик играл «Это хорошо, мама», снова воспроизводя почти каждый нюанс игры Ларри. Но порой струны лишь тупо стучали, как деревянные, когда пальцы Джо останавливали вибрацию, не давая им зазвучать правильно.

– Позволь, я покажу тебе. – Ларри протянул руки к гитаре. Джо немедленно бросил на него недоверчивый взгляд. Ларри подумал, что мальчик вспомнил о том, как исчез в море его нож. Джо попятился, крепко сжимая гитару. – Хорошо, – кивнул Ларри. – Она твоя. Когда захочешь получить урок, приходи ко мне.

Мальчик издал ликующий крик и побежал по пляжу, держа гитару над головой, словно священную жертву.

– Он разнесет ее в щепки, – предположил Ларри.

– Нет, – ответила Надин. – Я так не думаю.

Ларри проснулся посреди ночи и приподнялся на локте. Надин превратилась в смутный силуэт, завернутый с головой в три одеяла. Она лежала около потухшего костра по его правую руку. Напротив устроился Джо. Он тоже завернулся в несколько одеял, но его голова торчала наружу. Большой палец, как обычно, нырнул в рот. Ноги он подтянул к животу, прижимая к нему двенадцатиструнную гитару фирмы «Гибсон». Свободная рука обнимала гриф. Ларри зачарованно смотрел на него. Он отнял у мальчика нож и выбросил в море, а мальчик взял в руки гитару. Прекрасно. Пусть играет. Гитарой никого не заколешь, хотя, предположил Ларри, она вполне могла сойти за тупой предмет. Он снова заснул.

Когда он проснулся утром, Джо сидел на камне с гитарой на коленях – до его голых ступней докатывались волны – и играл «Фресно-блюз Салли». Он делал успехи. Надин проснулась двадцать минут спустя и ослепительно улыбнулась Ларри. И тот вдруг подумал, что она, в сущности, очень красива. В памяти всплыла строка из песни, кажется, Чака Берри: «Надин, родная, ты ли это?»

Вслух он произнес другое:

– Поглядим, что у нас есть на завтрак.

Он развел костер, и все трое уселись вокруг огня, выгоняя из костей ночной холод. Надин сварила овсяную кашу на сухом молоке, а потом, как принято у бродяг, они пили заваренный в жестянке крепкий чай. Джо ел, держа гитару на коленях. Дважды Ларри поймал себя на том, что улыбается мальчику и думает, что невозможно не любить человека, который любит гитару.

Они покатали на юг по шоссе номер 1. Джо ехал на своем велосипеде строго по белой линии, иногда вырываясь на милью вперед. Однажды они нагнали его в тот момент, когда он вел свой велосипед по обочине и ел ежевику довольно странным способом: подкидывал каждую

ягоду в воздух и на излете безошибочно ловил ртом. Через час они обнаружили его на мемориальной доске в честь Войны за независимость. Он сидел там и играл на гитаре «Джима Дэнди».

После одиннадцати часов они наткнулись на странную дорожную пробку перед въездом в небольшой городок под названием Оганквит. Три ярко-оранжевых городских мусороуборочных грузовика стояли в ряд поперек дороги, заблокировав ее от одной обочины до другой. На одном из мусорных контейнеров лежало истерзанное воронами человеческое тело. Десять жарких дней сделали свое дело. На открытых участках трупа копошились черви.

Надин отвернулась.

– Где Джо? – спросила она.

– Не знаю. Где-нибудь впереди.

– Лучше бы он этого не видел. Как думаешь, он заметил?

– Возможно, – ответил Ларри. Он уже задумывался над тем, что для главной дороги шоссе номер 1 на удивление пустынно. С тех пор как они покинули Уэллс, им встретилось не более дюжины застывших машин. Теперь он понимал почему. Жители Оганквита перегородили дорогу. Возможно, на другой стороне городка окажутся сотни, если не тысячи скопившихся машин. Он знал, как Надин заботится о Джо, и подумал, что лучше бы избавить мальчика от этого зрелища.

– Почему блокировали дорогу? – спросила она. – Ради чего?

– Наверное, пытались ввести карантин. Думаю, на другом конце города мы найдем еще одну баррикаду.

– Есть еще трупы?

Ларри поставил велосипед на подставку и подошел к баррикаде.

– Три, – ответил он.

– Ладно. Я на них смотреть не буду.

Он кивнул. Они прокатили велосипеды мимо грузовиков, а потом снова поехали. Дорога повернула в сторону моря, и стало прохладнее. Летние коттеджи сбились в длинные убогие ряды. «И в таких жилищах люди проводили отпуск? – удивленно подумал Ларри. – Почему бы просто не отправиться в Гарлем и не выкупать детей под струями гидранта?»

– Не слишком-то симпатичные, правда? – спросила Надин. С каждой стороны шоссе красовались неперенные атрибуты прибрежного курорта: заправочные станции, ларьки, торговывавшие жареными моллюсками, кафе быстрого обслуживания, мотели, расписанные в пастельные тона, поле для мини-гольфа.

У Ларри все это вызывало противоречивые чувства. С одной стороны, его возмущали грустное и вопиющее уродство зданий и убогость разума тех, кто превратил этот участок великолепного дикого побережья в один длинный придорожный парк развлечений для семей в универсалах. С другой – он думал о людях, которые заполняли и эти дома, и эту дорогу в прошлые годы. Женщины в широкополых солнцезащитных шляпах и в шортах, слишком тесных для их больших задниц. Студенты колледжей в красно-черных полосатых рубашках поло. Девушки в пляжных платьях и вьетнамках. Маленькие кричащие дети с перемазанными мороженым лицами. Он думал об американцах, которых окутывал грязный и захватывающий романтический ореол, где бы они ни собирались – на горнолыжном курорте Аспен или на федеральном шоссе номер 1 в штате Мэн, выполняя прозаически-загадочные летние ритуалы. Но теперь все эти американцы ушли. Гроза сломала ветку, которая сбила большую пластмассовую вывеску «Дейри куин». Та свалилась на автомобильную стоянку у кафе, где и осталась лежать на боку, напоминая бумажный колпак. На поле для мини-гольфа выросла трава. Этот участок шоссе между Портлендом и Портсмутом, когда-то семидесятимильный парк развлечений, теперь превратился в населенный призраками дом ужасов, в котором остановились все часы.

– Не слишком, – согласился Ларри, – но прежде все это было нашим, Надин. Нашим, пусть даже мы никогда сюда и не приезжали. Теперь все это в прошлом.

– Но не навсегда, – ответила она спокойно, и он взглянул на нее, на ее чистое, сияющее лицо. Люб, с которого она откинула свои необычные волосы с седыми прядями, светился, как электрическая лампочка. – Я не религиозна, иначе сказала бы, что свершился Божий суд. Через сто лет, а может быть, и через двести все это опять станет нашим.

– Эти грузовики не исчезнут и через двести лет.

– Грузовики – нет, но исчезнет дорога. Грузовики будут стоять посреди поля или леса. Перестанут быть грузовиками и превратятся в памятники старины.

– По-моему, ты ошибаешься.

– Как я могу ошибаться?

– Ты ошибаешься, потому что мы ищем других людей, – ответил Ларри. – А теперь скажи, почему мы этим занимаемся?

Она обеспокоенно посмотрела на него.

– Ну... потому что так надо. Людям *нужны* другие люди. Разве ты не почувствовал это? Когда был один?

– Да, – кивнул Ларри. – Мы сходим с ума от одиночества, если остаемся одни. А собравшись вместе, сходим с ума от того, что нас много. Собравшись вместе, мы строим мили и мили летних коттеджей и убиваем друг друга в барах субботними вечерами. – Он рассмеялся. Смех вышел холодным и жалким, напрочь лишенным юмора. Он надолго повис в пустынном воздухе. – Ответа нет. Все равно что застрять внутри яйца. Пошли, а то Джо уже, наверное, намного нас обогнал.

Несколько секунд она стояла, не убирая ноги с земли, с тревогой глядя в удаляющуюся спину Ларри. Потом поехала следом. Он не мог быть прав. *Не мог*. Если столь ужасная катастрофа, как эта, произошла без всякой причины, то какой смысл в жизни вообще? Зачем они тогда жили?

Джо обогнал их не так уж сильно. Они наткнулись на него, когда он сидел на заднем бампере синего «форда», припаркованного на подъездной дорожке, и рассматривал мужской журнал, который где-то нашел. Ларри смутился, заметив, что у мальчика эрекция. Бросил взгляд на Надин, но она смотрела в другую сторону – возможно, намеренно.

Когда они подъехали к синему «форду», Ларри спросил у Джо:

– Поехали?

Джо отложил журнал в сторону, но не встал, а издал гортанный вопросительный звук и указал вверх. Ларри нелепо запрокинул голову, на мгновение предположив, что мальчик увидел в небе самолет. И тут же услышал крик Надин:

– Да не на небо, смотри на амбар! – Ее голос дрожал от волнения. – На амбар! Слава Богу, что ты у нас есть, Джо! Если бы не ты, мы бы ничего не заметили!

Она подошла к Джо, обвила мальчика руками и крепко прижала к себе. Ларри повернулся к амбару, на выцветшей кровле которого ярко выделялись белые буквы:

УШЛИ В СТОВИНГТОН, В ПРОТИВОЭПИД. ЦЕНТР

Далее указывалось, как туда добраться, а в самом низу Ларри прочитал:

ПОКИНУЛИ ОГАНКВИТ 2 ИЮЛЯ 1990
ГАРОЛЬД ЭМЕРИ ЛАУДЕР
ФРЭНСИС ГОЛДСМИТ

– Господи Иисусе, его задница, должно быть, болталась в воздухе, когда он выводил последнюю строчку, – покачал головой Ларри.

– Противоэпидемический центр! – воскликнула Надин, не обращая внимания на его слова. – Почему я не подумала о нем! Не прошло и трех месяцев, как я читала статью об этом центре в воскресном приложении! Они отправились туда!

– Если они по-прежнему живы.

– По-прежнему живы? Можешь не сомневаться. Ко второму июля эпидемия уже закончилась. Если они смогли влезть на крышу амбара, то уж, наверное, не были больными.

– Один из них точно чувствовал себя очень даже здоровеньким, – согласился Ларри, ощущая, как начинает нарастать волнение. – Подумать только, я как раз проезжал через Вермонт.

– От девятого шоссе до Стовингтона довольно далеко, – рассеянно заметила Надин, по-прежнему глядя на амбар. – Теперь-то они точно там. Со второго июля прошло две недели. – Ее глаза вспыхнули. – Как ты думаешь, Ларри, могут ли оказаться в центре другие люди? Ведь могут, правда? Раз уж они все знают о карантине и защитной одежде? И они, наверное, работают над вакциной, да?

– Я не знаю, – осторожно ответил Ларри.

– В этом нет сомнения! – нетерпеливо и чуть сердито воскликнула Надин. Ларри еще не видел ее в таком возбуждении, даже когда Джо демонстрировал свои удивительные способности музыкальной мимики. – Готова спорить, что Гарольд и Фрэнсис нашли десятки людей, может, даже сотни. Мы поедем туда прямо сейчас. Кратчайший маршрут...

– Подожди минутку. – Ларри положил руку ей плечо.

– Что значит – подожди? Ты понимаешь...

– Я понимаю, что надпись две недели ждала, пока мы пройдем мимо нее, и может подождать еще немного. Нам же пора перекусить. Да и старина Джо Гитарный Уникум засыпает на ходу.

Она оглянулась. Джо снова листал порнографический журнал, но голова его клонилась книзу, а глаза, под которыми темнели мешки, слипались.

– Ты сказала, что он только-только оправился от болезни, – заметил Ларри. – Да и ты сама прошла тяжелый путь... не говоря уже о Погоне за Голубоглазым Гитаристом.

– Ты прав... мне это не пришло в голову.

– Что ему нужно, так это сытно поесть и хорошенько выспаться.

– Ну конечно. Извини меня, Джо. Я не подумала.

Джо что-то пробурчал, сонно и безразлично.

Ларри почувствовал, как прежние страхи овладевают им. Он собирался задать Надин вопрос и понимал, что иначе не получится. Если он промолчит, вопрос задаст Надин, как только у нее окажется свободная минутка для раздумий... И кроме того, возможно, пришло время проверить, так ли уж сильно он изменился.

– Надин, ты умеешь водить?

– Водить? Тебя интересует, есть ли у меня водительское удостоверение? Да, но со всеми этими заторами на дорогах автомобиль не слишком удобен, тебе не кажется? Я хочу сказать...

– Я не об автомобиле, – прервал он ее, и образ Риты, едущей на мотоцикле позади загадочного темного человека (по-видимому, в сознании Ларри он стал символическим воплощением смерти), неожиданно возник перед его мысленным взором: они двое, темный и бледная, мчались на него на чудовищном «харлее», будто еще один всадник Апокалипсиса, не описанный в Библии. Во рту у Ларри пересохло, в висках застучало, но когда он вновь заговорил, голос его звучал ровно. Если он и запнулся, то Надин, похоже, ничего не заметила. А вот Джо, как ни странно, внимательно посмотрел на него из своей полусонной дремы, похоже, уловив какую-то перемену. – Я говорю про мотоциклы или что-то вроде этого. На них мы сможем двигаться быстрее и с меньшими усилиями, огибая все... препятствия на дорогах. Точно так же, как обошли с велосипедами те грузовики.

В глазах Надин зажглось нарастающее возбуждение.

– Да, это можно. Я никогда не сидела за рулем мотоцикла или мопеда, но ты покажешь мне, как это делается?

При словах: «Я никогда не сидела за рулем мотоцикла или мопеда», – ужас Ларри усилился.

– Да, – кивнул он. – Но ты должна будешь ехать медленно, пока не освоишься. Очень медленно. Мотоцикл – и даже мопед – не прощает людских ошибок, а я не смогу отвезти тебя к врачу, если ты покалечишься на дороге.

– Я буду очень осторожна. Мы... Ларри, а ты ехал на мотоцикле до того, как мы тебя увидели? Иначе ты ведь просто не смог бы добраться сюда из Нью-Йорка так быстро.

– Я сбросил его с откоса, – ответил он ровным голосом. – Нервничал из-за того, что еду в одиночку.

– Что ж, теперь ты уже не один, – почти весело заметила Надин и повернулась к Джо. – Мы едем в Вермонт, Джо! Мы увидим других людей! Разве это не здорово?

Джо зевнул.

Надин сказала, что слишком взволнована, чтобы спать, но полежит с Джо, пока тот не уснет. Ларри поехал на велосипеде в Оганквит в поисках магазина мотоциклов. Такого в городке не оказалось, но он вспомнил, что видел подходящий магазин на выезде из Уэллса. Он вернулся, чтобы сказать об этом Надин, и обнаружил обоих крепко спящими в тени синего «форда», на бампере которого Джо внимательно рассматривал «Гэллери».

Ларри улегся неподалеку от них, но заснуть не смог. Наконец встал, пересек дорогу и прямо по тимофеевке, доходящей до колен, направился к амбару, на крыше которого белела надпись. Тысячи кузнечиков шустро выскакивали у него из-под ног, и Ларри подумал: *Я – их чума. Я – их темный человек.*

Около распахнутых ворот амбара он заметил две пустые банки из-под пепси и засохшую корку от сэндвича. В прежние времена чайки давно бы уже склевали остатки сэндвича, но времена изменились, и чайки, без сомнения, привыкли к более сытной пище. Он пнул ногой корку, а затем одну из банок.

«– Отнесите это в лабораторию криминалистики, сержант Бриггс. Думаю, наш убийца все-таки совершил ошибку.

– Вы правы, инспектор Андервуд. Будь благословен тот день, когда Скотленд-Ярд решил направить вас в Сквинчли-на-траве.

– Не стоит, сержант. Это моя работа...»

Ларри зашел в амбар. Темно, жарко, лишь мягко шелестят крылья снующих туда-сюда деревенских ласточек. Воздух пронизывал сладкий запах сена. Стойла пустовали. Фермер, должно быть, предпочел отпустить животных на свободу, сулящую жизнь или смерть от «супергриппа», а не обрекать на неизбежную гибель от голода.

«– Запишите это и поставьте в известность коронера, сержант.

– Будет исполнено, инспектор Андервуд».

Ларри огляделся и увидел обертку от шоколадного батончика. Поднял. «Пейдей». Итак, автор надписи, похоже, отсутствием аппетита не страдал, а вот хорошим вкусом похвастаться не мог. Любители шоколадных батончиков «Пейдей» явно слишком много времени проводили с непокрытой головой под палящим солнцем.

Ведущие на сеновал ступеньки были прибиты к одной из опорных балок. С уже влажной от пота кожей и толком не понимая, зачем он это делает, Ларри полез наверх. В средней части сеновала (он шел медленно, опасаясь крыс) увидел более привычную лестницу, ведущую в купол. Ступеньки были забрызганы белой краской.

«– Как я понимаю, еще одна находка, сержант?

– Инспектор, я потрясен. Ваши дедуктивные способности могут сравниться лишь с остротой вашего зрения и экстраординарной длиной детородного органа.

– Пустяки, сержант!»

Он поднялся в купол. Там оказалось еще жарче, настоящее пекло, и Ларри подумал, что амбар радостно сгорел бы дотла еще неделю тому назад, если бы Фрэнсис и Гарольд оставили здесь ведро с краской после окончания работы. Стекла покрывала пыль и занавешивала древняя паутина, сотканная, без сомнения, еще в те времена, когда Белый дом занимал Джеральд Форд. Одно из окон было выломано, и когда Ларри высунулся наружу, ему открылся впечатляющий вид на расстилающуюся на многие мили страну.

Эта сторона амбара смотрела на восток, и с высоты постройки у шоссе, такие чудовищно уродливые с земли, выглядели сущей ерундой, полоской придорожного мусора. По другую сторону шоссе лежал великолепный океан, и отходящий от северной стороны гавани волнолом аккуратно делил набегающие волны надвое. Суша напоминала написанную маслом картину, изображающую разгар лета в зеленых и золотых тонах, с послеполуденной дымкой на горизонте. Пахло солью и водорослями. Посмотрев на скат крыши, он увидел надпись Гарольда, только вверх ногами.

От одной лишь мысли о том, чтобы вылезти на эту крышу на такой высоте от земли, у Ларри затрепыхался желудок. А ведь парню пришлось спустить ноги вниз, за водяной желоб, чтобы написать имя девушки.

«– Зачем он так рисковал, сержант? Думаю, это один из вопросов, отвечать на которые придется нам самим.

– Как скажете, инспектор Андервуд...»

Ларри спустился вниз по лестнице, медленно и внимательно глядя себе под ноги. Сейчас было не время для переломов. Внизу что-то привлекло его внимание, что-то, вырезанное на одной из опорных балок и свежей белизной резко выделяющееся на темном, пыльном дереве. Он подошел к балке и уставился на рисунок. Провел по нему подушечкой большого пальца, отчасти восхищаясь, отчасти удивляясь тому, что другой человек вырезал все это в тот самый день, когда они с Ритой ехали на мотоцикле на север. Вновь прошелся пальцем по вырезанным буквам.

Буквы, обведенные пробитым стрелой сердцем.

Как я понимаю, сержант, этот парень влюблен.

– Удачи тебе, Гарольд, – сказал Ларри и вышел из амбара.

Магазин в Уэлсе оказался салоном «Хонды», и, оглядев выставленные в зале мотоциклы, Ларри пришел к выводу, что двух не хватает. Еще больше он возгордился второй своей находкой – скомканной оберткой от шоколадного батончика «Пейдей» рядом с мусорной кор-

зиной. По всему выходило, что кто-то – возможно, изнывающий от любви Гарольд Лаудер – доедал шоколадный батончик, размышляя о том, какая модель доставит максимум удовольствия ему и его возлюбленной. Потом скомкал обертку в шарик и бросил в мусорную корзину. Не попал.

Надин согласилась с его дедуктивными выкладками, но они занимали ее в меньшей степени, чем самого Ларри. Она разглядывала оставшиеся мотоциклы в лихорадочном стремлении поскорее уехать. Джо сидел на нижней ступеньке у входа в демонстрационный зал, играл на двенадцатиструнной гитаре «Гибсон» и удовлетворенно ухал.

– Послушай. – Ларри повернулся к Надин. – Уже пять часов вечера. До завтра мы уехать никак не сможем.

– Но у нас еще три часа светлого времени! Незачем просиживать их здесь! Мы можем их упустить!

– Если и упустим, ничего страшного. Гарольд Лаудер один раз уже оставил инструкции с подробным описанием дорог, по которым они поедут. Если они продолжают свое путешествие, он скорее всего сделает это снова.

– Но...

– Я знаю, что тебе не терпится. – Он положил руки ей на плечи. Почувствовал, как в нем поднимается знакомое раздражение, и заставил себя подавить его. – Ты ведь никогда раньше не ездила на мотоцикле.

– Но я умею ездить на велосипеде. И я знаю, как пользоваться сцеплением, я тебе говорила. *Пожалуйста*, Ларри. Если мы не будем терять времени, то на ночь остановимся уже в Нью-Хэмпшире, а к завтрашнему вечеру проделаем половину пути. Мы...

– Но это не *велосипед*, черт возьми! – взорвался он, и гитара позади него внезапно смолкла. Ларри увидел, как Джо смотрит на них поверх плеча. Глаза его сузились и мгновенно стали недоверчивыми. «Да, я умею общаться с людьми!» – подумал Ларри... и разозлился еще сильнее.

– Мне больно, – мягко сказала Надин.

Он увидел, что его пальцы глубоко впились в мягкую плоть ее плеч, и его гнев сменился стыдом.

– Извини...

Джо по-прежнему смотрел на него, и Ларри понял, что потерял половину завоеванного доверия мальчика. А может быть, и больше. Надин что-то сказала.

– Что?

– Я говорю, объясни – почему это не велосипед?

Ему захотелось крикнуть: *Раз ты такая умная, садись и попробуй! Посмотрим, как тебе понравится мир, если созерцать его со свернутой шеей!* Он сдержался, подумав о том, что теряет не только доверие мальчика, но и свое собственное. Может, он и вернулся с другой стороны, однако что-то от прежнего инфантильного Ларри еще тянулось за ним, словно тень, сжимающаяся в полдень, но не исчезающая совсем.

– Мотоцикл тяжелее, – ответил он. – Если ты потеряешь равновесие, то не сможешь восстановить его так же легко, как на велосипеде. Мотоцикл с объемом двигателя триста шестьдесят кубиков весит триста пятьдесят фунтов. Ты очень быстро научишься контролировать этот лишний вес, но к нему надо привыкнуть. В автомобиле с механической коробкой передач ты переключаешь скорости рукой, а на газ давишь ногой. Здесь все наоборот, и к этому привыкнуть уже гораздо сложнее. Вместо одного тормоза здесь два. Правой ногой тормозят заднее колесо, правой рукой – переднее. Если ты забудешь об этом и случайно воспользуешься ручным тормозом, то просто перелетишь через руль. И еще тебе придется привыкнуть к пассажиру.

– Джо? А я думала, он поедет с тобой.

– Я бы с радостью взял его, – ответил Ларри. – Но сейчас он вряд ли на это согласится. Тебе так не кажется?

Надин долго смотрела на Джо, и в глазах ее была тревога.

– Да, – вздохнула она. – Возможно, он не захочет ехать и со мной. Если испугается.

– Если поедет, ответственность за него будет лежать на тебе. Я отвечаю за вас двоих – и не хочу видеть, как вы перевернетесь.

– С тобой так уже было, Ларри? Ты ехал не один?

– Я ехал не один, – сказал Ларри. – И я действительно перевернулся. Но к тому времени, как это произошло, женщина, которая ехала со мной, уже умерла.

– Она разбилась на мотоцикле? – Лицо Надин застыло.

– Нет. Я бы сказал, что произошедшее на семьдесят процентов было несчастным случаем и на тридцать – самоубийством. Того, в чем она нуждалась... дружбы, понимания, поддержки, не знаю, чего еще... она от меня не получала. – Он расстроился, в висках у него стучало, горло сжималось, к глазам подступили слезы. – Ее звали Рита. Рита Блейкмур. Я хочу, чтобы с тобой у меня получилось лучше, вот и все. С тобой и с Джо.

– Ларри, почему же ты мне раньше не рассказал?

– Потому что мне больно об этом говорить, – честно признался он. – Очень больно. – Это была правда, но не вся. Он умолчал про сны. Задумался, а снятся ли Надин кошмары – прошлой ночью он на короткое время проснулся, и она металась во сне и что-то бормотала. Однако сегодня она про это не упомянула. А Джо? Снились ли Джо кошмары? Что ж, об этом он тоже ничего не знал, но бесстрашный инспектор Андервуд из Скотленд-Ярда боялся снов... и если бы Надин свалилась с мотоцикла, они могли вернуться.

– Тогда мы поедем завтра, – согласилась она. – А этим вечером ты поучишь меня водить мотоцикл.

Но сначала предстояло заправить два выбранных Ларри небольших мотоцикла. Салон располагал собственной заправочной колонкой, однако без электричества насос не работал. Ларри обнаружил еще одну обертку от шоколадного батончика на крышке подземного резервуара и понял, что ее не так давно поднимал находчивый Гарольд Лаудер. Не важно, что он там любил, девушку или «Пейдей», этот парень завоевывал у Ларри все большее уважение. Гарольд Лаудер заранее ему нравился. У него уже сложился свой образ этого человека: лет тридцати пяти, возможно, фермер, высокий и загорелый, худощавый, может быть, для кого-то не очень умный, но зато чрезвычайно практичный. Ларри усмехнулся. Дурацкое это занятие – представлять себе внешний облик человека, которого никогда не видел. Ни за что на свете он не окажется таким, как ты думаешь. Все знают шутку о диджее весом три сотни фунтов с тонюсеньким голоском.

Пока Надин готовила холодный ужин, Ларри прогулялся вдоль боковой стены салона. Нашел большой стальной мусорный бак. К нему кто-то прислонил лом, а на крышку положил резиновый шланг.

«– Я снова нашел твои следы, Гарольд! Взгляните-ка на это, сержант Бриггс. Наш парень откачал бензин из подземного резервуара, чтобы заправить мотоциклы. Странно, что он не взял с собой свой шланг.

– Может быть, он отрезал себе кусок, а перед нами – остаток, инспектор Андервуд. Вы уж извините, но это мусорный бак.

– Ей-богу, сержант, вы правы. Я подам рапорт о представлении вас к очередному званию».

Он взял лом и резиновый шланг и вернулся к крышке резервуара.

– Джо, не мог бы ты подойти на минутку и помочь мне?

Мальчик оторвался от сыра и крекеров, которые ел, и недоверчиво посмотрел на Ларри.

– Иди, все в порядке. – Голос Надин, как и всегда, звучал ровно и спокойно.

Джо подошел, чуть подволакивая ногу.

Ларри просунул лом в прорезь на крышке.

– Налегай на лом, и посмотрим, сможем ли мы ее поднять, – велел он.

На секунду Ларри подумал, что мальчик либо не понял его, либо не хочет этого делать. Но потом Джо ухватился за лом и налег на него. На тонких руках проступали жилистые мускулы, какие обычно бывают у рабочих из небогатых семей. Крышка немного поднялась, однако недостаточно высоко, чтобы Ларри смог просунуть в щель пальцы.

– Ложись на лом.

Диковатые узкие глаза холодно всмотрелись в него, а потом Джо повис на ломе, оторвав ноги от земли и налегая всем своим весом.

Крышка поднялась еще на чуть-чуть, и теперь Ларри удалось просунуть в щель пальцы. И в тот самый момент, когда он пытался ухватиться поудобнее, в голове у него сверкнула паническая мысль: если мальчик по-прежнему испытывает к нему неприязнь, сейчас есть прекрасный шанс это продемонстрировать. Отпусти Джо рычаг, крышка с грохотом рухнула бы вниз, и он лишился бы всех пальцев на руке, кроме больших. Ларри заметил, что и Надин это поняла. Если раньше она внимательно изучала один из мотоциклов, то теперь смотрела на мужчину и мальчика, напряженно застыв. Взгляд ее темных глаз сместился с Ларри, опустившегося на одно колено, на Джо, который наблюдал за Ларри, навалившись на лом. Прочитать выражение этих глаз цвета морской волны не представлялось возможным, а Ларри все не мог ухватиться за крышку.

– Нужна помощь? – спросила Надин, и в ее обычно спокойный голос проникли более высокие нотки.

Капля пота упала Ларри в глаз, он моргнул. В воздухе стоял запах бензина.

– Думаю, мы справимся, – ответил он, глядя ей прямо в глаза.

Через мгновение его пальцы нащупали на обратной стороне крышки небольшой желобок. Он рванул изо всех сил, крышка поднялась и перевернулась, с глухим звоном ударившись о бетон площадки. Он услышал вздох Надин и стук упавшего лома. Вытер испарину и посмотрел на мальчика:

– Хорошая работа, Джо. Если бы ты не удержал эту штуку, всю оставшуюся жизнь мне пришлось бы застегивать молнию на ширинке зубами. Спасибо!

Он не ждал никакого ответа, кроме разве что нечленораздельного уханья, но Джо произнес хрипло и натужно:

– Пжалста.

Ларри быстро повернулся к Надин, которая ответила ему удивленным взглядом, а потом посмотрела на Джо. Она казалась изумленной и довольной, но при этом по ее лицу чувствовалось – Ларри не мог сказать, почему он так решил, – что она этого ожидала. Такое выражение лица он уже видел раньше, только никак не мог вспомнить, как оно называлось.

– Джо, ты сказал «пожалуйста»? – спросил он.

Джо энергично кивнул:

– Пжалста. Пжалста.

Надин протянула к мальчику руки, широко улыбаясь:

– Это хорошо, Джо! Очень, очень хорошо!

Джо подбежал к ней и позволил себя обнять на секунду-другую. Потом вновь устоялся на мотоциклы, ухая и смеясь.

– Он может говорить, – сказал Ларри.

– Я знала, что он не немой, – ответила Надин. – И это замечательно, что он может пойти на поправку. Думаю, мы оба ему нужны. Две половинки. Он... ох, я не знаю.

Ларри увидел, как она покраснела, и подумал, что догадывается о причине. Он начал просовывать резиновый шланг в дыру в бетоне, и ему неожиданно пришло в голову, что его действия можно расценить как символичную (и довольно-таки грубую) пантомиму. Он резко вскинул на нее глаза. Надин быстро отвернулась, но Ларри успел заметить, с каким напряженным вниманием она следила за движениями его рук и какой яркий румянец выступил у нее на щеках.

В его груди поднялась волна жуткого страха, и он закричал:

– Ради Бога, Надин, смотри, куда едешь!

Она целиком сосредоточилась на руках и не смотрела, куда едет, направляя «хонду» прямо в сосну, пусть и с пешеходной скоростью пять миль в час.

Надин подняла голову, и он услышал ее удивленный возглас. Потом она слишком резко повернула руль и свалилась с мотоцикла. «Хонда» заглохла.

Ларри побежал к ней с трепыхающимся в горле сердцем.

– С тобой все в порядке, Надин? С тобой все...

Она уже медленно поднялась на ноги, глядя на свои ободранные руки.

– Да, все хорошо. Какая я дура, не смотрю, куда еду. Я не разбила мотоцикл?

– Не важно, что с мотоциклом, дай мне взглянуть на твои руки.

Она протянула ему ладони, он достал из кармана брюк пластмассовую бутылочку бактина и попрыскал на царапины.

– Ты весь дрожишь, – отметила она.

– И это не важно! – Голос Ларри прозвучал чуть более резко, чем ему хотелось. – Послушай, может, нам все-таки поехать на велосипедах? Это опасно...

– Дышать тоже опасно, – ответила она спокойно. – Я думаю, Джо лучше поехать с тобой, по крайней мере сначала.

– Он не...

– Я думаю, он согласится. – Надин смотрела Ларри в глаза. – И ты тоже будешь не против.

– Ну ладно, на сегодня хватит. Уже так темно, что почти ничего не видно.

– Еще разок. Я где-то читала, что надо немедленно снова сесть на лошадь, если она только что сбросила тебя.

Джо прогуливался неподалеку, поедая ежевику из мотоциклетного шлема. Он нашел за салоном целое поле диких кустов ежевики и собирал ягоды, пока Надин брала свой первый урок вождения мотоцикла.

– Наверное, ты права, – покорно согласился Ларри. – Но пожалуйста, смотри, куда едешь.

– Да, сэр. Будет исполнено, сэр. – Она отдала ему честь и улыбнулась. Ее красивая медлительная улыбка озаряла все лицо. Улыбнулся и Ларри – а что ему оставалось делать? Когда улыбалась Надин, ей в ответ улыбался даже Джо.

На этот раз она сделала два круга по стоянке, а потом выехала на дорогу, повернув слишком резко и вновь заставив сердце Ларри запрыгнуть в горло. Но она проворно опустила ногу вниз, как он учил ее, удержала равновесие, поднялась на холм и скрылась из виду. Он видел, как она осторожно переключилась на вторую передачу, и услышал, как перешла на третью за гребнем холма. Потом шум мотора превратился в слабое тарыхтение и постепенно затих полностью. Ларри стоял в сумерках, охваченный тревогой, время от времени механически убивая очередного комара.

Мимо прошел Джо с синим ртом.

– Пжалста, – повторил он и улыбнулся. Ларри натянуто улыбнулся в ответ. Он уже решил, что поедет за ней, если она не вернется в ближайшее время. Перед его мысленным взором стояла мрачная картина: Надин лежит в канаве со сломанной шеей.

И как раз когда он направлялся ко второму мотоциклу, раздумывая, брать ли с собой Джо, вновь раздалось слабое тарахтение, которое постепенно переросло в гул двигателя «хонды», ровно работавшего на четвертой передаче. Ларри расслабился... слегка. С горечью осознал, что никогда не сможет чувствовать себя спокойно, пока она будет ехать на этой хреновине.

Она возникла на гребне холма с включенной фарой и подкатила к нему.

– Неплохо, да? – Надин выключила двигатель.

– А я уже собрался за тобой ехать. Думал, что-то стряслось.

– Едва не стряслось. – Она заметила, как он напрягся, и быстро добавила: – Я слишком медленно разворачивалась и забыла выжать сцепление. Мотор заглох.

– Ох! Достаточно на сегодня, ладно?

– Да, – кивнула она. – Даже копчик болит.

В тот вечер он лежал под одеялами и думал, придет ли она к нему, когда Джо уснет, или ему самому пойти к ней. Он хотел ее и думал, что Надин также хочет его, судя по тому, с каким видом она наблюдала за абсурдной пантомимой с резиновым шлангом. Наконец он заснул.

Ему снилось, что он заблудился на кукурузном поле. Но где-то раздавалась музыка, гитарная музыка. Джо играет на гитаре. Если он найдет Джо, все будет хорошо. Он двинулся на звук, переходя от одного ряда к другому, когда требовалось, и наконец выбрался на поляну. Там стоял небольшой домик, скорее лачуга, а крыльцо подпирали старые, ржавые домкраты. Играл на гитаре не Джо, да он и не мог, ведь Джо держал его за левую руку, а Надин – за правую. Они шли вместе с ним. На гитаре играла старуха. Она исполняла нечто вроде джазового спиричуэла, и, слушая ее, Джо улыбался. Старуха была чернокожей, она сидела на крыльце, и Ларри подумал, что это, наверное, самая старая женщина из всех, кого он видел за свою жизнь. Но пока он смотрел на нее, ему вдруг стало очень хорошо... как бывало только в раннем детстве, когда мать неожиданно обнимала его и говорила: *Нет второго такого мальчика, мальчик Элис Андервуд – самый лучший на свете.*

Старуха кончила играть и посмотрела на них.

Что ж, вот и гости прибыли. Выходите, чтобы я могла вас рассмотреть, мои гляделки уже не такие острые, как раньше.

Они подошли ближе, втроем, держась за руки. Джо протянул свободную руку, тронул старую лысую покрывку, и та начала медленно раскачиваться. Похожая на пончик тень перемещалась взад-вперед по заросшей травой земле. Они находились на крошечной полянке, на острове в море кукурузы. Проселочная дорога уходила к горизонту на север.

Хочешь поиграть на этом старом ящике? – спросила старуха у Джо, и тот поспешил к ней, взял гитару из ее узловатых рук. Начал наигрывать мелодию, которая привела их на поляну, только лучше и быстрее.

Благослови его Господь, он играет хорошо. Я-то уже слишком старая. Не могу заставить пальцы шевелиться быстрее. Это все ревматизм. Но в тысяча девятьсот втором я играла в зале собраний округа. Первая негритянка, которая там играла, самая первая.

Надин спросила у негритянки, кто она. Они находились в каком-то зачарованном месте, где солнце остановилось за час до захода, а тень от качелей, приведенных в движение Джо, вечно перемещалась взад-вперед по поросшей сорняками земле. Ларри хотел бы остаться здесь навсегда, вместе с семьей. Он чувствовал, что это хорошее место. Человек без лица никогда не смог бы достать их здесь. Ни его, ни Джо, ни Надин.

Матушка Абагейл, так меня здесь называют. Наверное, я самая старая женщина в восточной Небраске, но по-прежнему могу сама испечь лепешку. Приходите ко мне, приходите быстрее. Мы должны уйти, прежде чем он нас почует.

Туча закрыла солнце. Перемещающаяся тень от шины исчезла. Джо перестал перебирать струны, и Ларри почувствовал, как волоски у него на загривке встали дыбом. Старая женщина словно ничего не заметила.

Прежде чем нас поцует – кто? – переспросила Надин, и Ларри пожалел, что не может говорить, а то крикнул бы ей, потребовал забрать вопрос обратно, прежде чем он причинит им вред.

Этот темный человек, слуга дьявола. Нас разделяют Скалистые горы, слава Богу, но они не смогут удержать его. Вот почему нам надо держаться вместе. В Колорадо. Бог явился мне во сне и указал место. Но все равно нам надо спешить, спешить, насколько это в наших силах. Так что приходите ко мне. Другие тоже придут.

Нет! – Голос Надин звучал холодно и испуганно. *Мы едем в Вермонт, и не дальше. Только в Вермонт – совсем короткая поездка.*

Твоя поездка может затянуться, если ты не справишься с его силой, ответила старуха во сне Ларри. И посмотрела на Надин с невыразимой грустью. *Человек с тобой может быть хорошим, женщина. Он хочет измениться к лучшему. Почему бы тебе не следовать за ним, вместо того чтобы использовать его?*

Нет! Мы едем в Вермонт, в ВЕРМОНТ!

Во взгляде старухи появилась жалость.

Ты отправишься прямо в ад, если не будешь осторожна, дочь Евы. А попав туда, поймешь, что там холодно.

Сон раскололся на множество кусков, и сквозь образовавшиеся трещины хлынула темнота, которая поглотила Ларри. В этой темноте что-то подкрадывалось к нему, холодное и безжалостное, и вскоре его ждали оскаленные в усмешке зубы.

Но прежде чем это произошло, Ларри проснулся. Солнце взошло полчаса назад, и мир окутывала белая пелена густого тумана. Мотоциклетный салон выступал из белизны, будто нос какого-то странного корабля, с бортами из шлакоблоков, а не из дерева.

Кто-то лежал рядом с ним, и он понял, что не Надин пришла к нему ночью, а Джо. Мальчик сосал большой палец и вздрагивал во сне так, словно его тоже мучил какой-то кошмар. Ларри задался вопросом, сильно ли отличаются сны Джо от его собственных. Он лег на спину, устался в белый туман и думал об этом до тех пор, пока час спустя не проснулись остальные.

К тому времени, когда они закончили завтрак и упаковали рюкзаки, туман в достаточной степени рассеялся, и можно было отправляться в путь. Как и предсказывала Надин, Джо не возражал против того, чтобы ехать позади Ларри. Собственно говоря, он уселся на мотоцикл Ларри по собственной инициативе.

– Едем медленно, – в четвертый раз повторил Ларри. – Мы не собираемся нестись сломя голову и попасть в аварию.

– Прекрасно, – ответила Надин. – Я так взволнована. Мы словно выступаем в поход!

Она улыбнулась ему, но Ларри не смог улыбнуться ей в ответ. Рита Блейкмур произнесла очень похожие слова, когда они уходили из Нью-Йорка. Произнесла за два дня до своей смерти.

На ленч они остановились в Эпсоме. Ели жареную консервированную ветчину и запивали ее апельсиновой газировкой как раз под тем деревом, под которым спал Ларри, а Джо стоял над ним с занесенным ножом. Ларри с облегчением обнаружил, что езда на мотоцикле оказалась не столь ужасной, как он предполагал. Большинство участков трассы они преодолевали достаточно быстро, и даже в населенных пунктах ехать со скоростью пешехода приходилось лишь по тротуарам. Надин чрезвычайно осторожно проходила слепые повороты, сбрасывая скорость до минимальной, и даже на прямых участках трассы не заставляла Ларри ехать

быстрее тридцати пяти миль в час. Он подумал, что при хорошей погоде они смогут оказаться в Стовингтоне девятнадцатого июля.

На ужин они остановились к западу от Конкорда, и Надин заметила, что им удастся выиграть время по сравнению с маршрутом Лаудера и Голдсмит, если они поедут прямо на северо-запад по автостраде номер 89.

– Там будет много заторов. – В голосе Ларри слышалось сомнение.

– Мы сможем лавировать между автомобилями или воспользуемся резервной полосой, – уверенно заявила Надин. – В худшем случае нам придется вернуться к съезду и сделать крюк по местной дороге.

После ужина они два часа ехали по автостраде номер 89 и действительно наткнулись на затор. Сразу за Уорнером дорогу перегораживал автомобиль с жилым прицепом. Водитель и его жена, умершие несколько недель назад, лежали на передних сиденьях своей «электры», словно кули с зерном.

Втроем им с трудом удалось перетащить мотоциклы через погнувшуюся сцепку между автомобилем и кемпером. После этого они слишком устали, чтобы ехать дальше. В тот вечер Ларри уже не размышлял о том, стоит или нет пойти к Надин, которая унесла свои одеяла на десять футов от того места, где он расстелил свои (мальчик спал между ними). В тот вечер он так устал, что мог только одно – спать.

Во второй половине следующего дня они наткнулись на затор, который не смогли преодолеть. В перевернувшуюся фуру врезалось несколько следовавших за ней легковушек. К счастью, произошло это всего в двух милях от съезда в Энфилд. Они вернулись назад, съехали с автострады и, чувствуя усталость и разочарование, устроили двадцатиминутный привал в энфилдском городском парке.

– Чем ты занималась раньше, Надин? – спросил Ларри. Он думал о выражении ее глаз в тот момент, когда Джо впервые заговорил (мальчик обогатил свой лексикон словами «Ларри», «Надин», «пасиб» и выражением «иду в туалет»), а потому высказал догадку: – Учила детей?

Она удивленно взглянула на него:

– Да, попал в точку.

– Маленьких детей?

– Да, первый и второй классы.

Этим отчасти объяснялось ее абсолютное нежелание бросить Джо. По умственному развитию мальчик находился на уровне семилетнего ребенка.

– Как ты догадался?

– Давным-давно я встречался с женщиной-логопедом, которая жила на Лонг-Айленде, – ответил Ларри. – Я знаю, звучит как начало какого-нибудь нью-йоркского анекдота, но это правда. Она работала в школах Оушн-Вью. В начальных классах. Занималась с детьми с дефектами речи, с волчьей пастью, с заячьей губой, с глухими детьми. Она говорила, что для исправления речи требовалось показывать детям альтернативный способ произношения правильных звуков. Показывать, как произносится слово, пока в голове ребенка что-то не сработает. И, говоря об этом срабатывании, она выглядела точно так же, как ты, когда Джо произнес: «Пожалуйста».

– Правда? – Надин мечтательно улыбнулась. – Мне нравились маленькие дети. Некоторые вели себя плохо, но в этом возрасте не бывает безвозвратно испорченных. Если и можно найти хороших людей, так это маленькие дети.

– Романтическая идея, верно?

Она пожала плечами:

– Дети – действительно *хорошие* люди. И если работаешь с ними, поневоле становишься романтиком. Это не так уж плохо. Разве твоему логопеду работа не приносила радость?

– Да, работа ей нравилась, – согласился Ларри. – Ты была замужем? Прежде? – Снова оно – это просто вездесущее слово. *Прежде*. Всего два слога, но сколько они в себе несли.

– Замужем? Нет, никогда. – На ее лице вновь отразилась тревога. – Я самая настоящая школьная старая дева, моложе, чем выгляжу, но старше, чем ощущаю себя. Мне тридцать семь. – Ларри не успел спохватиться, и его взгляд скользнул по ее волосам. Она кивнула, словно он озвучил свою мысль. – Ранняя седина, – привычно объяснила Надин. – Моя бабушка полностью поседела в сорок. Думаю, я продержусь лет на пять дольше.

– Где ты работала?

– В небольшой школе в Питтсфилде. Частной и очень дорогой. Стены, увитые плющом, и новейшее спортивное оборудование. К черту экономический спад, снова полный вперед. Автомобильный парк состоял из двух «тандербердов», трех «мерседесов», парочки «линкольнов» и «крайслера-империала».

– Ты, наверное, была очень хорошей учительницей.

– Думаю, да, – ответила она не рисуясь, а потом улыбнулась. – Сейчас это не имеет особого значения.

Ларри обнял ее одной рукой. Надин слегка вздрогнула, и он почувствовал, как она напряглась. Ее ладонь и плечо были теплыми.

– Не надо, – стеснительно попросила она.

– Ты не хочешь?

– Нет, не хочу.

Он озадаченно убрал руку. Она *хотела*, чтобы он обнял ее. Он чувствовал слабые, но вполне отчетливые волны исходящего от нее желания. Густо покраснев, Надин беспомощно смотрела вниз на свои руки, которые шевелились у нее на коленях, как пара искалеченных пауков. Ее глаза блестели, словно она вот-вот разрыдается.

– Надин...

(*родная, ты ли это?*)

Она подняла на него глаза, и он увидел, что ей удалось справиться с подступавшими слезами. Надин собиралась что-то сказать, но тут подошел Джо с гитарой в руке. Они виновато посмотрели на него, словно он застал их за чем-то гораздо более личным, чем обыкновенная беседа.

– Дама, – как бы между прочим сообщил Джо.

– Что? – удивленно спросил Ларри, не очень хорошо понимая, в чем дело.

– Дама! – повторил Джо и ткнул большим пальцем себе за спину.

Ларри и Надин переглянулись.

Неожиданно послышался четвертый голос, пронзительный и захлебывающийся от волнения, неожиданный, как голос Бога.

– Хвала небесам! – прозвучал возглас. – Ох, хвала небесам!

Они встали и увидели женщину, бегущую к ним по улице. Она улыбалась и плакала одновременно.

– Рада вас видеть! – крикнула она. – Я так рада видеть вас, хвала небесам...

Она пошатнулась и упала бы в обморок, если бы Ларри не поддержал ее. Он предположил, что ей лет двадцать пять. Синие джинсы, простенькая белая хлопчатобумажная блузка, бледное лицо. Ее голубые глаза неестественно застыли, уставившись на Ларри, словно пытались убедить мозг, что это не галлюцинация, что эти три человека на самом деле здесь находятся.

– Я Ларри Андервуд, – представился он. – Это Надин Кросс. Мальчика зовут Джо. Мы счастливы, что встретились с вами.

Какое-то время женщина продолжала беззвучно поедать его глазами, а потом медленно подошла к Надин.

– Я так рада... – начала она, – так рада встретить вас. – Она запнулась. – Боже мой, неужели передо мной действительно люди?

– Да, – кивнула Надин.

Женщина обняла ее и зарыдала. Джо подошел к Ларри и посмотрел на него. Ларри взял его за руку. Они стояли вдвоем, бок о бок, и пристально наблюдали за женщинами. Так они познакомились с Люси Суонн.

Она сразу захотела ехать с ними, как только они рассказали, куда направляются и что у них есть надежда найти там двух других людей, а может быть, и больше. В энфилдском магазине спортивных товаров Ларри подобрал для Люси среднего размера рюкзак, и Надин пошла с ней в ее дом на окраине города, чтобы помочь собрать вещи... две смены одежды, что-то из нижнего белья, запасную пару туфель, плащ. И фотографии умерших мужа и дочери.

В тот вечер они разбили лагерь в городке под названием Куичи, расположенном уже в Вермонте. Люси Суонн рассказала им свою историю, короткую и простую, не очень отличающуюся от других историй, что им еще предстояло услышать. Нарастающее чувство утраты и шок подтолкнули ее к грани, за которой начиналось безумие.

Ее муж заболел двадцать пятого июня, дочь – на следующий день. Она истово ухаживала за ними, ожидая, что вскоре сама свалится с хрипаткой (так называли болезнь в этом уголке Новой Англии). К двадцать седьмому числу, когда ее муж впал в кому, Энфилд оказался практически отрезанным от окружающего мира. Телевизор принимал не все программы, а те, что показывал, вызывали лишь недоумение. Люди умирали как мухи. За предыдущую неделю они насмотрелись на чрезвычайные перемещения войск по автостраде, но никто не обращал внимания на такой маленький городок, как Энфилд, штат Нью-Хэмпшир. Ее муж умер двадцать восьмого июня, перед рассветом. Дочери, похоже, стало немного лучше двадцать девятого, но вечером произошел рецидив. Она умерла около одиннадцати. К третьему июля умерли все жители Энфилда, кроме нее и старика по имени Билл Даддс. По словам Люси, Билл тоже заболел, но потом вроде бы совершенно оправился. Однако утром Дня независимости она нашла Билла на Главной улице мертвым, такого же распухшего и почерневшего, как все остальные.

– Я похоронила своих, а заодно и Билла, – рассказывала она, сидя перед потрескивающим костром. – Это заняло целый день, но они обрели покой. После этого подумала, что надо, пожалуй, идти в Конкорд, где жили мои родители. Но я... все как-то не могла собраться. – Она вопросительно посмотрела на них. – Как вы думаете, я поступила неправильно? Они могли остаться в живых?

– Нет, – ответил Ларри. – Иммуитет к болезни не связан с наследственностью. Моя мать... – Он уставился на пламя.

– Уэс и я, нам пришлось пожениться, – продолжила Люси. – Тем летом, когда я окончила школу, в тысяча девятьсот восемьдесят четвертом году. Родители не хотели, чтобы я выходила за него замуж. Они хотели, чтобы я уехала из города, родила ребенка и отказалась от него. Но я не смогла. Мама говорила, что все закончится разводом. Папа считал Уэса никчемностью, предупреждал, что он будет постоянно мне изменять. Я на это ответила: «Поживем – увидим». Хотела испытать судьбу. Вы меня понимаете?

– Да, – ответила Надин. Она сидела рядом с Люси и смотрела на нее с нежным сочувствием.

– Мы жили в уютном маленьком домике, и я никогда не думала, что все это может вот так кончиться. – Люси вздохнула, и вздох больше напоминал сдавленное рыдание. – У нас троих все шло так хорошо. Уэс остепенился, не из-за меня, а из-за Марси. Для него свет клином сошелся на ней. Он...

– Не надо, – сказала Надин. – Все это было прежде.

«Снова это слово, – подумал Ларри. – Короткое слово из двух слогов».

– Да. Теперь все в прошлом. И я думаю, что смогу начать жить заново. Во всяком случае, думала, пока мне не начали сниться эти плохие сны.

Ларри вздрогнул.

– Сны?

Надин повернулась к Джо. Еще секунду назад он дремал у костра – а теперь смотрел на Люси горящими глазами.

– Плохие сны, кошмары, – кивнула Люси. – Они не всегда повторяются, но обычно меня преследует какой-то человек, и я никогда не могу хорошенько разглядеть его, потому что он с ног до головы завернут в... как бы это сказать... в плащ. И он всегда находится в тени или в проулке. – Она поежилась. – Мне даже стало страшно засыпать. Но теперь, может быть, я...

– Черый чел! – выкрикнул Джо так яростно, что они буквально подпрыгнули от неожиданности. Он вскочил на ноги и, скрючив пальцы, вытянул вперед руки, словно миниатюрная копия Белы Лугоши¹⁹. – Черый чел! Плохие сны! Гонится! Гонится за мной! Хватает меня! – Он прижался к Надин и опасливо уставился в темноту.

Повисло молчание.

– Это безумие! – вырвалось у Ларри, и он запнулся. Все смотрели на него. Внезапно темнота показалась еще более темной, а Люси вновь выглядела испуганной.

Ларри заставил себя продолжить:

– Люси, тебе никогда не снились сны о... ну, об одном месте в Небраске?

– Как-то раз мне приснился сон о старой негритянке, – кивнула Люси, – но короткий. Она сказала что-то вроде: «Ты приходи ко мне». Но я тут же снова оказалась в Энфилде, и... этот жуткий человек гнался за мной. Потом я проснулась.

Ларри посмотрел на нее таким долгим взглядом, что она покраснела и опустила глаза.

Он повернулся к Джо:

– Джо, тебе когда-нибудь снился сон о... ну, кукурузе? О старой женщине? О гитаре? Джо только смотрел на него, а рука Надин обнимала его за плечи.

– Оставь его в покое, – потребовала Надин, – ты только еще больше его расстроишь.

Ларри поразмыслил.

– Дом, Джо? Маленький дом с крыльцом на домкратах?

Ему показалось, что в глазах Джо появился блеск.

– Прекрати, Ларри! – потребовала Надин.

– Качели, Джо? Качели из крыши?

Джо неожиданно рванулся из объятий Надин, вынув большой палец изо рта. Надин попыталась удержать его, но безуспешно.

– Качели! – возбужденно сказал Джо. – Качели! Качели! – Он отбежал от них и ткнул пальцем сначала в Надин, потом в Ларри. – Она! Ты! Много!

– Много? – переспросил Ларри, но Джо уже успокоился.

На лице Люси Суонн отражалось изумление.

– Качели. Я тоже их помню. – Она посмотрела на Ларри. – Почему мы видим одни и те же сны? Кто-то направляет на нас луч?

– Я не знаю. – Он смотрел на Надин. – Ты тоже все это видела?

– Мне не снятся сны, – ответила она резко и тут же опустила глаза.

Ты лжешь, подумал Ларри. Но почему?

– Надин, если ты... – начал он.

– Я же сказала, что мне *не снятся сны!* – пронзительно, даже истерично закричала она. – Почему ты не можешь оставить меня в покое? Зачем изводишь меня?

Она встала и почти бегом отошла от костра.

¹⁹ Бела Лугоши (1882–1956) – американский актер венгерского происхождения, легендарный исполнитель роли Дракулы.

Люси неуверенно посмотрела ей вслед, а потом тоже поднялась на ноги.

– Я пойду к ней.

– Хорошо. Джо, останешься со мной, лады?

– Ады, – ответил Джо и начал расстегивать футляр с гитарой.

Люси вернулась с Надин через десять минут. Видно было, что обе плакали, но Ларри заметил, что между ними установились хорошие отношения.

– Извини меня, – сказала Надин Ларри.

– Ничего страшного.

Больше эта тема не поднималась. Они сидели и слушали, как Джо исполняет свой репертуар. Он делал большие успехи, и теперь наряду с уханьем и похрюкиванием изо рта у него вылетали отдельные слова.

Наконец они улеглись спать: Ларри с одного края, Надин с другого, Джо и Люси – посредине.

Сначала Ларри приснился сон о темном человеке, стоящем где-то в вышине, потом о старой негритянке на крыльце. Только в этом сне он знал, что темный человек приближается, идет по кукурузному полю, прокладывает дорогу сквозь кукурузу, к его лицу прилеплена эта ужасная ухмылка, и он идет к ним, сокращая и сокращая разделяющее их расстояние.

Ларри проснулся среди ночи, с перехваченным горлом, задыхаясь от ужаса. Остальные спали как убитые. Темный человек шел за ним не с пустыми руками. В этом сне темный человек знал, кто он. На руках, словно жертвоприношение, он нес полуразложившееся и распухшее тело Риты Блейкмур, частично съеденное лесными сурками и ласками. Ларри почувствовал неодолимое желание броситься к его ногам, покаяться и смиренно признать, что никакой он не хороший парень, а неудачник, созданный только для того, чтобы брать.

Наконец он снова заснул. Без сновидений. Проснулся в семь утра, замерзший, с затекшим телом, голодный и с переполненным мочевым пузырем.

– Господи!.. – опустошенно выдохнула Надин. Ларри посмотрел на нее и увидел разочарование, такое глубокое, что даже слезы тут помочь не могли. Надин побледнела, а ее прекрасные глаза затуманились и потускнели.

В конечную точку своего маршрута они прибыли вечером девятнадцатого июля, в четверть восьмого, и к тому времени их тени заметно удлиннились. Ехали они целый день, лишь несколько раз останавливались на пять минут, чтобы чуть передохнуть. На ленч в Рандольфе у них ушло всего полчаса. Никто не жаловался, хотя после шести часов непрерывной езды на мотоцикле тело Ларри затекло и болело так, словно в него вонзили множество иголок.

Теперь они стояли перед металлическим забором. Внизу, за их спинами, раскинулся город Стовингтон, точно такой же, каким его видел Стью Редман в последние два дня своего заточения. За забором и лужайкой, когда-то аккуратно выкошенной, а теперь поросшей высокой травой и усыпанной листьями и ветками, занесенными сюда ветром во время послеполюденных гроз, стояло трехэтажное здание. Ларри предположил, что большая его часть скрыта под землей.

Не вызывало сомнений, что там нет ни одной живой души.

В центре лужайки стоял щит с надписью:

СТОВИНГТОНСКИЙ ПРОТИВОЭПИДЕМИЧЕСКИЙ ЦЕНТР
ФЕДЕРАЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ!
ПОСЕТИТЕЛИ ДОЛЖНЫ ОТМЕТИТЬСЯ НА ГЛАВНОЙ
ПРОХОДНОЙ

Под этими строчками были написаны другие, и именно на них они и смотрели.

ШОССЕ НОМЕР 7	ЗДЕСЬ ВСЕ
ДО РУТЛАНДА	МЕРТВЫ
ШОССЕ НОМЕР 4	МЫ ЕДЕМ НА ЗАПАД
ДО СКАЙЛЕРВИЛЛЯ	
ШОССЕ НОМЕР 29	В НЕБРАСКУ
ДО АВТОСТРАДЫ 87	
НА ЮГ ПО А-87 ДО А-90	СЛЕДУЙТЕ ПО НАШЕМУ
	МАРШРУТУ
НА ЗАПАД ПО А-90	ИЩИТЕ УКАЗАНИЯ

ГАРОЛЬД ЭМЕРИ ЛАУДЕР
ФРЭНСИС ГОЛДСМИТ
СТЮАРТ РЕДМАН
ГЛЕНДОН ПИКУОД БЕЙТМАН
8 ИЮЛЯ 1990 ГОДА

– Гарольд, дружище, – пробормотал Ларри. – Мне не терпится пожать тебе руку и купить пива... или «Пейдей».

– Ларри! – вскрикнула Люси.
Надин потеряла сознание.

Глава 45

Утром двадцатого июля она вышла на крыльцо без двадцати одиннадцать, с чашкой кофе и гренком, как выходила каждый день, если рекламный термометр «Кока-Колы» за окном над кухонной раковиной показывал больше пятидесяти градусов²⁰. Стояло лето, на памяти матушки Абагейл – самое лучшее с тысяча девятьсот пятьдесят пятого года, когда умерла ее мать, прожившая долгие девяносто три года. «Остается только сожалеть, что другие не могут им насладиться», – думала она, осторожно усаживаясь в кресло-качалку без подлокотников. Но разве люди когда-нибудь наслаждались летом? Некоторые – да; наслаждались юные влюбленные и старики, чьи кости слишком хорошо помнили морозные укусы зимы. Но теперь большинство малых и старых ушло, вместе со всеми остальными. Господь сурово покарал человечество.

Кто-то, может быть, и стал бы утверждать, что эта кара несправедлива, однако матушка Абагейл так не считала. Когда-то Он сделал это с помощью воды, а когда-нибудь сделает с помощью огня. Не ее дело – судить Господа, но она бы хотела, чтобы Он избавил ее от той задачи, которую перед ней поставил. Тем не менее, когда дело касалось Его суждений, матушку Абагейл вполне устраивал ответ Бога, данный Моисею из горящего куста. «Кто *ты?*» – спросил Моисей, а Бог строго ответил ему: «Я *есмь* Сущий»²¹. Другими словами, Моисей, хватит тебе здесь тереться, взял руки в ноги и пошел.

Она хрипло засмеялась, и кивнула, и опустила гренок в кофе, чтобы он стал мягче. Шестнадцать лет прошло с тех пор, как она распрощалась с последним зубом. Беззубой она вышла из утробы матери – и беззубой ей предстояло сойти в могилу. Год спустя, когда ей самой исполнилось девяносто три, правнучка Молли с мужем подарили ей вставные челюсти на День матери, но они натирали десны, и она вставляла их в рот, только когда знала, что Молли и Джим приедут в гости. Лишь тогда она доставала зубы из коробочки, которая лежала в ящике комода, мыла и ставила куда положено. А если у нее оставалось время до приезда Молли и Джима, вставляла перед пятнистым кухонным зеркалом, корчила рожи, рычала сквозь эти большие белые зубы и смеялась до коликов в животе. Она выглядела как старая черная эверглейдская аллигаторша.

Возможно, она была старой и слабой, но голова у нее работала исправно. Абагейл Фримантл, так ее звали, родилась в тысяча восемьсот восемьдесят втором году, и у нее имелось свидетельство о рождении, доказывающее сей факт. За свою жизнь она видела много всякого и разного, но ничто не могло сравниться с событиями последнего месяца. Нет, никогда она не сталкивалась ни с чем подобным, а теперь ей предстояло стать частью случившегося, и она негодовала. Старая женщина, она хотела отдыхать, радуясь смене времен года между здесь и сейчас и тем мигом, когда Бог устанет смотреть на ее жизнь и решит призвать на Небеса. Но что происходило, если ты о чем-то спрашивал Бога? Ты получал ответ: «Я *есмь* Сущий», – и на том все заканчивалось. Когда Его собственный Сын просил отвести чашу сияющую от Его губ, Бог не ответил... И она не подходила для отведенной ей роли – никогда, ни в коем случае. По ночам, когда в кукурузе свистел ветер, она, обыкновенная грешница, со страхом думала о том, как в начале тысяча восемьсот восемьдесят второго года Бог посмотрел с небес на новорожденную девочку, появившуюся между ног матери, и сказал Себе: *Пусть живет подольше. У нее будет одно дельце в тысяча девятьсот девяностом году, по другую сторону целой горы листов отрывного календаря.*

²⁰ По Фаренгейту; примерно 10 °C.

²¹ Исход, 3:14.

Пребывание здесь, в Хемингфорд-Хоуме, подходило к концу, а последнее дело ждало ее на западе, у самых Скалистых гор. Моисея Он определил в горовосходители, Ноя – в кораблестроители. Проследил, чтобы Сына распяли. Так неужели Он будет обращать внимание на то, как отчаянно боится Эбби Фримантл человека без лица, который бродит по ее снам?

Она никогда не видела его; да и зачем? Она и так знала, что он – тень, пробегающая по кукурузе в полдень, порыв холодного воздуха, ворон, таращащийся с телефонных проводов. Его голос слышался ей во всех звуках, которые пугали ее: в мягком тиканье жука-точильщика под ступенями, предвещавшем скорую смерть кого-то из близких; в громком грохоте слепо-луденного грома, прокатывавшемся между облаками, которые надвигались с запада, как кипящий Армагеддон. Иногда темный человек не издавал никаких звуков, только ночной ветер шуршал кукурузой, но Абагейл знала, что он здесь и, что еще хуже, не так уж уступает в могуществе самому Богу; в такие моменты ей казалось, что она – на расстоянии вытянутой руки от темного ангела, бесшумно пролетавшего над Египтом, убивая первенцев в каждом доме, дверь которого не поместили кровью. И это пугало ее больше всего. От страха она вновь становилась ребенком и понимала, что только ей известно о его жутком могуществе, тогда как другие всего лишь знали о существовании темного человека и боялись его.

– Ну и ладно. – Она отправила в рот последний кусок гренка. Продолжила раскачиваться, допивая кофе. День выдался ясным и солнечным, у нее ничего особенно не болело, и она прочла краткую благодарственную молитву за все, что получила от Бога. Бог великий, Бог добрый – даже маленький ребенок мог выучить эти слова, вобравшие в себя весь мир, добро и зло.

– Бог великий, – начала матушка Абагейл, – Бог добрый. Благодарю Тебя за солнечный свет. За кофе. За то, что вчера я без проблем справила большую нужду. Ты не ошибся, эти финики сделали свое дело, но, Господь, вкус мне не понравился. Разве я не молодец? Бог великий...

Она почти допила кофе, поставила чашку на пол и начала раскачиваться на качалке, подставив солнцу лицо, похожее на какую-то странную скальную поверхность, испещренную угольными прожилками. Она задремала, потом уснула. Ее сердце, стенки которого стали тонкими, будто папиросная бумага, билось и билось, как и каждую минуту последних тридцати девяти тысяч шестисот тридцати дней. А чтобы убедиться, что она дышит, пришлось бы положить руку ей на грудь, как младенцу в колыбельке.

Но на ее губах играла улыбка.

Жизнь, конечно же, изменилась в сравнении с годами ее детства. Фримантлы прибыли в Небраску как освобожденные рабы, и правнучка Молли, цинично и отвратительно смеясь, предположила, что деньги, на которые отец Абагейл купил новое жилье – деньги, заплаченные ему Сэмом Фримантлом из Льюиса, штат Южная Каролина, за те восемь лет, что отец и его братья оставались на плантации после завершения Гражданской войны, – выданы исключительно для успокоения совести. Абагейл придержала язык, когда Молли все это говорила, – Молли и Джим, да и все остальные по молодости не понимали ничего, кроме очень-очень хорошего и очень-очень плохого, – но внутренне закатила глаза и сказала себе: «Деньги, выплаченные для успокоения совести? Что ж, а бывают ли более чистые деньги?»

Итак, Фримантлы поселились в Хемингфорд-Хоуме, и Эбби, последний ребенок в семье, родилась уже здесь, в новом доме. Ее отец взял верх и над теми, кто не хотел ничего покупать у негров, и над теми, кто не хотел ничего им продавать. Землю он приобретал маленькими участками, чтобы не тревожить тех, кого волновало «нашествие черномазых ублюдков». Он первым из всех фермеров округа Полк применил севооборот, первым использовал химические удобрения. В марте тысяча девятьсот второго Гэри Сайтс пришел к ним домой, чтобы сооб-

щить, что Джона Фримантла приняли в «Грейндж»²². Первого чернокожего во всей Небраске. Тот год вообще выдался очень удачным.

Абагейл полагала, что любой человек, оглянувшись, мог выбрать один год и сказать: «Этот самый лучший». У каждого человека находилась одна смена сезонов, когда все складывалось как нельзя лучше, легко и гладко. Точно в сказке. И только потом человек задавался вопросом: а почему вообще так случилось? Это было все равно что разом поместить в холодную кладовую десять вкусных блюд, чтобы все они пропитались ароматом друг друга; грибы – ветчиной, ветчина – грибами; оленина – легким привкусом куропатки, а куропатка – едва приметной остротой маринованных огурцов. С высоты прожитых лет человеку может захотеться, чтобы все хорошее, что уложилось в один особенный год, растянулось на более длительный срок. Берешь какое-нибудь радостное событие и переносишь в трехлетний период, о котором ты не помнишь ровным счетом ничего, ни хорошего, ни даже плохого, а потому знаешь, что в это время все шло согласно порядку, заведенному в мире, который создал Бог и наполовину разрушили Адам и Ева: грязное отправляли в стирку, пол мыли, о детях заботились, одежду штопали; три года ничто не нарушало ровный, серый поток времени, кроме Пасхи, Четвертого июля, Дня благодарения и Рождества. Но никому не ведомы пути Господни, когда дело касается Его чудес, и для Эбби Фримантл, как и для ее отца, тысяча девятьсот второй год выдался очень удачным.

Эбби полагала, что во всей семье лишь она одна – не считая, разумеется, ее папочки – понимала, какое это великое, почти беспрецедентное событие – приглашение в «Грейндж». Он становился первым негром-грейнджером Небраски и, весьма вероятно, первым негром-грейнджером Соединенных Штатов. Джон не питал иллюзий насчет того, какую цену придется заплатить за это ему и его семье, понимал, что наслушается и грубых шуток, и оскорблений от тех людей – и прежде всего от Бена Конвея, – которые выступали против этого приглашения. Но он также видел, что Гэри Сайтс предлагал ему нечто большее, чем просто шанс на выживание: Гэри предлагал ему процветание наравне с другими фермерами кукурузного пояса.

Стоило ему стать членом «Грейнджа», и проблема покупки хороших семян отпадала сама собой. Вместе с необходимостью везти урожай в Омаху и искать там покупателя. Прекращались споры из-за прав на воду, постоянно возникавшие с Беном Конвеем, который терпеть не мог ни нигтеров, вроде Джона Фримантла, ни негрофилов, вроде Гэри Сайтса. Возможно, ему перестал бы докучать и окружной сборщик налогов. Короче, Джон Фримантл принял приглашение, и голосование завершилось в его пользу (со значительным перевесом), но, конечно, хватило и едких шпилек, и злобных шуток. О том, как енота (читай: негра) поймали на чердаке «Грейндж-холла»; о том, как младенец-негр отправился на небеса и получил черные крылышки, поэтому вместо ангела его прозвали летучей мышью. Бен Конвей долго еще объяснял людям, что члены «Грейнджа» проголосовали за Джона Фримантла по одной причине: близились детский карнавал, а им требовался негр на роль африканского орангутана. Джон Фримантл делал вид, что ничего этого не слышит, а по возвращении домой цитировал Библию: «Кроткий ответ отвращает гнев», «Какой мерою мерите, такую отмерено будет вам» – и его любимое, произносимое не со смирением, а в непреклонной надежде: «Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю»²³.

И мало-помалу он наладил отношения с соседями. Не со всеми, конечно, не с такими бешеными, как Бен Конвей и его сводный брат Джордж, не с Арнольдсами и не с Диконами, но со всеми остальными. В тысяча девятьсот третьем они обедали у Гэри Сайтса со всей его семьей, прямо в гостиной, как белые люди.

²² «Грейндж» – местное отделение «Нэшнл грейндж» (Национальной ложи покровителей сельского хозяйства).

²³ Соответственно: Притчи, 15:1; Евангелие от Марка, 4:24; Евангелие от Матфея, 5:5.

А в тысяча девятьсот втором Абагейл играла на гитаре в «Грейндж-холле», причем не в балаганной постановке про ленивых ниггеров, а на конкурсе для белых «Мы ищем таланты», который устраивался в конце года. Ее мать категорически возражала. То был один из редких случаев, когда она открыто выступила против мужа в присутствии детей (правда, дети к тому времени уже весьма приблизились к среднему возрасту, да и у самого Джона волосы почти полностью поседели).

– Я знаю, в чем тут дело, – плача, говорила она. – Ты, Сайтс и этот Фрэнк Феннер вместе все это придумали. С них спроса нет, Джон Фримантл, но ты-то что вбил в голову? Они же *белые*. Ты можешь сидеть с ними во дворе и говорить о пахоте. Ты даже можешь выпить с ними пива в городе, если Нейт Джексон пустит тебя в свой салун. Прекрасно! Я знаю, что тебе пришлось вынести за последние годы, никто лучше меня не знает. Я знаю, что ты улыбался, когда у тебя в сердце бушевал степной пожар. *Но сейчас речь о другом! Это же твоя дочь!* Что ты скажешь, если она поднимется на сцену в своем хорошеньком белом платьице, а они поднимут ее на смех? Что ты будешь делать, если они забросают ее гнилыми помидорами, как Брика Салливана на певческом концерте? И что ты ответишь ей, если она подойдет к тебе в испачканном этими помидорами платье и спросит: «Почему, папочка? Почему они это сделали, и почему ты *позволил* им это сделать?»

– Знаешь, Ребекка, – ответил Джон, – мне кажется, мы не должны вмешиваться. Решать ей и Дэвиду.

Он говорил о ее первом муже. В тысяча девятьсот втором году Абагейл Фримантл стала Абагейл Троттс. Чернокожий Дэвид Троттс работал на ферме в Вальпараисо и проходил тридцать миль в один конец, чтобы поухаживать за Абагейл. Джон Фримантл как-то сказал Ребекке, что медведь крепко ухватил старину Дейви и деваться ему некуда. Среди родственников хватало и таких, кто посмеивался над ее первым мужем со словами: «Я знаю, *кто* в этой семье носит брюки».

Но Дэвид не был подкаблучником, просто отличался спокойным нравом и задумчивостью. И когда он сказал Джону и Ребекке Фримантл: «Я полагаю, как Абагейл сочтет нужным, так и надо сделать», – она благословила его и сказала отцу и матери, что собирается принять участие в конкурсе.

Итак, двадцать седьмого декабря тысяча девятьсот второго года, на третьем месяце беременности своим первенцем, она поднялась на сцену «Грейндж-холла» в полной тишине, воцарившейся в зале, едва ведущий объявил ее имя. Перед ней выступала Гретхен Тайлионс с быстрым французским танцем, демонстрируя лодыжки и нижние юбки под свист, ободряющие крики и топанье зрителей.

Абагейл стояла в этой вязкой тишине, зная, как выглядит ее черное лицо над новым белым платьем, сердце бешено колотилось в груди, и она думала: *Я забыла все слова, все до единого, я обещала папочке, что ни за что не заплачу, не заплачу, но здесь сидит Бен Конвей, и когда Бен Конвей завопит: «НЕГРИТОСКА!» – наверное, я заплачу. Ох, и зачем я во все это ввязалась? Мама была права, я слишком далеко зашла, и теперь мне придется за это заплатить...*

Зал заполняли обращенные к ней напряженные белые лица. Не осталось ни одного свободного кресла, а в глубине зала в два ряда стояли те, кому не хватило места. Керосиновые лампы давали яркий, пусть и неровный свет. Портьеры из красного бархата были отдернуты к краям окон и подвязаны золотыми шнурами.

И она подумала: *Меня зовут Абагейл Фримантл Троттс, я хорошо играю и хорошо пою, я знаю это не с чужих слов.*

И в недвижной тишине она запела «Этот старый потертый крест», тихо наигрывая мелодию на гитаре. Потом, разогревшись, более энергично сыграла «Как я люблю своего Иисуса» и уже в полную силу – «Молебен под открытым небом в Джорджии». Зрители, раньше сидев-

шие абсолютно неподвижно, начали раскачиваться чуть ли не против своей воли. Некоторые улыбались и хлопали себя по коленям.

Она спела подборку песен Гражданской войны: «Когда Джонни идет домой», «Марш по Джорджии» и «Земляные орешки» (во время последней улыбок в зале прибавилось – многим зрителям-ветеранам отлично знаком был их вкус). Закончила песней «Ночуем сегодня в старом лагере», и когда завершающий аккорд, задумчивый и печальный, растворялся в тишине, подумала: *Ну а теперь, если вам так уж хочется бросить в меня помидоры или что там у вас припасено, валяйте. Я играла и пела как могла, и у меня действительно получилось.*

Когда музыка окончательно смолкла, в зале на один долгий, почти волшебный миг воцарилась полная тишина, словно люди, сидевшие в креслах и стоявшие в глубине зала, унеслись куда-то далеко, так далеко, что не сразу нашли обратную дорогу. Потом аплодисменты нахлынули на нее продолжительной, непрерывной волной, от которой она вспыхнула и засмушалась. Ее бросило в жар, а по коже побежали мурашки. Она видела мать, которая в открытую плакала, и отца, и Дэвида, не отрывавшего от нее сияющих глаз.

Тогда она попыталась уйти со сцены, но повсюду раздались крики: *Бис! Бис!* – и она с улыбкой сыграла «Кто-то копал мою картошку». Песенку немного непристойную, но она решила, что может себе это позволить, раз уж Гретхен Тайлионс продемонстрировала публике свои лодыжки. Она, в конце концов, была замужней женщиной.

Эх, картошку мы копали,
Глубоко копал мой друг.
Тяжела теперь я стала,
Только смылся милый вдруг!

Песня состояла из шести подобных куплетов (некоторые были еще забористее), она пропела их один за другим, и в конце каждого раздавался все более громкий хохот одобрения. Позднее она подумала, что если и совершила в тот вечер какую-либо ошибку, то именно исполнив эту песню. Песню, которую они ожидали услышать от негритоски.

Она закончила под громовую овацию и новые крики «Бис!». Вновь поднялась на сцену и, когда толпа затихла, сказала:

– Большое спасибо всем вам. Я надеюсь, вы не сочтете меня выскочкой, если я попрошу у вас разрешения спеть еще одну, последнюю песню, которую я специально разучивала, но никогда не думала, что буду исполнять ее здесь. Однако это одна из лучших известных мне песен, и в ней говорится о том, что президент Линкольн и эта страна сделали для меня и моих близких, когда меня еще не было на свете.

Теперь все сидели очень тихо и внимательно слушали. Члены ее семьи обратились в камень. Они расположились рядом с левым проходом – пятно от ежевичного варенья на белом носовом платке.

– В ней говорится о том, что случилось в разгар Гражданской войны, – ровным голосом продолжала она, – о том, что позволило моей семье приехать сюда и жить рядом с прекрасными соседями.

Потом она заиграла и запела «Звездно-полосатый флаг», и все встали со своих мест. Многие полезли в карман за платками, а когда она закончила, раздались такие аплодисменты, что чуть не рухнула крыша.

Этим днем Эбби гордилась, как никаким другим.

Проснулась она вскоре после полудня и села, шурясь от яркого солнечного света, старая женщина ста восьмью лет от роду. Она спала в неудобной позе, теперь ее мучили боли в спине, и она знала, что до самого вечера лучше ей не станет.

– Ну и ладно. – Абагейл осторожно поднялась с качалки. Начала спускаться по ступенькам крыльца, крепко держась за шаткие перила, морщась от кинжалов боли, вонзающихся в спину, и покалываний в ногах. Кровь циркулировала по телу уже не так хорошо, как раньше... да и могло ли быть иначе? Сколько раз она предупреждала себя о последствиях сна в кресле-качалке. Она заснет, и вернутся прежние времена, и это будет здорово, да, очень здорово, лучше, чем смотреть какую-нибудь пьесу по телевизору, но потом, после пробуждения, за это придется заплатить. Она могла сколько угодно читать себе нотации, однако продолжала вести себя точно старая собака, которая устраивается перед горящим камином. Если она сидела на солнце, то засыпала, и все дела. Больше на эту тему сказать было нечего.

Матушка Абагейл добралась до земли и остановилась, дожидаясь, «пока ноги меня догонят». Отхаркнула сгусток мокроты и выплюнула в пыль. Когда почувствовала себя более-менее сносно (не считая болей в спине), поплелась к сортиру, который ее внук Виктор построил за домом в тысяча девятьсот тридцать первом году. Вошла, чопорно закрыла за собой дверь, заперла на крючок, словно снаружи собралась людская толпа, а не несколько ворон, и села. Мгновением позже почувствовала, как потекла моча, и удовлетворенно вздохнула. Вот еще один атрибут старости, о котором тебе никто не скажет (а может, и говорили, да ты пропустила мимо ушей?): ты уже и не знаешь, когда тебе надо отлить. Такое впечатление, что мочевого пузыря потерял всякую чувствительность, и если не будешь соблюдать осторожность, тебе может неожиданно потребоваться смена одежды. Она старалась этого избежать, а потому приходила сюда шесть или семь раз в день и ночью держала у кровати горшок. Джим, муж Молли, как-то сказал ей, что она похожа на собаку, которая не пропустит ни одного гидранта, чтобы не отсалютовать ему поднятой ногой, и она так смеялась, что слезы заструились у нее из глаз и потекли по морщинистым щекам. Джим, муж Молли, занимал высокий пост в одной чикагской рекламной фирме, и все у него шло хорошо... раньше, во всяком случае, шло. Она полагала, что он ушел вместе с остальными. Благослови их сердца, сейчас они уже с Иисусом.

В последний год только Молли и Джим приезжали сюда, чтобы навестить ее. Остальные, похоже, забыли, что она жива, и Абагейл их понимала. Она пережила свое время. Превратилась в динозавра, который еще ходил по этой земле, тогда как его кости давно уже ждал музей (или кладбище). Она понимала, что они не хотят видеть *ее*, но не могла понять, почему они не хотят приехать и увидеть *землю*. Земли осталось не так уж много, несколько акров от первоначального участка Джона Фримантла, но эти акры принадлежали им, это была *их земля*. Однако ныне чернокожие утратили прежнее трепетное отношение к земле. Появились и такие, кто стыдился земли. Они перебрались в города, чтобы там строить свою жизнь, и у большинства, как у Джима, получалось очень даже хорошо... но как у нее щемило сердце, когда она думала обо всех этих чернокожих людях, отвернувшихся от земли!

В позапрошлом году Молли и Джим хотели поставить в доме сливной туалет и обиделись, когда она отказалась. Она пыталась объяснить так, чтобы они поняли, но Молли только повторяла снова и снова: «Матушка Абагейл, тебе сто шесть лет. Что, по-твоему, я чувствую, зная, что тебе приходится усаживаться там на толчок, когда в некоторые дни температура воздуха опускается до десяти градусов²⁴? Или ты не знаешь, что от холодового шока у тебя может остановиться сердце?»

«Когда Господь захочет прибрать меня, Он приберет», – отвечала ей Абагейл. Она вязала, и они, разумеется, думали, что она смотрит на спицы и не видит, как они закатывали глаза, глядя друг на друга.

На что-то соглашаться можно, на что-то – нет. Этого молодежь тоже никак не могла понять. В тысяча девятьсот восемьдесят втором, когда ей исполнилось сто лет, Кэти и Дэвид предложили Абагейл телевизор, и она согласилась его взять. У телевизора так приятно коро-

²⁴ По Фаренгейту; примерно –12 °C.

тать время, если живешь в одиночку. Но когда приехали Кристофер и Сюзи и сказали, что хотят провести городскую воду, она отказалась, как отказалась от предложения Молли и Джима оборудовать дом сливным туалетом. Они спорили, убеждали ее, что воды в колодце немного и он пересохнет совсем, если повторится еще одно такое же лето, как в тысяча девятьсот восемьдесят восьмом, когда Небраска изнывала от засухи. Подобное вполне могло случиться, но она настаивала на своем. Они, конечно же, думали, что у нее совсем съехала крыша и она впала в старческий маразм, однако Абагейл полагала, что голова у нее ясная, как и прежде.

Она поднялась с сиденья, высыпала в яму немного извести и медленно вышла на солнечный свет. Она содержала туалет в чистоте, но в таких местах воняло всегда, несмотря на старания.

Голос Бога шептал ей на ухо, когда Крис и Сюзи предлагали провести городскую воду... голос Бога шептал ей и раньше, когда Молли и Джим хотели снабдить ее фаянсовым треном с ручкой для спуска воды. Бог иной раз *говорил* с людьми; ведь говорил же Он с Ноем насчет ковчега, объясняя, какая у него должна быть длина, высота и ширина? Да. И она верила, что Он говорил с ней, не из горящего куста или огненного столба, но ровным, тихим голосом, который слышала только она: *Эбби, тебе понадобится ручной насос. Наслаждайся своим лектричеством сколько хочешь, Эбби, но держи эти масляные лампы полными и следи за фитилями. И пусть кладовая всегда будет набита продуктами, как у твоей матери. И не позволяй молодым уговорить тебя на что-то такое, чего Я не одобряю, Эбби. Они – твои потомки, но Я – твой Отец.*

Она остановилась посреди двора, глядя на море кукурузы, только в одном месте разорванное проселочной дорогой, которая уходила к Дункану и Коламбусу. В трех милях от ее дома дорога обретала твердое покрытие. Кукуруза в этом году уродилась на славу, и оставалось только пожалеть, что весь урожай достанется грачам. Она загрустила, подумав о том, что большие красные машины в этом сентябре останутся в ангарах. О том, что не будет в этом году ни лущения початков, ни танцев в амбаре. О том, что впервые за последние сто восемь лет не сможет увидеть, как в Хемингфорд-Хоуме лето уступит место ликующей, жизнерадостной осени, – потому что ее здесь не будет. Абагейл полностью отдавала себе отчет, что это лето она будет любить больше, чем любое другое, поскольку оно для нее – последнее. И в землю ей предстояло лечь не здесь, а на западе, в незнакомой стране. Это было грустно.

Волоча ноги, она добралась до качелей и привела их в движение. Эти качели из старой тракторной покрышки ее брат Лукас соорудил в тысяча девятьсот двадцать втором году. Веревку с тех пор меняли неоднократно, а вот покрышку – никогда. Тут и там проглядывал корд, на внутреннем ободе образовалась глубокая впадина в том месте, где покрышка соприкасалась с ягодицами многих поколений детей и подростков. В глубокой пыльной канаве под качелями трава давно уже зареклась расти, а на ветке, к которой была привязана веревка, кора стерлась полностью, обнажив белую древесную кость. Веревка чуть поскрипывала, и на этот раз Абагейл заговорила вслух:

– Пожалуйста, Господь, пожалуйста, если в этом нет крайней необходимости, я бы хотела, чтобы Ты отнял чашу сию от моих губ, если Ты можешь. Я старая, и я боюсь, и я хотела умереть здесь, в родном доме. Я готова умереть прямо сейчас, если Ты хочешь забрать меня. Воля Твоя будет исполнена, Господь, но Эбби – всего лишь уставшая, едва переставляющая ноги, старая черная женщина. Воля Твоя будет исполнена.

Ни звука, кроме поскрипывания веревки по ветке да вороньего карканья в кукурузе. Абагейл прижалась старым, морщинистым лбом к старой, потрескавшейся коре яблони, которую так давно посадил ее отец, и горько заплакала.

В ту ночь ей снилось, как она вновь поднимается на сцену «Грейндж-холла», юная и красивая Абагейл, уже три месяца как беременная, темная негритянская жемчужина в белом

платье. Держа гитару за гриф, поднимается, поднимается, поднимается в этом замершем зале, ее мысли несутся бурным потоком, но одна остается четкой и ясной: *Меня зовут Абагейл Фримантл Троттс, я хорошо играю и хорошо пою; я знаю это не с чужих слов.*

В этом сне она медленно повернулась, посмотрела на белые лица, обращенные к ней, как многочисленные луны, на зал, залитый светом керосиновых ламп, отметила, что свет отражается от темных, чуть запотевших окон, а портьеры из красного бархата раздвинуты и подвязаны золотыми шнурами.

Крепко держась за эту четкую и ясную мысль, она начала играть «Скалу веков». Она играла и пела, зная, что голос у нее не нервный и напряженный, а точно такой, каким она слышала его на бесчисленных репетициях, глубокий и мягкий, словно желтый свет ламп, и она подумала: *Я собираюсь расположить их к себе. С Божьей помощью я собираюсь расположить их к себе. Ох, люди мои, если вас мучает жажда, разве я не источу вам воду из камня? Я расположу их к себе, и Дэвид будет гордиться мной, и мама и папа будут гордиться мной, и я сама сделаю все, чтобы гордиться собой. Я источу музыку из воздуха и источу воду из камня...*

Именно тогда она впервые увидела его. Он стоял в дальнем углу, позади всех, сложив руки на груди. В джинсах и джинсовой куртке, со значками-пуговицами на нагрудных карманах. В запыленных черных сапогах со сбитыми каблуками, которые выглядели так, будто отмерили немало темных и пыльных миль. Лоб белел, как свет газового рожка, щеки пылали радостным румянцем, глаза сверкали, как синие бриллианты, лучились inferнальным весельем, будто этот Сын Сатаны взялся за работу Криса Крингла²⁵. Злая и пренебрежительная улыбка, почти оскал, оттягивала губы от зубов, белых, острых и ровных, напоминающих зубы ласки.

Он поднял руки, отрывая их от тела. Пальцы сжимались в кулаки, такие же крепкие и жесткие, как наросты на яблоне. Он продолжал улыбаться – весело и невероятно отвратительно. С кулаков начали падать капли крови.

Слова застряли у нее в горле. Пальцы забыли, как перебирать струны; гитара в последний раз неблагозвучно тренькнула, и наступила тишина.

Боже! Боже! – кричала она, но Бог отвернулся.

А в зале уже поднимался Бен Конвей с побагровевшим, горящим лицом, маленькие пороссячки глазки блестели. *Черномазая сука!* – крикнул он. *Что делает эта черномазая сука на нашей сцене? Ни одна черномазая сука не источала музыку из воздуха! Ни одна черномазая сука не источала воды из камня!*

Ему ответили яростные крики согласия. Люди рванулись к ней. Она увидела, как ее муж встал и попытался подняться на сцену. Чей-то кулак ударил ему в зубы, отбросив назад.

Оттащите этих грязных ниггеров в дальний конец зала! – проревел Билл Арнольд, и кто-то оттолкнул Ребекку Фримантл к стене. Кто-то еще – судя по всему, Чет Дикон – набросил на нее портьеру из красного бархата, завязал золотым шнуром и закричал: *Вы только посмотрите! Одета обезьяна! Одета обезьяна!*

Остальные поспешили к нему и принялись щипать и бить женщину, которая пыталась выбраться из бархатной портьеры.

Мама! – закричала Абагейл.

Гитара выпала из ее онемевших пальцев и разлетелась в щепки, ударившись о край сцены.

Она огляделась в поисках темного человека, стоявшего в глубине зала, но тот давно уже ушел – зашагал в какое-то другое место.

²⁵ Крис Крингл – искаженное имя немецкого персонажа, или Секретный Санта – рождественская церемония анонимного обмена подарками.

Мама! – вновь закричала она, а грубые руки уже стаскивали ее со сцены, лезли под платье, лапали, дергали, щипали за зад. Кто-то сильно дернул Абагейл за руку, едва не вырвав ее из плечевого сустава, приложил ладонь к чему-то твердому и горячему.

Бен Конвей прошептал ей в ухо: *Тебе нравится МОЯ скала веков, черномазая шлюха?*

Зал кружился у нее перед глазами. Она видела, как отец пытается добраться до лежащей на полу матери, видела, как белая рука, держащая за горлышко бутылку, опускается к спинке складного стула. Раздался звон, а потом зазубренное бутылочное стекло, неровно поблескивающее в свете керосиновых ламп, вонзилось в лицо отца. Она видела, как его вылезающие из орбит глаза лопнули, словно виноградины.

Она закричала, и мощь ее крика, казалось, разнесла в клочья этот ярко освещенный зал, впустила в него темноту, и она вновь стала матушкой Абагейл, ста восьми лет от роду, слишком старой, дорогой Господь, слишком старой (но пусть исполнится воля Твоя), и она шагала по кукурузному полю, заблудившись среди мистических кукурузных стеблей, которые укореняются неглубоко, но широко, по кукурузному полю, серебрящемуся от лунного света и черному от тени; она слышала легкий шелест летнего ночного ветра, ощущала запах растущей кукурузы, живой запах, с которым не расставалась всю свою долгую, долгую жизнь (она много раз думала, что это растение лучше всего олицетворяет жизнь, что его запах и есть запах самой жизни, начала жизни, ох, она трижды выходила замуж и похоронила всех своих мужей, Дэвида Троттса, Генри Хардести и Нейта Брукса, и она делила постель с тремя мужчинами, и ублажала их, как женщина должна ублажать мужчину, отдавалась целиком и полностью, и всегда испытывала наслаждение, и думала: *О Господи, как я люблю быть сексуальной с моим мужчиной и как я люблю, чтобы он был сексуальным со мной, когда берет меня, когда берет меня тем, что выстреливает в меня*, – и иногда в момент оргазма она думала о кукурузе, ласковой кукурузе, семена которой сажали неглубоко, но широко, она думала о плоти и о кукурузе, когда все заканчивалось, и ее муж лежал рядом с ней, и в спальне стоял запах секса, запах спермы, которую муж выстреливал в нее, и запах соков, которые выделяла она, чтобы смазать ему путь, и точно так же пахла лущеная кукуруза – нерезко и сладко, хорошо).

И все-таки она боялась, стыдилась близости с землей, и летом, и растущими растениями, потому что шла по полю не одна. Он находился где-то рядом, в двух рядах справа или слева, шел следом позади или чуть обгонял. Темный человек находился на этом самом поле, его запыленные сапоги вдавливались в мясо почвы и отбрасывали ее комьями, а он ухмылялся в ночи, как фонарь «молния».

Потом он заговорил, впервые вслух, и она видела его лунную тень, высокую, горбатую и гротескную, падающую на тот ряд, по которому шла она. Голос его напоминал ночной ветер, стонущий в октябре среди сухих, ободранных кукурузных стеблей, напоминал хруст этих самых белых, засохших, бесплодных стеблей, шепчущихся о собственной смерти. Мягкий голос. Голос рока: *Мне нравится твоя кровь в моих кулаках, старая мать. Если ты молишься Богу, молись, чтобы Он взял тебя, прежде чем ты услышишь мои шаги у своего порога. Это не ты творила музыку из воздуха, это не ты источала воду из камня, и твоя кровь в моих ладонях.*

Потом она проснулась, проснулась за час до зари, и первым делом подумала, что обмочила кровать, но простыни намокли от ночного пота, тяжелого, как майская роса. Ее исхудалое тело беспомощно дрожало, и каждая его частичка молила о покое.

Господь мой, Господь, отведи чашу сию от моих губ.

Но ее Господь не ответил. Только ветер раннего утра чуть дребезжал стеклами, разболтавшимися и требовавшими новой замазки. Наконец она поднялась, и разожгла огонь в старой дровяной печи, и поставила воду для кофе.

В последующие несколько дней работы ей хватало, так как она ждала гостей. Какие бы ужасные сны ей ни снились, какой бы усталой она себя ни чувствовала, Абагейл никогда не пренебрегала гостями и не собиралась менять заведенный порядок. Но приходилось делать все очень медленно, иначе она могла что-то забыть – теперь она многое забывала – или что-то положить не туда, а в итоге ходить кругами, не сдвигаясь с места.

Прежде всего следовало навеститься в курятник Адди Ричардсон, а путь туда был неблизкий, четыре или пять миль. Она поймала себя на мысли, не пошлет ли ей Бог орла, чтобы пролететь эти четыре мили, или Илию на огненной колеснице, чтобы тот ее подвез.

– Богохульница, – благодушно укорила она себя. – Господь посылает силу, а не такси.

Перебрав тарелки, Абагейл надела тяжелые башмаки и взяла трость. Даже теперь тростью она пользовалась очень редко, но сегодня та могла понадобиться. Четыре мили туда, четыре обратно. В шестнадцать она бы неслась туда сломя голову, а обратно бежала бы трусцой, но ее шестнадцать лет остались в далеком прошлом.

Она отправилась в путь в восемь утра, надеясь к полудню добраться до фермы Ричардсонов и проспять самые жаркие часы. А уж к вечеру свернула бы курам шею и в сумерках пошла бы домой. Абагейл понимала, что не сможет вернуться до темноты, и эта мысль заставила ее вспомнить о своем вчерашнем сне, но темный человек все еще находился далеко. Гости – гораздо ближе.

Она шла очень медленно, даже медленнее, чем, по ее мнению, следовало, потому что в половине девятого утра солнце уже палило слишком сильно. Она не особо потела – на костях оставалось не так уж много плоти, из которой выжимается пот, – но когда добралась до почтового ящика Гуделлов, почувствовала, что должна отдохнуть. Уселась под их перечным деревом, съела немного сушеного инжира. Ни орла, ни такси не просматривалось. Похихикав, она поднялась, стряхнула с платья крошки и двинулась дальше. Нет, никаких такси. Господь помогал тем, кто помогал себе сам. И все равно Абагейл чувствовала, как настраиваются все ее суставы, готовясь устроить ночной концерт.

Она все больше и больше сгибалась над тростью, на которую опиралась при ходьбе, хотя боль в запястьях усиливалась. Ее грубые башмаки с желтыми кожаными ремешками шаркали по пыли. Солнце жарило, и по мере того, как шло время, тень Абагейл становилась все короче. За одно утро она увидела больше диких зверей, чем за последние семьдесят лет: лису, енота, дикобраза, пекана. Если бы она слышала, как Стью Редман и Глен Бейтман обсуждают странную – это им она казалась странной – избирательность «супергриппа», убивавшего одних животных и не причинявшего вреда другим, то расхохоталась бы. Болезнь убила домашних животных и оставила диких – просто, как апельсин. Несколько видов домашних животных сохранилось, но больше всего пострадали человек и его лучшие друзья. Болезнь уничтожила собак и пощадила волков, потому что волки остались дикими, а собаки – нет.

Раскаленные докрасна свечи боли искрили в ее бедрах, под каждым коленом, в лодыжках и в запястьях, которые получали непривычную нагрузку, когда она опиралась на трость. Абагейл шла и разговаривала с Богом, иногда про себя, иногда вслух, не ощущая разницы между первым и вторым. И вновь ее мысли вернулись к прошлому. Конечно, тысяча девятьсот второй год был лучшим. После этого время словно ускорило ход, и страницы какого-то огромного, толстого отрывного календаря шелестели и шелестели, почти не задерживаясь на месте. Жизнь тела пролетела слишком быстро... и как это тело умудрилось настолько устать от жизни?

От Дэви Троттса она родила пятерых. Одна девочка, Мэйбелл, подавилась яблоком и задохнулась во дворе Старого Дома. Эбби развешивала одежду, а когда обернулась, то увидела, что дочь лежит на спине, лилового и царапая ногтями горло. Ей все-таки удалось извлечь кусок яблока, но к тому времени крошка Мэйбелл уже не шевелилась и похолодела, единственная

рожденная Эбби девочка и единственная из ее многочисленных детей, кто погиб от несчастного случая.

Теперь Абагейл сидела в тени вяза, растущего во дворе Ноглерсов, и видела, что в двухстах ярдах от нее проселок обретает твердое покрытие. В том месте Фримантл-роуд переходила в дорогу, находившуюся в ведении округа Полк. От жары воздух над гудроном мерцал, и казалось, что на горизонте разлита ртуть, сверкающая, как вода во сне. В такой жаркий день человек всегда видел вдалеке что-то похожее на ртуть, но не мог разглядеть как следует. По крайней мере она никогда не могла...

Дэвид умер в тысяча девятьсот тринадцатом от гриппа, не очень-то отличавшегося от теперешнего, убившего столько человек. В тысяча девятьсот шестнадцатом, в тридцать четыре года, она вышла замуж за Генри Хардести, чернокожего фермера из округа Уилер на севере. Он специально приезжал, чтобы ухаживать за ней. Генри остался вдовцом с семьей детьми, но пятеро из них уже выросли и покинули родные места. На семь лет старше Абагейл, он успел стать отцом еще двух детей, прежде чем трагически погиб в конце лета тысяча девятьсот двадцать пятого года: его придавил перевернувшийся трактор.

Годом позже она вышла замуж за Нейта Брукса, и люди начали сплетничать – да, люди сплетничают, как же они это любят, иногда даже кажется, что никаких других дел у них просто нет. Нейт прежде работал у Генри Хардести и стал ей хорошим мужем. Возможно, не таким милым, как Дэвид, и, уж конечно, не таким надежным, как Генри, но он был достойным человеком, который во многом слушался ее советов. Когда женщине уже немало лет, это всегда приятно – точно знать, кто в доме хозяин.

Шестеро ее мальчиков принесли урожай из тридцати двух внуков и внучек. Тридцать два внука и внучки, в свою очередь, произвели на свет девяносто одного правнука и правнучку, а к началу эпидемии Абагейл уже могла похвастаться тремя праправнуками. Их было бы больше, если бы не таблетки, которые теперь принимали девушки, чтобы не рожать детей. Им казалось, что кровать – еще одна игровая площадка. Абагейл жалела их, раз уж им приходилось жить по таким правилам, но никогда об этом не говорила. Только Бог мог судить, грешили они, принимая эти таблетки, или нет (а не тот старый лысый пердун в Риме – матушка Абагейл всю жизнь ходила в методистскую церковь и чертовски гордилась тем, что не имела ничего общего с этими заносчивыми католиками), но Абагейл знала, чего они лишают себя: экстаза, который приходит, когда ты стоишь на краю Долины Тени, экстаза, который приходит, когда ты полностью отдаешься своему мужчине и своему Богу, когда говоришь: Твоя воля будет исполнена и Твоя воля будет исполнена; конечного экстаза полового акта в присутствии Господа, когда мужчина и женщина переживают вновь древний грех Адама и Евы, только омытый и освященный кровью агнца.

Ох, ну да ладно...

Она хотела выпить глоток воды, она хотела быть дома, в кресле-качалке, она хотела, чтобы ее оставили в покое. Теперь она видела слева от себя отблеск солнца на крыше курятника. Еще милая, не больше. Часы показывали четверть одиннадцатого, а значит, шла она достаточно быстро для такой пожилой девчушки. Сейчас она доберется до места и проспит в тени до вечера. Никакой это не грех. Особенно в ее возрасте. И Абагейл, шаркая ногами, двинулась дальше по обочине, ее тяжелые башмаки теперь покрывал толстый слой пыли.

Да, потомков у нее хватало, чтобы не остаться одной в старости, а это что-то да значило. Некоторые, вроде Линды и никчемного коммивояжера, за которого она вышла замуж, никогда не приезжали, но другие – хорошие, такие как Молли и Джим или Дэвид и Кэти, – с лихвой заменяли тысячу линд и никчемных коммивояжеров, ходивших от дома к дому и продававших кастрюли-сковородки, позволяющие готовить без воды. Последний из ее братьев, Люк, умер в тысяча девятьсот сорок девятом, в возрасте восьмидесяти с чем-то лет, а последний из ее детей,

Сэмюель, – в тысяча девятьсот семьдесят четвертом, в пятьдесят четыре года. Она пережила своих детей, чего вроде бы делать не следовало, но, похоже, Господь имел на нее особые виды.

В тысяча девятьсот восемьдесят втором, когда ей исполнилось сто лет, ее фотография появилась в омахской газете, и с телевидения прислали репортера, чтобы он снял о ней сюжет. «Благодаря чему вам удалось дожить до столь почтенного возраста?» – спросил молодой человек, и на его лице отразилось разочарование, когда она ответила: «Благодаря Богу». Они-то хотели услышать рассказ о том, как она ела пчелиный воск, или воздерживалась от жареной свинины, или всегда спала, задрав ноги. Но она никогда этого не делала, так чего врать? Бог дает жизнь и забирает ее, когда Он того хочет.

Кэти и Дэвид подарили ей телевизор, чтобы она смогла увидеть себя в выпуске новостей, и она получила письмо от президента Рональда Рейгана (тоже далеко не желторотого юнца), поздравившего ее с «преклонным возрастом» и поблагодарившего за то, что она голосовала за республиканцев всю жизнь. Ну а за кого еще она могла голосовать? Рузвельт и его окружение были коммунистами.

Когда ей исполнилось сто лет, городской совет Хемингфорд-Хоума «навечно» избавил Абагейл от налогов в связи с тем самым «преклонным возрастом», с которым поздравлял ее Рональд Рейган. Ей выдали сертификат, в котором указывалось, что она – самый старый человек во всей Небраске, как будто маленькие дети стремились ей подражать. С налогами, однако, они хорошо придумали, хотя все остальное она считала полнейшей глупостью. Если бы они не сделали этого, она бы потеряла оставшийся у нее клочок земли. Большею части земли семья лишилась давным-давно. Владения Фримантлов и мощь «Грейнджа» достигли расцвета в волшебном тысяча девятьсот втором году, а с тех пор постепенно пошли на спад. У нее осталось только четыре акра. Что-то ушло на уплату налогов, что-то продали из-за нехватки денег... и, пусть она и стыдилась в этом признаться, землю в основном продавали ее сыновья.

В прошлом году она получила письмо от какого-то нью-йоркского объединения, которое называлось «Американское геронтологическое общество». В письме говорилось, что она – шестая по возрасту из всех граждан Соединенных Штатов Америки и третья из женщин. Самый старый американец жил в Санта-Розе, штат Калифорния. Этому человеку из Санта-Розы исполнилось сто двадцать два года. Она попросила Джима вставить письмо в рамку и повесила его на стену рядом с письмом от президента. Джим сделал это лишь в феврале нынешнего года. Тут Абагейл поняла, что именно тогда в последний раз видела Молли и Джима.

Она дошла до фермы Ричардсонов. Уставшая донельзя, привалилась к ближайшему заборному столбу и с вожделением посмотрела на дом. Внутри ее ждала прохлада. Прохлада и уют. Она чувствовала, что может проспать вечность. Но прежде чем прилечь, она должна была сделать еще кое-что. Множество животных умерло от этой болезни – лошади, собаки, крысы, – и ей хотелось узнать, не постигла ли кур та же судьба. Если бы выяснилось, что столь долгий путь она проделала только ради созерцания дохлых кур, оставалось бы лишь горько рассмеяться.

Она зашаркала к курятнику, пристроенному к амбару, и остановилась, услышав внутри кудахтанье. Через секунду сердито закукарекал петух.

– Все в порядке, – пробормотала Абагейл. – Тогда все в порядке.

Поворачиваясь, чтобы вернуться к дому, она увидела распростертое рядом с поленницей тело Билла Ричардсона, деверя Адди. Его сильно обглодали бродячие животные.

– Бедняга, – вздохнула она. – Бедняга. Сонмы ангелов отпевают тебя, Билли Ричардсон.

Абагейл снова повернулась к прохладному, приветливому дому. Казалось, до него многие мили, хотя на самом деле ей предстояло всего лишь пересечь двор. Но она не знала, дойдет ли, потому что совершенно вымоталась.

– Воля Господа будет исполнена. – И Абагейл сделала первый шаг.

* * *

Солнце светило в окно спальни для гостей, где она легла на кровать и заснула, едва сняв башмаки. Какое-то время Абагейл не могла понять, почему свет такой яркий; примерно то же ощутил Ларри Андервуд, проснувшись у каменной стены в Нью-Гэмпшире.

– Господь Всемогуший, я проспала вторую половину дня и всю ночь!

Должно быть, она действительно устала. Тело ее так ныло, что ей потребовалось десять минут, чтобы встать и доплестись до туалета. Еще десять она обувалась. Каждый шаг вызывал жуткие мучения, но она знала, что должна идти. Если не пойдет, тело окостенеет. Хромая и спотыкаясь, она добралась до курятника и зашла внутрь, поморщившись от невероятной жары, запаха птицы и неизбежной вони разложения. Подача воды осуществлялась автоматически, гравитационным насосом из артезианской скважины Ричардсонов, но большую часть корма куры уже съели, да и от жары погибло немало птиц. Слабейшие уже давным-давно умерли от голода или были заклеваны своими сородичами. Трупки лежали на грязном полу, словно небольшие сугробы тающего снега.

Оставшиеся в живых птицы бросились врассыпную, хлопая крыльями, но те, что сидели на яйцах, не сдвинулись с места и только глупыми глазами наблюдали за ее медленным, шаркающим приближением. Куры гибли от многих болезней, и Абагейл опасалась, что грипп убил их всех, однако эти выглядели вполне здоровенькими. Спасибо Господу.

Она выбрала трех самых жирных кур-несушек и заставила их засунуть головы под крыло. Они мгновенно уснули. Она отправила их в мешок, а потом обнаружила, что одеревеневшее тело не в состоянии поднять такую тяжесть и ей придется тащить мешок по полу.

Другие курицы пугливо наблюдали за ней с высоких насестов, пока она не вышла из курятника, и только потом спустились вниз в поисках остатков корма.

До девяти утра оставалось лишь несколько минут. Она села на скамейку, которая опоясывала растущий во дворе Ричардсонов дуб, и задумалась. Исходная идея – отправиться домой в сумеречной прохладе – по-прежнему казалась ей наилучшим вариантом. Она теряла день, но ведь гости еще находились в пути. А день она могла использовать, чтобы позаботиться о курах и отдохнуть.

Мышцы ее уже немного расслабились, и Абагейл ощутила незнакомое, но довольно приятное ноющее чувство под грудиной. Ей потребовалось несколько секунд, чтобы понять, что это такое... она проголодалась! Этим утром ей и правда *хотелось есть*, восславим Господа, и сколько времени прошло с тех пор, как она в последний раз ела не в силу привычки, выполняя роль кочегара, подбрасывающего уголь в топку? Но теперь, отрубив этим курам головы, она собиралась посмотреть, что там у Адди осталось в кладовке, а потом, с благословения Божьего, насладиться найденным. «Видишь? – назидательно сказала она себе. – Господь все устраивает к лучшему. Божественная гарантия, Абагейл, божественная гарантия».

Кряхтя и отдуваясь, она потащила джутовый мешок с курами к колоде для колки дров, которая стояла между коровником и дровяным сараем. Внутри, на стене у двери, нашла топор Билли Ричардсона, висевший на двух колышках. Лезвие закрывала резиновая перчатка. Абагейл взяла топор и вышла из сарая.

– Что ж, Господь, – она стояла над джутовым мешком в пыльных желтых башмаках и смотрела в синее летнее небо, – Ты дал мне силу, чтобы дойти сюда, и, я уверена, Ты дашь мне силу дойти обратно. Твой пророк Исайя говорит: если мужчина или женщина верит в Господа Бога Саваофа, то поднимется на крыльях, как орел²⁶. Я мало что знаю насчет орлов,

²⁶ Точная цитата: «А надеющиеся на Господа обновятся в силе; поднимут крылья, как орлы, потекут – и не устанут, пойдут – и не утомятся» (Исайя, 40:31).

Господь мой, кроме того, что это птицы с отвратительным характером, которых можно увидеть издалека, но в этом мешке у меня три курицы, и я хочу отрубить им головы, а не себе – руку. Воля Твоя будет исполнена, аминь.

Она развязала мешок, раскрыла, заглянула в него. Одна курица все еще прятала голову под крылом и крепко спала. Еще две прижались друг к другу и почти не двигались. В мешке царил темнота, и они думали, что наступила ночь. Тупее курицы-наседки может быть только нью-йоркский демократ.

Абагейл вытащила одну курицу и положила ее на колоду, прежде чем та успела сообразить, что происходит. С силой опустила топор, поморщилась, как и всегда, когда лезвие вошло в дерево. Голова упала в пыль с одной стороны колоды. Безголовая курица неестественно важно прошлась по двору Ричардсонов, махая крыльями и разбрызгивая кровь, через некоторое время обнаружила, что мертва, и, как положено, улеглась на землю. Курицы-наседки и нью-йоркские демократы, Господи, Господи!

Она обезглавила всех трех куриц и обнаружила, что напрасно боялась не справиться или поранить руку. Бог услышал ее молитвы. А теперь ей оставалось только унести трех жирных куриц домой.

Абагейл положила птиц в мешок и повесила на место топор Билли Ричардсона. Потом вновь зашла в дом, чтобы посмотреть, что она сможет съесть.

Раннюю часть второй половины дня она проспала, и ей приснился сон, что ее гости приближаются. Они уже находились к югу от Йорка и ехали в старом пикапе. Всего шестеро, в том числе глухонемой юноша. Но наделенный силой. Один из тех, с кем ей предстояло поговорить.

Проснувшись Абагейл около половины четвертого, с чуть затекшим телом, но чувствуя себя отдохнувшей и бодрой. В течение следующих двух с половиной часов она ощипывала кур, отдыхая, когда пораженные артритом пальцы доставляли чересчур сильную боль. За работой пела церковные псалмы и гимны: «Семь ворот Города (Слава Тебе, Господь)», «Веруй и повинись» и свой любимый – «В саду».

Когда она кончила ощипывать последнюю курицу, каждый палец раздирала боль, а дневной свет начал приобретать тот спокойный золотистый оттенок, указывающий на приближение сумерек. Конец июля, дни снова становились короче.

Она зашла в дом и опять перекусила. Хлеб зачерствел, но не заплесневел – никакая плесень не посмела бы показать свое зеленое рыло на кухне Адди Ричардсон, – и она нашла полбанки арахисового масла. Съела сандвич с маслом, приготовила еще один и положила его в карман платья на случай, если снова проголодается.

Часы показывали без двадцати семь. Она вышла на крыльцо, завязала мешок и осторожно спустилась во двор. Перья она складывала в другой мешок, но несколько улетели и теперь висели на зеленой изгороди Ричардсонов, которая засыхала, потому что ее никто не поливал.

– Я закончила, Господи. – Абагейл тяжело вздохнула. – Направляюсь домой. Идти буду медленно и не думаю, что доберусь раньше полуночи, но Книга говорит, что не убоишься ни ужасов в ночи, ни стрелы, летящей ясным днем. Я исполняю Твою волю, насколько это в моих силах. Прошу Тебя, иди рядом со мной. Во имя Иисуса, аминь.

Когда она добралась до того места, где дорога с твердым покрытием переходила в проселок, уже совсем стемнело. В траве трещали сверчки, где-то рядом с водой, возможно, у пруда, в котором Кэл Гуделл поил коров, квакали лягушки. Вставала луна, большая и пока еще красная, цвета крови.

Абагейл присела отдохнуть и съела половину своего сандвича с арахисовым маслом (с удовольствием добавила бы к нему желе из черной смородины, чтобы убрать вязкий вкус, но Адди держала свои заготовки в подвале, куда вела слишком длинная лестница). Джутовый мешок лежал рядом. Тело вновь болело, последние силы, казалось, иссякли, а идти оставалось

около двух с половиной миль... но она чувствовала необъяснимое веселье. Сколько лет прошло с тех пор, как она гуляла одна ночью под звездным шатром? Звезды светили так же ярко, как всегда, и если ей повезет, она увидит падающую звезду и загадает желание. Теплая ночь, звезды, летняя луна, красное лицо которой только-только показалось над горизонтом, – все это вновь навело Абагейл на мысли о ее девичестве со всеми его неожиданными вспышками активности, причудами, невероятной ранимостью, когда она стояла на пороге Тайны. Да, в свое время и она была девушкой. Некоторые люди не смогли бы в это поверить, точно так же, как не могли поверить в то, что гигантская секвойя вырастает из зеленого побега. Но она была девушкой, испытала тот период жизни, когда детская боязнь темноты немного ослабевает, а взрослые ночные страхи в тихой ночи, когда можешь услышать голос своей вечной души, еще находятся в пути. В этот короткий период ночь – ароматная загадка, и ты, глядя на усеянное звездами небо и вдыхая пьянящие запахи, которые приносит ветер, в полной мере ощущаешь сердцебиение Вселенной, любовь и жизнь. Тебе кажется, что ты навечно останешься молодой и...

Твоя кровь в моих ладонях.

Кто-то резко дернул за мешок, и сердце Абагейл подпрыгнуло.

– Эй! – вскрикнула она старческим, надтреснутым голосом. Потянула мешок на себя – и заметила внизу маленькую рваную дыру.

Раздалось глухое рычание. Между усыпанной гравием обочиной и кукурузой Абагейл увидела большую бурю ласку. Зверек смотрел на нее, и в его глазах мерцали красные лунные блики. К первой ласке присоединилась еще одна. И еще. И еще.

Она перевела взгляд на другую сторону дороги и увидела, что вдоль обочины выстроился ряд ласок, их злые глазки задумчиво уставились на женщину. Они учуяли запах кур в ее мешке. «Откуда их столько взялось?» – подумала Абагейл с нарастающим страхом. Однажды ее укусила ласка. Она залезла под крыльцо Большого Дома, чтобы достать закатившийся туда красный резиновый мяч, и словно множество иголок впилося ей в руку между запястьем и локтем. Она пронзительно закричала от внезапности и злобности случившегося, от обжигающей боли и неожиданности. Вытащила руку из-под крыльца – и ласка осталась висеть на ней, капельки крови забрызгали гладкий бурый мех. Тело зверька извивалось в воздухе, словно змея. Абагейл кричала и махала рукой, но ласка не ослабляла хватку, словно сделавшись частью тела девочки.

Во дворе играли ее братья Мика и Мэтью. Отец сидел на веранде и просматривал каталог «Товары – почтой». Все они подбежали к ней и на мгновение застыли, увидев двенадцатилетнюю Абагейл, кружащую по двору на том месте, где через какое-то время поднимется амбар, с бурой лаской, свисающей с руки, словно меховой шарф. Задние лапы зверька вспарывали воздух в поисках опоры. Кровь дождем падала на платье, ноги и туфли девочки.

Первым вышел из оцепенения ее отец. Джон Фримантл подобрал полено, валявшееся рядом с колодой для колки дров, и закричал:

– Не шевелись, Эбби!

Его голос, которым – она привыкла к этому с детства – отдавались команды, обязательные к исполнению, прорвался сквозь заполонившую разум панику (никакому другому голосу это бы не удалось). Эбби застыла, полено полетело, вращаясь, и руку до плеча пронзила резкая боль (Абагейл не сомневалась в том, что рука сломана), а в следующую секунду бурая Тварь, которая так удивила ее и причинила ей столько мучений – в те несколько мгновений удивление и боль переплелись в неделимое целое, – уже лежала на земле с выпачканным в ее крови мехом, и Мика подпрыгнул и обеими ногами приземлился на нее. Послышался жуткий хруст, какой иной раз слышится в голове, когда разгрызаешь твердый леденец, и ласка гарантированно покинула этот свет. Абагейл не потеряла сознание, но разразилась громкими, истеричными рыданиями.

К тому времени к ним подбежал Ричард, старший сын, и переглянулся с отцом. Во взглядах читался испуг.

– Никогда в жизни я не видел, чтобы ласка так себя вела. – Джон Фримантл обнимал выдающую дочь за плечи. – Слава Богу, твоя мать в поле, собирает фасоль.

– Может, она б... – начал Ричард.

– Заткнись! – резко бросил отец, прежде чем Ричард успел закончить фразу. Голос звенел от ледяной ярости, но при этом в нем слышался страх. И Ричард заткнулся. Закрыв рот так быстро и сильно, что Эбби услышала, как лязгнули его зубы. А отец наклонился к ней. – Пойдем к колонке, Абагейл, и промоем рану.

Через год Люк объяснил ей, почему отец не захотел, чтобы Ричард закончил фразу: ласка почти наверняка была бешеной, раз набросилась на человека, а если бы оказалось, что так оно и есть, Абагейл умерла бы одной из самых мучительных смертей, какие выпадают на долю человека. Но ласка не была бешеной. Рана быстро зажила. Тем не менее с тех пор Абагейл боялась этих зверьков точно так же, как некоторые люди боятся крыс и пауков. Если бы «супергрипп» забрал их вместо собак! Но не забрал, и она...

Твоя кровь в моих ладонях.

Одна из ласок бросилась вперед и рванула грубое дно джутового мешка.

– Эй! – прикрикнула на нее Абагейл. Ласка унеслась прочь, словно усмехаясь, из ее пасти свисала вырванная нить.

Он послал их – темный человек.

Ужас захлестнул Абагейл. Вокруг нее собрались уже сотни ласок, серых, бурых, черных, и все учуяли запах кур. Они выстроились по обе стороны дороги, вертелись, расталкивая друг друга в стремлении ухватить кусок пищи.

Придется отдать им кур. Столько труда пропало зря. Если не отдам, они разорвут меня в клочья. Все впустую.

Мысленным взором она видела усмешку темного человека, видела его вытянутые руки, сжатые кулаки, из которых капала кровь.

Еще одна ласка рванула мешок. И еще одна.

Ласки с противоположной стороны дороги, извиваясь, подползали к ней, прижавшись брюхом к земле. Их маленькие свирепые глазки сверкали в лунном свете, словно кристаллы льда.

Но тот, кто верит в Меня, смотри, он не умрет... потому что Мой знак на нем и ни одна тварь не тронет его... он Мой, сказал Господь...

Абагейл встала, все еще в ужасе, но теперь зная, что надо делать.

– Убирайтесь! – закричала она. – Это куры, верно, но они для моих гостей! А теперь пошли прочь!

Они попятились. В их маленьких глазках появилась неуверенность. И неожиданно они исчезли, словно развеянный ветром дым. «Чудо», – подумала она, и душу ее преисполнила благодарность Господу. А потом неожиданно ей стало холодно.

Она почувствовала, что где-то на западе, далеко-далеко, по ту сторону Скалистых гор, которые не просматривались даже на горизонте, широко раскрылся глаз – чей-то сверкающий глаз – и повернулся к ней, выискивая ее. И она явственно услышала слова, будто произнесенные вслух: *Кто там? Это ты, старуха?*

– Он знает, что я здесь, – прошептала она. – Помоги мне, Господи. Помоги мне сейчас, помоги всем нам.

Волоча мешок, она вновь поплелась к своему дому.

Они приехали двумя днями позже, двадцать четвертого июля. Абагейл подготовилась к их приезду не так хорошо, как ей хотелось. Она снова чувствовала себя разбитой, даже раз-

давленной, могла ковылять с места на место только с помощью трости, даже воду из колодца доставала с огромным трудом. На следующий день после убийства кур и противостояния ласкам Абагейл, совершенно вымотанная, надолго уснула вскоре после полудня. Ей приснилось, что она находится на каком-то высоком холодном перевале в Скалистых горах, к западу от материкового водораздела. Шоссе номер 6 тянулось и петляло между высоких каменных стен, которые пропускали солнечный свет на дно ущелья только в очень короткий промежуток времени, от одиннадцати сорока пяти до двенадцати пятидесяти. Но во сне она попала в это ущелье не днем, а глубокой, безлунной ночью. Где-то были волки. Внезапно в темноте открылся Глаз и стал осматриваться, перекачиваясь из стороны в сторону. Ветер завывал среди сосен и голубых елей. Это был он, и он искал ее.

Она пробудилась от этого долгого и тяжелого сна еще более уставшей, чем прежде, и снова обратилась к Богу с молитвой, чтобы Он отпустил ее с миром или хотя бы изменил направление, в котором ее посылал.

Север, юг или восток, Господи, и я покину Хемингфорд-Хоум, вознося Тебе хвалу. Но не на запад, не к темному человеку. Скалистых гор недостаточно, чтобы разделить нас. Даже Анд недостаточно.

Но это не имело значения. Рано или поздно, когда этот человек почувствует себя достаточно сильным, он придет в поисках тех, кто ему противостоит. Если не в этом году, то в следующем. Собак нет, их унесла эпидемия, однако в горах остались волки, готовые служить сыну Сатаны.

И не только волки.

Утро того дня, когда наконец прибыли гости, началось для нее в семь часов. Абагейл таскала к печи поленья, по два зараз, пока печь не нагрелась, а ящик для дров не наполнился. Господь послал ей прохладный, облачный денек, первый за многие недели. К ночи даже мог пойти дождь. Во всяком случае, так считало ее бедро, которое она сломала в тысяча девятьсот пятьдесят восьмом году.

Первым делом Абагейл испекла пироги. Воспользовалась консервированной начинкой, которую нашла в кладовой, и свежим ревенем и земляникой с огорода. Земляника как раз поспевала, восславим Господа, и ее радовало, что ягоды пошли в дело. Сам процесс готовки улучшил самочувствие Абагейл, потому что готовка – это жизнь. Один пирог с черникой, два с земляникой и ревенем и один яблочный. Их аромат заполнил утреннюю кухню. Она поставила пироги охлаждаться на подоконники, как делала всегда.

Абагейл замесила хорошее тесто, хотя без свежих яиц пришлось проявить смекалку. А ведь она побывала в курятнике, яйца лежали на расстоянии вытянутой руки, но... винить в этом можно было только себя. С яйцами или без, днем маленькая кухня с бугристым полом и выцветшим линолеумом наполнилась запахом жарящихся кур. На кухне стало очень жарко, и она поплелась на крыльцо, чтобы, как обычно, почитать Библию, обмахиваясь последним, уже потрепанным номером «Сионской горницы».

Куры получились мягкими и нежными, как ей того и хотелось. Один из гостей мог прогуляться на поле и принести два десятка початков молодой кукурузы, после чего они перекусят под открытым небом.

Завернув готовых кур в бумажные салфетки, она вышла на заднее крыльцо с гитарой, села и начала играть. Спела все свои любимые гимны и псалмы, и ее высокий дрожащий голос далеко разносился в застывшем воздухе.

Соблазны встречаются всем по пути,
Пройти мимо них нелегко.
Но если совсем мы духом падем,

Попросим поддержки Его.

Музыка так нравилась Абагейл (пусть даже слух у нее ухудшился, и она не могла сказать, правильно ли подбирает мелодию), что она играла один гимн за другим, не прерываясь.

И как раз добралась до «Мы идем в Сион», когда с севера до нее донесся звук работающего двигателя. Автомобиль ехал к ней по дороге, находящейся в ведении округа. Абагейл перестала петь, но пальцы продолжали отсутствующе перебирать струны, а она прислушивалась, склонив голову набок. Едут, да. Господи, они отыскиали дорогу, и ей уже виден тянущийся за пикапом шлейф пыли, потому что они съехали с твердого покрытия на проселок, который заканчивался у нее во дворе. Невероятно радостное волнение охватило ее, и Абагейл похвалила себя за то, что надела свое лучшее платье. Она поставила гитару между ног и приложила ладонь ко лбу, хотя солнце и не выглядывало из облаков.

Теперь звук двигателя стал заметно громче, и через секунду, там, где кукуруза отступала перед тропой, протоптанной стадом Кэла Гуделла...

Да, теперь она видела его, медленно едущий старый пикап «шевроле». Кабина набита битком – в ней сидело человека четыре (вдали она отлично все видела, даже в сто восемь лет), – а еще трое стояли в кузове и смотрели вверх кабины. Она разглядела худощавого блондина, девушку с рыжими волосами, а в центре... да, он, тот самый юноша, который почти уже научился быть мужчиной. Темные волосы, узкое лицо, высокий лоб. Он заметил ее, сидящую на крыльце, и неистово замахал рукой. Через секунду к нему присоединился и блондин. Рыжеволосая девушка просто стояла и смотрела. Матушка Абагейл подняла руку и махнула им в ответ.

– Спасибо, Господи, что привел их сюда, – хрипло пробормотала она. Теплые слезы потекли по ее щекам. – Господь мой, я так Тебе благодарна.

Грохоча и подсакивая на рытвинах, пикап вкатился к ней во двор. Она обратила внимание, что на водителе соломенная шляпа с большим пером, заткнутым за синюю бархатную ленту.

– Да-а-а-а-а! – кричал он и махал ей рукой. – Привет, матушка! Ник сказал, что мы найдем вас здесь, и мы нашли! Да-а-а-а! – Он нажал на клаксон. С ним в кабине сидели мужчина лет пятидесяти, женщина того же возраста и девочка в красном вельветовом комбинезоне. Девочка робко махала одной рукой; большой палец другой руки надежно утнездился во рту.

Молодой человек с повязкой на глазу и темными волосами – Ник – выпрыгнул из кузова через борт еще до того, как пикап остановился. Удержался на ногах и медленно направился к ней. Его лицо было серьезно, но единственный глаз сверкал ликованием. Он остановился у ступенек крыльца и изумленно оглядел двор, дом, старое дерево с качелями из крыши. Хотя, конечно же, больше всего он смотрел на нее.

– Привет, Ник, – поздоровалась Абагейл. – Рада тебя видеть. Да благословит тебя Господь.

Он улыбнулся, из его глаза потекли слезы. Поднялся по ступенькам и взял ее за руки. Она подставила ему свою морщинистую щеку, и он нежно ее поцеловал. За его спиной пикап остановился, и все вылезли из него. Мужчина, сидевший за рулем, держал на руках девочку в красном комбинезоне с загипсованной правой ногой. Ее руки крепко обвивали загорелую шею водителя. Рядом с ними стояла женщина лет пятидесяти, следом за ней – рыжая и светловолосый юноша с бородой. «Нет, конечно, он не юноша, – подумала матушка Абагейл, – просто слабоумный». Замыкал ряд мужчина, который тоже ехал в кабине. Он протирал стекла очков в тонкой стальной оправе.

Ник пристально всмотрелся в нее, и она кивнула:

– Ты все сделал правильно. Бог привел тебя сюда, а матушка Абагейл сейчас тебя накормит. Я рада видеть вас всех! – поспешила добавить она, возвысив голос. – Мы не можем долго оставаться здесь, но, прежде чем отправиться в путь, мы отдохнем, и познакомимся друг с другом, и подружимся.

Маленькая девочка пискнула из надежных рук водителя:

– Вы самая старая женщина в мире?

– Тс-с-с, Джина, – одернула ее пятидесятилетняя женщина.

Но матушка Абагейл только положила руку на бедро и рассмеялась:

– Вполне возможно, дитя. Вполне возможно.

По ее указаниям они расстелили скатерть в крупную красную клетку за яблоней, и две женщины, Оливия и Джун, стали накрывать на стол, а мужчины отправились собирать кукурузу. Сварилась она очень быстро, и хотя сливочного масла Абагейл не припасла, растительного и соли хватило вдоволь.

Во время еды почти никто не разговаривал – раздавались лишь звуки жующих челюстей и тихое довольное бурчание. Ей нравилось смотреть, как люди едят, а эти люди отдавали должное ее готовке. То есть не зря она сходила к Ричардсонам и отбилась от ласок. Нельзя сказать, что они так уж оголодали, но после месяца консервной диеты свежая, специально приготовленная еда пришлась очень кстати. Сама Абагейл съела три куска курицы, початок кукурузы и ломтик пирога с земляникой и ревенем. И почувствовала, что набита до отказа, как чехол соломенного матраса.

Когда они поели и наполнили чашки кофе, водитель, приятный мужчина с открытым лицом, которого звали Ральф Brentner, повернулся к ней:

– Какой вы закатили нам пир, мэм. Никогда еще еда не доставляла мне такого удовольствия. Спасибо вам огромное.

Остальные согласно загудели. Ник улыбнулся и кивнул.

– Могу я подойти и посидеть с тобой, бабуля? – спросила девочка.

– Думаю, ты слишком тяжелая, – попыталась остановить ее женщина постарше, Оливия Уокер.

– Чепуха! – отмахнулась Абагейл. – В тот день, когда я не смогу посадить себе на колени маленькую девочку, меня вынесут ногами вперед. Перебирайся ко мне, Джина.

Ральф принес ее и усадил.

– Когда она станет слишком тяжелой, просто скажите мне. – Он пощекотал лицо Джины перышком на шляпе. Та подняла руки и засмеялась.

– Не щекочи меня, Ральф! Не смей щекотать меня!

– Не волнуйся. – Ральф убрал перышко. – Я так наелся, что долго никого щекотать не смогу. – Он снова сел.

– Что случилось с твоей ножкой, Джина? – спросила Абагейл.

– Я сломала ее, когда упала в амбаре, – ответила Джина. – Дик наложил гипс. Ральф говорит, что он спас мне жизнь. – И она послала воздушный поцелуй мужчине в очках со стальной оправой, который чуть покраснел, кашлянул и улыбнулся.

Ник, Том Каллен и Ральф наткнулись на Дика Эллиса, миновав уже пол-Канзаса. Тот шагал по обочине с рюкзаком за плечами и палкой для ходьбы в руке. В прошлой жизни Дик лечил животных. На следующий день, проезжая через маленький городок Линдсберг, они остановились на ленч и услышали слабые крики, доносившиеся из южной части города. Если бы ветер дул в другую сторону, эти крики бы до них не долетели.

– Милосердие Божье, – уверенно кивнула Эбби, поглаживая девочку по волосам.

Джина прожила одна три недели. За день или два до того, как мужчины приехали в город, она играла на сеновале амбара своего дяди, когда прогнивший пол не выдержал и девочка

упала с сорокафутовой высоты на копну сена. Сено смягчило удар, но она свалилась с копны и сломала ногу. Поначалу Дик Эллис расценивал ее шансы очень пессимистично. Совмещение частей сломанной кости и наложение гипсовой повязки он провел под местным наркозом: девочка сильно похудела, ее физическое состояние оставляло желать лучшего, и он боялся, что общий наркоз может убить ребенка (пока Дик излагал самые душещипательные подробности, Джина Маккоун преспокойно играла пуговицами на платье Абагейл).

Но Джина на удивление быстро пошла на поправку. И мгновенно прониклась симпатией к Ральфу и его щеголеватой шляпе. Понизив голос, Эллис заметил, что основной причиной, подрывавшей здоровье девочки, было одиночество.

– Несомненно, – кивнула Абагейл. – Если бы вы ее не услышали, она бы угасла.

Джина зевнула. Ее большие глаза начали закрываться.

– Я ее возьму. – Оливия Уокер встала.

– Положите ее в маленькой комнатке в конце коридора, – подсказала Эбби. – Вы тоже можете там лечь, если хотите. Другая девушка... как, ты говорила, тебя зовут, дорогуша? Совсем выскочило из головы.

– Джун Бринкмейер, – ответила рыжеволосая.

– Ты можешь спать со мной, Джун, если у тебя нет других планов. Кровать недостаточно широка для двоих, и я не думаю, что тебе захотелось бы лежать рядом с таким мешком костей, даже если бы ширины хватало. Но у меня на антресолях есть матрас, который вполне тебе подойдет. Если только в нем не завелись клопы. Думаю, кто-нибудь из этих здоровяков-мужчин тебе его достанет.

– Конечно, – кивнул Ральф.

Оливия унесла спящую Джину. Кухню, на которой давно уже не собиралось столько народа, окутали сумерки. Улыбаясь, матушка Абагейл поднялась и зажгла три масляные лампы. Одну поставила на стол, вторую – на плиту «Блэквуд» (отлитая из чугуна, она теперь остывала, удовлетворенно потрескивая), а третью – на подоконник окна, которое выходило на заднее крыльцо. Свет разогнал темноту.

– Может, хорошо забытое старое и есть лучшее! – резко бросил Дик, и все посмотрели на него. Он покраснел, вновь кашлянул, но Абагейл только хохотнула. – Я хочу сказать, – продолжил он, словно оправдываясь, – что домашней еды я не ел с... наверное, с тридцатого июня. В тот день отключили электричество. Кроме того, я приготовил ее сам. А приготовленную мной еду назвать домашней можно с большой натяжкой. Моя жена... она как раз отлично готовила. Она... – Он замолчал.

Вернулась Оливия.

– Крепко спит, – сообщила она. – Девочка очень устала.

– Вы сами печете хлеб? – спросил Дик матушку Абагейл.

– Разумеется. Всегда пекла. Конечно, это не дрожжевое тесто. Дрожжей больше нет. Но есть и другие способы.

– Мне так хочется хлеба, – честно признался Дик. – Элен... моя жена... она пекла хлеб дважды в неделю. Дайте мне три ломтя хлеба и клубничный джем, а потом, думаю, я умру с радостью.

– Том Каллен устал, – подал голос Том. – У-у-у-стал. – Он зевнул, широко раскрыв рот.

– Вы можете лечь в сарае, – предложила матушка Абагейл. – Там чуток пахнет пылью, зато сухо.

Несколько секунд они прислушивались к мерному шуму дождя, который пошел часом раньше и заставил их перебраться на кухню. Одинокое человека звук этот вгонял в тоску, а компанию – радовал и сближал. Вода текла по оцинкованным желобам и падала в бочку, стоявшую у дальней стены дома. Издалека, наверное, из Айовы, доносилось рокотание грома.

– Как я понимаю, походное снаряжение у вас есть? – спросила Абагейл.

– Все, что душе угодно, – ответил Ральф. – Мы отлично устроимся. Пошли, Том. – Он встал.

– Ральф, – обратилась к нему Абагейл, – если не возражаешь, я попрошу тебя и Ника чуть задержаться.

Ник все это время сидел за столом напротив ее кресла-качалки. Казалось бы, размышляла Абагейл, человек, который не может говорить, должен чувствовать себя потерянным в помещении, где полно людей, буквально становиться невидимым. Но с Ником ничего подобного не происходило. Он спокойно сидел, поворачивая голову, следя за разговором, его лицо реагировало на слова. Открытое, интеллигентное лицо, но слишком уж измученное заботами, с учетом его юного возраста. Несколько раз она заметила, как в беседе люди поворачивались к Нику, словно за подтверждением своих слов. Они постоянно помнили о его присутствии. И она заметила, как он поглядывал в темноту за окном и на его лице отражалась тревога.

– Поможете мне достать матрас? – мягко спросила Джун.

– Мы с Ником сейчас все сделаем. – Ральф встал.

– Я не хочу идти в этот сарай один, – замотал головой Том. – Родные мои, нет.

– Я пойду с тобой, парень, – успокоил его Дик. – Мы зажжем лампу Коулмана и расстелим спальники. – Он поднялся. – Еще раз огромное вам спасибо, мэм. Все было так хорошо, что у меня просто нет слов.

Поблагодарили ее и остальные. Ник и Ральф достали матрас, в котором не поселились ни клопы, ни другие насекомые. Том и Дик («Для полного комплекта не хватает только Гарри²⁷», – подумала Абагейл) пошли в сарай, где вскоре вспыхнула лампа Коулмана. Прошло еще немного времени, и на кухне остались только Ник, Ральф и матушка Абагейл.

– Не будете возражать, если я закурю, мэм? – спросил Ральф.

– Нет, при условии, что ты не будешь стряхивать пепел на пол. Пепельница на буфете у тебя за спиной.

Ральф поднялся, чтобы взять пепельницу, а Эбби по-прежнему смотрела на Ника, одетого в рубашку цвета хаки, синие джинсы и кожаную жилетку. Что-то в нем заставляло ее думать, что она знала его прежде, а если нет, то не могла с ним не встретиться. Глядя на него, она ощущала некую завершенность, словно исполнилось предначертание судьбы. Словно в начале ее жизни стоял отец, Джон Фримантл, высокий, чернокожий и гордый, а на другом конце – этот человек, молодой, белый и немой, с ярким, все подмечающим глазом на отягощенном заботами лице.

Она посмотрела в окно и увидела яркое пятно лампы, освещающее окно сарая и маленькую часть двора. Задумалась, пахнет ли в сарае коровой. Она не подходила к нему уже три года. Не возникало такой необходимости. Последнюю корову, Маргаритку, продали в тысяча девятьсот семьдесят пятом, но в тысяча девятьсот восемьдесят седьмом в сарае еще пахло коровой. Возможно, пахло и сейчас. Значения это не имело – встречались запахи и похуже.

– Мэм...

Она отвернулась от окна. Ральф сидел рядом с Ником, держа в руке вырванный из блокнота листок и всматриваясь в него. На коленях Ника лежал сам блокнот и шариковая ручка. Он не отрывал глаз от хозяйки дома.

– Ник говорит... – Ральф смущенно замолчал, откашлялся.

– Продолжай.

– Он говорит, что ему трудно читать по вашим губам, потому что...

– Я догадываюсь почему, – кивнула она. – Это не проблема.

²⁷ Намек на идиому «Том, Дик и Гарри» – то есть множество людей.

Она поднялась и, шаркая ногами, подошла к буфету. На второй полке стояла пластиковая банка с полупрозрачной жидкостью, в которой, словно медицинский экспонат, плавали вставные челюсти.

Абагейл выудила их и промыла водой.

– Дорогой Господь, я страдала! – мрачно воскликнула она и вставила челюсти. – Нам надо поговорить. Вы – главные, и мы должны кое-что обсудить.

– Только не я, – возразил Ральф. – Я обычный рабочий и отчасти фермер. Мозолей на руках у меня гораздо больше, чем идей в голове. А вот Ник, как я понимаю, главный.

– Это так? – спросила она, глядя на Ника.

Ник что-то написал, и Ральф озвучил его слова:

– *Приехать сюда – моя идея, это так. Насчет главенства – не знаю.*

– Мы встретили Джун и Оливию примерно в девяноста милях к югу отсюда, – сообщил Ральф. – Позавчера. Так, Ник?

Ник кивнул.

– Мы уже ехали к вам, матушка. А женщины шли на север. Как и Дик. Мы просто встретились по пути сюда.

– Вы видели кого-нибудь еще? – спросила она.

Нет, написал Ник. *Но у меня возникало ощущение – и у Ральфа тоже, – что другие люди, спрятавшись, наблюдали за нами. Думаю, боялись. Еще не справились с шоком от случившегося.*

Она кивнула.

Ник продолжал писать: *Дик говорил, что за день до встречи с нами он слышал треск мотоцикла где-то на юге. Так что другие люди есть. Я думаю, они пугаются, если видят достаточно большую группу.*

– Почему вы приехали сюда? – Ее глаза, окруженные сетью морщинок, пристально смотрели на Ника.

Вы мне снились, написал Ник. *Дик Эллис говорит, что один раз видел вас во сне. И маленькая девочка, Джина, называла вас бабулей задолго до нашего приезда сюда. Она описывала ваш дом. Покрышку-качели.*

– Благослови Господь этого ребенка, – рассеянно сказала Абагейл. Теперь она смотрела на Ральфа. – А ты?

– Раз или два, мэм. – Он облизнул губы. – По большей части мне снился тот... другой человек.

– Что за другой человек?

Ник написал. Обвел написанное. Протянул листок ей. Без очков или увеличительного стекла, купленного в прошлом году в «Хемингфорд-Центре», вблизи она видела не очень, но эту запись прочитать смогла. Такими же большими буквами Господь писал на стене дворца Валтасара. Ник обвел слова кругом, отчего по спине Абагейл, когда она смотрела на запись, пробежал холодок. Она подумала о ласках, рвавших ее мешок острыми, как иглы, зубами убийц. Подумала об открывающемся красном глазе, разрывающем темноту, ищущем, высматривающем не только одну старуху, но всю группу, состоящую из мужчин и женщин... и одной маленькой девочки.

Ник обвел два слова: *темный человек.*

– Мне сказали, – она сложила листок, распрямила, снова сложила, на какое-то время забыв про артрит, – что мы должны идти на запад. Сказали во сне, и говорил сам Господь. Я не хотела слушать. Я старая женщина, и хочется мне только одного – умереть на этом маленьком клочке земли. Земля эта принадлежала моей семье сто двенадцать лет, но я создана не для

того, чтобы умереть здесь, точно так же, как Моисея создали для того, чтобы он пришел в Ханаан с сынами Израиля.

Она помолчала. Двое мужчин пристально смотрели на нее в свете масляных ламп, а за окном падали капли дождя, медленные и постоянные. Гром больше не гремел. «Господи, – думала Абагейл, – эти вставные челюсти натирают десны. Я хочу вынуть их и лечь в постель».

– Я начала видеть сны за два года до начала эпидемии. Мне всегда снились сны, и иной раз они оказывались вещими. Пророчество – дар Божий, и в каждом заложена его частица. Моя бабушка называла этот дар сияющей лампой Господней, иногда просто сиянием. В своих снах я видела, как иду на запад. Сначала с несколькими людьми, потом их число увеличивалось, снова увеличивалось. На запад, всегда на запад, пока впереди не вырастали Скалистые горы. Мы уже ехали целым караваном, человек двести. И на пути стояли знаки-указатели... нет, не божественные, а обычные дорожные знаки, с надписями: «БОУЛДЕР, КОЛОРАДО, 609 МИЛЬ» или «К БОУЛДЕРУ».

Она помолчала.

– Эти сны, они пугали меня. Я ни одной живой душе не рассказывала ни о самих снах, ни об испуге, который они у меня вызывали. Я испытывала те же чувства, что и, наверное, Иов, когда Господь заговорил с ним из смерча. Я даже пыталась убедить себя, что это всего лишь сны, глупая старуха, бегущая от Бога точно так же, как бежал Иона. Но, как видите, большая рыба проглотила что его, что меня! И если Господь говорит Эбби: «Ты должна сказать», – это означает, что я должна. И я всегда чувствовала, что кто-то должен прийти ко мне, кто-то особенный, и тогда я буду знать, что время настало.

Она повернулась к Нику, который сидел у стола и очень серьезно смотрел на нее единственным здоровым глазом сквозь сигаретный дымок Ральфа Брентнера.

– Я поняла, как только увидела тебя, – продолжила Абагейл. – Это ты, Ник. Бог указал перстом на твое сердце. Но у Него не один перст, и есть другие избранные, которые сейчас в пути, слава Богу, едут сюда. *Он* мне тоже снится, *он* даже теперь выискивает нас, и, да простит Господь мою грешную душу, в сердце я проклиная его. – Она заплакала и встала, чтобы выпить воды и ополоснуть лицо. Слезы выдавали ее человеческую сущность, слабую и поникшую.

Когда она вернулась, Ник что-то писал. Наконец вырвал листок и протянул Ральфу: *Я не знаю насчет Бога, но мне понятно, что здесь действует какая-то сила. Все, кого мы встретили, шли на север. Словно вы знаете ответ. Вам снился кто-то из остальных? Дик? Джун или Оливия? Может, маленькая девочка?*

– Из этих – никто. Немногословный мужчина. Беременная женщина. Парень примерно твоего возраста, который едет ко мне со своей гитарой. И ты, Ник.

– И вы думаете, что отправиться в Боулдер – это правильно?

– От нас ждут, что мы именно так и поступим, – ответила матушка Абагейл.

Ник несколько мгновений выводил на чистом листке блокнота какие-то завитушки. Потом написал: *Что вам известно о темном человеке? Вы знаете, кто он?*

– Я знаю, что он такое, но не кто. Он – абсолютное зло, оставшееся в этом мире. Все прочее – маленькое зло. Воришки, и прелюбодеи, и те, кто пускает в ход кулаки. Но он их созовет. Уже начал сзывать. Он соберет их вместе быстрее, чем мы. Однако прежде чем он выступит против нас, думаю, он призовет к себе гораздо больше людей. Не только злых, как он, но и слабых... и одиноких... и тех, кто закрыл свое сердце для Бога.

Может, он ненастоящий, написал Ник. *Может, он всего лишь...* Он пожевал тупой конец ручки, задумавшись. Наконец добавил: *Испуганная, плохая часть нас всех. Может, нам снится то, что таится внутри нас, то, что мы можем сделать.*

Ральф хмурился, когда читал все это вслух, но Эбби сразу поняла, о чем говорил Ник. О том же вещали новые проповедники, которые заполонили страну в последние два десятка лет. Никакого Сатаны нет – вот к чему сводились их проповеди. Зло есть, и его источник, веро-

ятно, в первородном грехе, но оно – в нас самих, и извлечь его невозможно, как невозможно поджарить яичницу, не разбив яйца. Эти проповедники утверждали, что Сатана – тот же пазл. Каждый человек на земле – мужчина, женщина или ребенок – отдельный элемент, а все вместе они составляют общую картинку. Да, идея выглядела очень современной, но проблема заключалась в том, что она противоречила истине. И если Ник позволит себе и дальше так думать, темный человек съест его на обед.

– Я тебе снилась, – напомнила матушка Абагейл. – Я настоящая?

Ник кивнул.

– И ты снился мне. Разве ты не настоящий? Слава Господу, ты сидишь передо мной с блокнотом на колене. Тот человек, Ник, такой же реальный, как и мы. Да, реальный. – Она подумала о ласках и красном глазе, открывающемся в темноте. И когда заговорила, голос ее сел. – Он не Сатана, но они с Сатаной знают друг друга и с давних пор действуют сообща.

В Библии не говорится о том, что случилось с Ноем и его семьей после того, как вода пошла на убыль. Но я бы не удивилась, если бы тогда произошла жестокая схватка за тех немногих оставшихся людей – за их души, тела, *образ мышления*. И я не удивлюсь, если то же самое ждет и нас.

Он сейчас к западу от Скалистых гор. Рано или поздно он двинется на восток. Может, не в этом году, нет, лишь когда подготовится. И нам суждено схватиться с ним.

Ник встревоженно покачал головой.

– Да, – настаивала Абагейл. – Ты сам увидишь. Впереди трудные дни. Смерть и ужас, предательство и слезы. И не все из нас останутся в живых, чтобы увидеть, чем это закончится.

– Мне все это не нравится, – пробормотал Ральф. – Все плохо и без того парня, о котором вы с Ником говорите. У нас и так хватает проблем, нет врачей, электричества, ничего нет. Почему мы должны вступать в схватку с этим чертовым отродьем?

– Не знаю. Так хочет Бог, и Он ничего не объясняет таким, как Эбби Фримантл.

– Если таково его желание, – гнул свое Ральф, – я бы хотел, чтобы Он вышел на пенсию и уступил свое место кому-нибудь помоложе.

Если темный человек на западе, написал Ник, *может, нам надо собрать вещи и двинуть на восток?*

Она терпеливо покачала головой:

– Ник, все на свете служит Господу. Или ты думаешь, что темный человек не служит Ему? Служит, будь уверен, каким бы загадочным ни казался замысел Божий. Темный человек последует за тобой, куда бы ты ни убежал, потому что он служит цели Господа, а Господь хочет, чтобы ты с ним разобрался. И нет никакого смысла противодействовать воле Господа Бога Саваофа. Мужчина или женщина, которые попытаются это сделать, закончат свой путь в брюхе чудища.

Ник что-то быстро написал. Ральф прочитал написанное, потер нос. Он бы предпочел не зачитывать эти слова. Подобные старушки крайне неодобрительно относились к тому, что только что написал Ник. Он предполагал, что матушка Абагейл обвинит Ника в святотатстве, да так громко, что перебудит всех, кто уже успел заснуть.

– Что он написал? – спросила Абагейл.

– Он написал... – Ральф откашлялся. Перышко, торчащее из-под ленты, качнулось. – Он написал, что не верит в Бога. – И с тоской уставился на свои ботинки, ожидая взрыва.

Но она только рассмеялась, встала, подошла к Нику. Взяла его руку. Похлопала по ней.

– Благослови тебя Господь, Ник, но это значения не имеет. *Он верит в тебя*.

На следующий день они остались у Эбби Фримантл, и для каждого из них этот день стал лучшим с тех пор, как «супергрипп» ушел, будто вода, схлынувшая со склонов Арарата. Дождь перестал еще под утро, к девяти часам небо являло собой приятный глазу витраж: облака и

сияющее в их разрывах солнце. Во всех направлениях кукуруза поблескивала россыпью изумрудов. Температура воздуха заметно снизилась в сравнении с предыдущими неделями.

Том Каллен провел все утро, бегая между рядов кукурузы, размахивая руками и пугая ворон. Джина Маккоун сидела на земле у качелей и играла с бумажными куклами, которые Абагейл нашла на дне сундука, стоящего в глубине стенного шкафа ее спальни. А чуть раньше они с Томом возили грузовики и легковушки вокруг гаража «Фишер-прайс», который Том взял в «Центовке» Мэя.

Дик Эллис, ветеринар, застенчиво подошел к матушке Абагейл и спросил, не держал ли кто из соседей свиней.

– У Стоунеров всегда были свиньи. – Она сидела на крыльце в кресле-качалке, перебирала струны гитары и смотрела на Джину, играющую во дворе. Девочка вытянула перед собой загипсованную ногу.

– Как вы думаете, может, какие-то еще живы?

– Надо посмотреть. Может, и живы. А может, они выбрались из загонов и разбежались. – Ее глаза блеснули. – По-моему, я знаю человека, которому прошлой ночью снились свиньи отбивные.

– Может, и знаете, – не стал отпираться Дик.

– Ты когда-нибудь резал свиней?

– Нет, мэм. – Теперь он широко улыбался. – Лечил нескольких от глистов, а резать не доводилось. Я из сторонников ненасильственных действий.

– Ты и Ральф сможете выполнять приказы женщины?

– Возможно.

Двадцать минут спустя они отбыли. Абагейл сидела между двумя мужчинами в кабине «шеви», зажав коленями трость. В дальнем загоне на ферме Стоунеров они нашли двух годовалых свиней, здоровых и энергичных. Судя по всему, после того как закончился корм, у них вошло в привычку обедать более слабыми и менее удачливыми соседями по загону.

Ральф приготовил к работе цепной подъемник в амбаре Рега Стоунера, а Дику, следуя указаниям Абагейл, в конце концов удалось обвязать веревкой заднюю ногу одной свиньи. Пронзительно визжащую и вырывающуюся, ее оттащили в амбар и подняли головой вниз.

Ральф наведлся в дом и принес мясницкий нож с трехфутовым лезвием. «Это не нож, а настоящий штык, хвала Господу», – подумала Абагейл.

– Знаете, я не уверен, что смогу это сделать, – признался он.

– Ладно, давай мне. – Абагейл протянула руку.

Ральф с сомнением посмотрел на Дика. Тот пожал плечами, и Ральф отдал нож.

– Господи, мы благодарим Тебя за тот дар, который сейчас получим от Твоих щедрот. Благослови свинью, которая может накормить нас, аминь. Отойдите подальше, мальчики, кровь брызнет фонтаном.

Она перерезала свинье горло одним четким ударом – некоторые навыки не забываются в любом возрасте – и как могла быстро отступила в сторону.

– Ты развел огонь под котлом? – спросила она Дика. – Большой огонь во дворе?

– Да, мэм, – почтительно ответил Дик, который не мог оторвать глаз от свиньи.

– Ты принес щетки? – спросила она Ральфа.

Ральф показал две большие скребковые щетки с жесткими желтыми щетинками.

– Значит, так, надо будет отнести тушу к котлу и бросить в воду. После того как она немного поварится, этими щетками поскребете шкуру, чтобы удалить щетину. Потом мы снимем шкуру с мистера Пороса, как с банана.

Оба от такой перспективы чуть позеленели.

– А что делать? – пожала плечами Абагейл. – Мы не можем есть его, пока он в куртке. Сначала надо снять одежду.

Ральф и Дик вновь переглянулись, сглотнули и принялись опускать свинью на землю. К трем часам дня они все закончили. К четырем вернулись к дому Абагейл, привезя с собой свежее мясо, и в тот вечер на обед были свиные отбивные. Дику и Ральфу кусок в горло не лез, зато Абагейл съела две штуки – ей нравилось, как поджаренная корочка хрустит на вставных зубах. Нет ничего вкуснее свежего мяса, которое ты добыл сам.

В начале десятого Джина уже спала, а Том Каллен задремал на крыльце в качалке матушки Абагейл. Далеко на западе молнии беззвучно рассекали небо. Все взрослые собрались на кухне, за исключением Ника, отправившегося на прогулку. Абагейл знала, что творится в душе юноши, и у нее щемило сердце от жалости к нему.

– Но ведь вам не может быть сто восемь лет, правда? – спросил Ральф, вспомнив что-то сказанное матушкой Абагейл этим утром, когда они отправились на поиски свиней.

– Подожди здесь, – ответила та. – Я должна тебе кое-что показать, мистер Мужчина. – Она прошла в спальню и достала из верхнего ящика комода вставленное в рамку письмо от президента Рейгана. Принесла его на кухню и положила Ральфу на колени. – Прочитай *это*, сынок! – В ее голосе слышалась гордость.

Ральф прочитал:

– «...по случаю вашего сотого дня рождения... одна из семидесяти двух граждан Соединенных Штатов Америки, достигших столетнего возраста... занимающая пятое место по возрасту среди зарегистрированных членов республиканской партии Соединенных Штатов Америки... приветствия и поздравления от президента Рональда Рейгана, четырнадцатое января тысяча девятьсот восемьдесят второго года». – Посмотрел на нее широко раскрытыми глазами. – Ну и ну, чтоб меня утопили в го... – Он запнулся, смутился и покраснел. – Извините, мээм.

– Сколько же вы всего повидали за свою жизнь! – восхищенно воскликнула Оливия.

– Ничего такого, что могло бы сравниться с увиденным за последний месяц, – вздохнула матушка Абагейл. – Или с тем, что я ожидаю увидеть.

Дверь открылась, и вошел Ник – разговор как раз оборвался, словно все замолчали, зная, что он вот-вот вернется. По его лицу Абагейл видела, что он принял решение, и догадывалась, какое именно. Он протянул ей записку, которую написал на крыльце, стоя рядом с Томом. Она прочла ее, держа на расстоянии вытянутой руки от глаз.

В Боулдер нам лучше отправиться завтра, написал Ник.

Она перевела взгляд с записки на лицо Ника и медленно кивнула. Передала записку Джун Бринкмейер, та – Оливии.

– Да, пожалуй. – Матушка Абагейл снова вздохнула. – Мне этого хочется не больше, чем тебе, но, думаю, не стоит терять времени. Что определило твое решение?

Ник чуть ли не сердито пожал плечами и указал на нее.

– Да будет так. Я верю Господу.

Ник подумал: *И мне бы хотелось.*

Наутро двадцать шестого июля, после короткого совещания, Дик и Ральф поехали в Коламбус на пикапе Ральфа.

– Ужасно не хочется менять машину, – признался Ральф, – но раз ты говоришь, что надо, Ник, я все сделаю.

Ник написал: *Возвращайтесь как можно скорее.*

С губ Ральфа сорвался короткий смешок, он оглядел двор. Джун и Оливия стирали одежду в большом чане с гофрированной доской, закрепленной у одного края. Том бегал по кукурузному полю, пугая ворон, – похоже, он мог заниматься этим с утра до вечера. Джина

играла с его игрушечными машинками «Корги» и гаражом. Старуха, похрапывая, спала в кресле-качалке.

– Ты чересчур торопишься сунуть голову в пасть льва, Никки.

Ник написал: *Разве есть другое место, куда мы можем поехать?*

– Это правда. От бесцельного бродяжничества проку нет. Чувствуешь себя никчемным. Человек становится человеком, лишь когда обретает цель, ты это замечал?

Ник кивнул.

– Ладно. – Ральф хлопнул Дика по плечу. – Дик, готов прокатиться?

Том Каллен выбежал из кукурузы, кукурузные рыльца прилипли к его рубашке, штанам и длинным светлым волосам.

– Том тоже! Том Каллен тоже хочет прокатиться. Родные мои, да!

– Тогда подойди сюда, – позвал его Ральф. – Посмотри, ты с головы до ног в кукурузных рыльцах. И до сих пор не поймал ни одной вороны! Дай-ка я тебя отряхну.

Улыбаясь в пустоту, Том позволил Ральфу стряхнуть рыльца с рубашки и штанов. Для Тома, отметил Ник, последние недели наверняка стали самыми счастливыми в жизни. Он провел их с людьми, которые приняли его за своего и хотели, чтобы он оставался с ними. И почему нет? Он, конечно, был слабоумным, но стал редкостью в этом новом мире, живым человеческим существом.

– До встречи, Никки. – Ральф уселся за руль «шеви».

– До встречи, Никки, – скопировал его Том Каллен, по-прежнему улыбаясь.

Ник наблюдал, как пикап скрылся из виду, потом прошел в сарай, нашел старый фанерный ящик и банку краски. Оторвал одну из боковых стенок ящика и прибил к штакетине. Вынес щит-указатель и краску во двор и начал что-то аккуратно на нем писать. Джина с интересом заглядывала ему через плечо.

– И что тут написано?

– Тут написано: «Мы уехали в Боулдер, штат Колорадо. Будем держаться местных дорог, чтобы избежать заторов. Гражданский диапазон, четырнадцатый канал²⁸», – ответила ей Оливия.

– И что это означает? – спросила Джун, подходя к ним. Она взяла Джину на руки, и обе наблюдали, как Ник тщательно устанавливает щит надписью к проселку, который играл роль подъездной дорожки к дому матушки Абагейл. Штакетину он вогнал в землю на три фута, и свалить этот щит-указатель мог только очень сильный ветер. Разумеется, в этой части Америки дули сильные ветра; Ник вспомнил, как торнадо чуть не унес его и Тома. Вспомнил и страх, которого они натерпелись в подвале.

На листке блокнота он написал несколько слов и протянул Джун: *Среди прочего Дик и Ральф должны найти в Коламбусе си-би-радио. И кому-то придется постоянно прослушивать канал 14.*

– Ясно, – кивнула Оливия. – Умно.

Ник важно постучал себя по лбу, потом улыбнулся.

Две женщины принялись развешивать выстиранную одежду. Джина вернулась к игрушечным машинкам, прыгая на одной ноге. Ник пересек двор, поднялся по ступенькам на крыльцо, сел рядом со спящей старой женщиной. Смотрел на кукурузу и гадал, что с ними станет.

Раз ты говоришь, что надо, Ник, я все сделаю.

Они превратили его в лидера. Они это сделали, а он не имел ни малейшего понятия почему. Никто не может подчиняться глухонемому, это какая-то дурная шутка. Дику следовало стать их лидером. Он же, Ник, – простой копыеносец. Его место – третий слева, мелкая

²⁸ Имеется в виду доступная простым гражданам радиосвязь на незначительном расстоянии в диапазоне 27 МГц.

сошка, и признания он мог ждать только от собственной матери. Но с того самого момента, как они встретили Ральфа Брентнера, едущего на своем стареньком пикапе неизвестно куда, все принялись после каждого слова смотреть на Ника, словно спрашивая его мнение. Ему уже хотелось вернуться в те несколько дней между Шойо и Мэем, до того как он взял на себя заботу о Томе. Не составляло труда забыть и одиночество, которое он тогда ощущал, и страх, что он медленно, но верно сходит с ума, о чем свидетельствовали эти жуткие сны. Запомнилось другое: тогда он присматривал только за собой, копыеносец, третий слева, мелкая сошка в этой чудовищной игре.

Я поняла, как только увидела тебя. Это ты, Ник. Бог указал перстом на твое сердце.

«Нет, я не могу это принять. Если на то пошло, я не принимаю и Бога. Пусть Бог останется с этой старой женщиной. Бог необходим старым женщинам, как клизма и пакетики чая “Липтон”». Он же не будет заглядывать далеко вперед, всему свое время, сначала один шаг, только потом второй. Отвезти их в Боулдер и посмотреть, что за этим последует. Старая женщина говорила, что темный человек – настоящий, из плоти и крови, не психологический символ, и он не хотел верить в это... но сердцем верил. Сердцем он верил всему, что она говорила, и это пугало. Он не хотел быть их лидером.

Это ты, Ник.

Рука сжала его плечо, он от изумления подпрыгнул. Потом оглянулся. Если раньше она и спала, то теперь проснулась. Улыбалась ему, сидя в качалке без подлокотников.

– Я сидела и думала о Великой депрессии, – заговорила матушка Абагейл. – Знаешь, когда-то моему отцу принадлежала земля на мили вокруг. Это правда. Немалое достижение для чернокожего человека. А я играла на гитаре и пела в «Грейндж-холле» в тысяча девятьсот втором году. Давно, Ник. Очень, очень давно.

Ник кивнул.

– Это были хорошие времена, Ник... во всяком случае, по большей части. Но, полагаю, все заканчивается. За исключением любви Господа. Мой отец умер, землю разделили между сыновьями, часть досталась и моему первому мужу, шестьдесят акров, не так уж много. Этот дом стоит на части тех шестидесяти акров, знаешь ли. Четыре акра – это все, что от них осталось. Да, конечно, теперь я могу забрать всю землю обратно, но это будет уже не то, что раньше.

Ник похлопал исхудалую руку, и матушка Абагейл тяжело вздохнула.

– Братья не всегда ладят между собой, частенько начинают ссориться. Вспомни Каина и Авеля! Все стремились управлять, и никому не хотелось работать в поле! Наступил тысяча девятьсот тридцать первый год, и банк потребовал возвращения займов. Тогда они, конечно, сплотились, но поезд уже ушел. К тысяча девятьсот сорок пятому мы потеряли все, за исключением моих шестидесяти акров и сорока или пятидесяти, на которых сейчас расположена ферма Гуделла.

Она достала из кармана платяя носовой платок, медленно и задумчиво вытерла глаза.

– Наконец осталась только я, без денег и ни с чем. И каждый год, когда наступало время платить налоги, они отрезали кусок земли в счет оплаты, а я приходила туда, чтобы посмотреть на ту часть, которая мне больше не принадлежала, и плакала, как плачу сейчас. Каждый год что-то уходило на налоги, вот так вот. Кусок здесь, кусок там. Я сдавала в аренду то, что оставалось, но этого не хватало, чтобы покрыть все эти чертовы налоги. Потом мне исполнилось сто лет, и меня до конца жизни освободили от уплаты налогов. Да, их перестали с меня брать после того, как отняли практически все, кроме жалкого клочка земли, на котором мы сейчас находимся. Проявили великодушие, верно?

Он чуть сжал руку матушки Абагейл и посмотрел ей в глаза.

– Ох, Ник, я взрастила ненависть к Богу в своем сердце. Каждый человек, мужчина или женщина, который любит Его, при этом Его и ненавидит, потому что Он – жестокий Бог, ревнивый Бог. Он такой, какой Он есть, и в этом мире Он зачастую расплачивается за службу

болью, тогда как те, кто творит зло, разъезжают по дорогам на «кадиллаках». Даже радость служения Ему – горькая радость. Я выполняю Его волю, но моя человеческая часть прокляла Его в своем сердце. «Эбби, – говорит мне Господь, – в далеком будущем для тебя есть работа. Поэтому я позволю тебе жить и жить, пока твоя плоть не скукожится на костях. Я позволю тебе увидеть, как твои дети умирают раньше тебя, а ты все будешь ходить по этой земле. Я позволю тебе увидеть, как землю твоего отца отбирают кусок за куском. А в конце наградой тебе будет отъезд с незнакомцами. Ты бросишь все, что любила, и умрешь в неведомом тебе краю, не завершив работу. Такова Моя воля, Эбби», – говорит Он. «Да, Господь, – говорю я. – Воля Твоя будет исполнена», – но в сердце я проклинаю Его и спрашиваю: «Почему, почему, почему?» – и на это получаю только один ответ: «Где ты была, когда я сотворил этот мир?»

Теперь ее слезы полились потоком, они скатывались по щекам и мочили лиф платья, и Ник задумался, откуда столько слез у старой женщины, тощей и сухой, как давно отломанная ветвь.

– Помоги мне, Ник, – попросила она. – Я всего лишь хочу все сделать правильно.

Он крепко сжал ее руки. Во дворе засмеялась Джина и подняла игрушечную машинку к солнцу, чтобы она засверкала в его лучах.

Дик и Ральф вернулись к полудню, Дик – за рулем новенького фургона «додж», Ральф – в красном грузовике-эвакуаторе со скребком для расчистки проезжей части спереди и краном сзади. Том стоял рядом с краном, махая рукой. Они подъехали к крыльцу, и Дик вылез из кабины фургона.

– В этом эвакуаторе потрясающая сибишная радиостанция. Сорок каналов. Я думаю, Ральф влюбился в нее.

Ник улыбнулся. Подошли женщины, оглядывая новые автомобили. Абагейл обратила внимание, как Ральф повел Джун к эвакуатору, чтобы та взглянула на радиостанцию и одобрила его выбор. Бедра широкие, между ними наверняка отличная дверь в подъезд. Она могла родить столько малюток, сколько захочет.

– Когда поедем? – спросил Ральф.

Сразу после обеда, написал Ник. Ты опробовал радио?

– Да, – ответил Ральф. – Прошелся по всем каналам. Жуткие статические помехи. Там есть кнопка, включающая устройство их подавления, но оно, похоже, плохо работает. Хотя знаешь, помехи или нет, клянусь, я что-то слышал. Но слишком далеко. Возможно, это были и не голоса. Только скажу тебе правду, Ник, мне они не особо понравились. Как и те сны.

Повисла тишина.

– Что ж, – нарушила ее Оливия, – пойду что-нибудь приготовлю. Надеюсь, никто не против того, чтобы два раза подряд поесть свинину?

Никто не возражал.

К часу дня все походное снаряжение – плюс кресло-качалку и гитару Абагейл – погрузили в фургон, и они отправились в путь. Эвакуатор теперь ехал первым, чтобы очищать дорогу от препятствий. Абагейл сидела в кабине фургона, катящего на запад по шоссе номер 30. Она не плакала. Трость стояла между коленей. Со слезами было покончено. Теперь она претворяла в жизнь Божью волю и знала, что Его воля будет исполнена. Знала, что будет исполнена, но думала о красном Глазе, открывающемся в черном сердце ночи, и боялась.

Глава 46

Поздним вечером двадцать седьмого июля они разбили лагерь на территории «Ярмарочного комплекса Канкл», как следовало из надписи на огромном щите. Комплекс этот наполовину разрушили летние ураганы. Сам Канкл, штат Огайо, находился к югу от них. Городок практически целиком выгорел при пожаре. Стью предположил, что причиной тому стала молния. Гарольд, разумеется, не согласился. Если бы Стью Редман сказал, что пожарные машины красные, Гарольд Лаудер принялся бы доказывать, прибегая к цифрам и фактам, что они зеленые.

Фрэнни вздохнула и повернулась на бок. Она не могла спать – боялась снов.

Слева от нее выстроились в ряд пять мотоциклов на боковых подножках, в лунном свете поблескивали хромированные выхлопные трубы и корпусные детали. Словно «Ангелы ада» выбрали это место для ночлега. Впрочем, предположила она, настоящие «Ангелы ада» никогда бы не сели на такие девчачьи мотоциклы, как эти «хонды» и «ямахи». Настоящие «Ангелы ада» ездили на «боровах»... или как там они назывались в старом американо-международном эпическом фильме о байкерах, который она видела по телику? «Дикие ангелы». «Дьявольские ангелы». «Ангелы ада на колесах». Байкерские фильмы частенько показывали в автокинотеатрах, когда она училась в старшей школе. «Уэллс-драйв-ин», «Сэнфорд-драйв-ин», «Саут-Портленд-твин». Ты платишь деньги и смотришь, сколько хочешь. Теперь – капут, капут всем автокинотеатрам, не говоря уже об «Ангелах ада» и старых добрых американо-международных фильмах.

«Запиши это в свой дневник, Фрэнни», – сказала она себе и перекатилась на другой бок. Только не сегодня. Сегодня она собиралась спать, со снами или без оных.

В двадцати футах от того места, где она лежала, расположились остальные, залезли в свои спальники, как «Ангелы ада» после большой пивной вечеринки, на которой все снимавшиеся в фильме актеры перетрахались, за исключением Питера Фонды и Нэнси Синатры. Гарольд, Стью, Глен Бейтман, Марк Брэдок, Перион Маккарти. Принять соминекс и спать...

Но они принимали не соминекс, а по половине таблетки веронала. Идея принадлежала Стью. Он высказал ее после того, как сны действительно всех замучили и они начали буквально бросаться друг на друга. Стью отвел Гарольда в сторону, прежде чем обсудить это с остальными, потому что Гарольда следовало погладить по шерстке, чтобы услышать его непредвзятое мнение. А кроме того, Гарольд многое знал. С одной стороны, это радовало, с другой – пугало, будто к ним в компанию попал пятисортный бог, более-менее всемогущий, но эмоционально нестабильный, способный взорваться в любой момент. В Олбани, где они встретили Марка и Перион, Гарольд добавил к своему арсеналу второй пистолет, и теперь они висели у него на бедрах, как у современного Джонни Ринго²⁹. Она жалела Гарольда, но при этом начала его бояться. Появились мысли о том, что однажды ночью он рехнется и откроет стрельбу из обоих пистолетов. Она часто вспоминала тот день, когда нашла Гарольда во дворе его дома в одних плавках, мало что соображающего, выкашивающего лужайку и плачущего.

Она знала, как Стью преподнес ему свою идею, очень спокойно, чуть ли не как один заговорщик – другому: *Гарольд, эти сны – проблема. У меня есть идея, но я не знаю точно, как ее реализовать... легкое снотворное... но доза должна быть оптимальной. Если переборщить, никто не проснется в случае беды. Что бы ты предложил?*

Гарольд предложил по таблетке веронала, который они могли найти в любой аптеке, и, если препарат прервет эти сны, уменьшить дозу до трех четвертей таблетки, а потом до половины. После этого Стью переговорил с Гленом, который идею одобрил, и они провели экспе-

²⁹ Джонни Ринго (1850–1882) – ковбой, легенда американского Запада.

римент. При четверти таблетки сны вновь начали омрачать их покой, поэтому остановились на половине.

По крайней мере все прочие.

Фрэнни каждый вечер брала лекарство, но не принимала его. Она не знала, повредит веронал ребенку или нет, однако предпочитала не рисковать. Говорили, что даже аспирин может разрушить хромосомы. Поэтому она страдала от снов – *страдала*, очень правильное слово. Один сон доминировал. Остальные разнились, но рано или поздно вливались в первый. Она находилась в родительском доме в Оганквите, и темный человек гнался за ней. По мрачным коридорам, через гостиную матери, где часы продолжали отсчитывать сезоны эпохи консервации... Она смогла бы убежать от него, Фрэнни это знала, если бы ей не приходилось тащить тело. Тело отца, завернутое в простыню, и брось она его, темный человек сделал бы с ним что-нибудь, ужасным образом надругался бы над ним. Поэтому она бежала, чувствуя, что он все ближе и ближе, и в конце концов ей на плечо ляжет его рука, горячая и вызывающая тошноту рука. Она разом лишится всех сил, ноги станут ватными, и она повернется, готовая сказать: *Бери его, делай что хочешь, мне все равно, просто больше не гонись за мной*.

И он будет стоять перед ней, одетый во что-то черное, напоминающее монашеское одеяние с капюшоном, и черты его лица будут прятаться в тени – за исключением широченной и счастливой улыбки. В руке он будет держать скрученные и изогнутые плечики для одежды. Именно в тот момент ужас ударял ее, словно боксерская перчатка, и она вырывалась из сна в холодном поту, с гулко бьющимся сердцем, мечтая о том, чтобы никогда больше не засыпать.

Потому что он пришел не за мертвым телом ее отца – он хотел заполучить живого ребенка, которого она носила под сердцем.

Фрэн вновь перекатилась с бока на бок. Раз не удастся заснуть, может, действительно достать дневник и сделать очередную запись? Дневник она вела с пятого июля. В каком-то смысле – для ребенка. Дневник являл собой акт веры – веры в то, что ребенок будет жить. Она хотела, чтобы он знал, как все было. Как эпидемия пришла в городок под названием Оганквит, как она и Гарольд остались живы и что с ними стало. Она хотела, чтобы ребенок все это узнал.

Лунного света хватало, чтобы писать, а после двух или трех страниц глаза у нее всегда начинали слипаться. Говорило это не в пользу ее литературного таланта. Но она решила дать сну еще один шанс.

Закрыла глаза.

И продолжила думать о Гарольде.

Ситуация могла бы измениться к лучшему с появлением Марка и Перион, если бы те двое еще не успели сойтись. Тридцатитрехлетняя Перион была на одиннадцать лет старше Марка, но в этом мире разница в возрасте едва ли что-то значила. Они нашли друг друга, они приглянулись друг другу, и компания друг друга их вполне устраивала. Перион призналась Фрэнни, что они пытались зачать ребенка. «Слава Богу, я принимала противозачаточные таблетки, а не вставила спираль, – поделилась Пери. – Иначе как бы я ее вытащила?»

Фрэнни, в свою очередь, едва не сказала ей, что беременна (треть срока уже осталась позади), но в последний момент сдержалась. Побоялась, что ситуация изменится только к худшему.

Теперь их стало шестеро, а не четверо (Глен наотрез отказывался садиться за руль мотоцикла и всегда ехал со Стью или Гарольдом), но появление второй женщины ничего не изменило.

А как насчет *тебя*, Фрэнни? Чего *ты* хочешь?

Если бы ей пришлось существовать в подобном мире, подумала она, а биологические часы организма удалось бы прокрутить назад на шесть месяцев, она бы выбрала такого, как

Стью Редман... нет, не такого, как он. Она хотела именно *его*. Вот так, абсолютно честно и откровенно.

Цивилизация ушла, с двигателя человеческого общества содрали хром и мишуру. Глен Бейтман неоднократно высказывался на эту тему, всякий раз безмерно радуя Гарольда.

Эмансипация женщин, решила Фрэнни (думая, что откровенность действительно должна быть полной, а не частичной), – нарост на индустриальном обществе, ни больше ни меньше. Женщины находятся во власти своих тел. Они уступают мужчинам ростом и весом. Они обычно слабее. Мужчина не может родить ребенка, а женщина может – это известно любому четырехлетке. И беременная женщина – уязвимое человеческое существо. Цивилизация прикрывала зонтиком здравомыслия представителей обоих полов. *Эмансипация* – вот оно, это слово. До появления цивилизации с ее взвешенной и милосердной системой защитных мер женщины были рабынями. «Давайте не будем подслащать пилюлю – мы были рабынями», – думала Фрэнни. Потом тяжелые времена закончились. И символом веры женщин, который следовало бы вывесить в редакции журнала «Мисс», предпочтительно вышитым гладью, стало следующее: *Спасибо вам, мужчины, за железные дороги. Спасибо вам, мужчины, за изобретение автомобиля и убийство индейцев, которые думали, что неплохо и впредь оставаться хозяевами Америки, раз уж они появились здесь первыми. Спасибо вам, мужчины, за больницы, полицию, школу. А теперь я бы хотела голосовать, будьте так любезны, и иметь право идти своим путем и самой творить свою судьбу. Когда-то я была рабыней, но теперь с этим покончено. Мои дни рабства должны остаться в прошлом; мне незачем быть рабыней, как незачем пересекать Атлантический океан на утлом суденышке под парусом. Реактивные самолеты безопаснее и быстрее маленьких парусников, и в свободе больше здравого смысла, чем в рабстве. Я не боюсь полета³⁰. Спасибо вам, мужчины.*

И что тут скажешь? Ничего. Обыватели ворчат – им не нравится сжигание бюстгалтеров, реакционеры играют в свои интеллектуальные игры, а истина только улыбается. Теперь все изменилось, изменилось за какие-то недели. Насколько – покажет только время. Но здесь и сейчас, лежа в ночи, Фрэнни знала, что ей необходим мужчина. Господи, как же она нуждалась в мужчине!..

И речь шла не только о защите ребенка, не только о заботе о себе любимой (в двойном количестве, считая отпрыска). Ее тянуло к Стью, особенно после Джесса Райдера. Стью привлекал спокойствием, обстоятельностью, а главное, он уж никак не относился к тем, кого ее отец называл «двадцатью фунтами дерьма в десятифунтовом мешке».

И его влекло к ней. Она это точно знала, знала с Четвертого июля, когда они впервые вместе обедали в пустующем ресторане. На мгновение – только на одно мгновение – их взгляды встретились, и ее обдало жаром, прошибло молнией. Она полагала, что Стью тоже знал, как обстоят дела, однако ждал, предоставляя ей сделать первый шаг, принять решение, когда ей будет удобно. Она приехала с Гарольдом и, стало быть, принадлежала Гарольду. Дурно пахнущая идея, достойная самца, но Фрэн опасалась, что этот мир вновь станет дурно пахнущим миром самцов, хотя бы на некоторое время.

Если бы им встретила еще какая-нибудь женщина, женщина для Гарольда... Но нет, таковой видно не было, и Фрэн боялась, что долго ждать не сможет. Она подумала о том дне, когда Гарольд, со свойственной ему неуклюжестью, попытался овладеть ею, окончательно закрепить свое право собственности. Когда это произошло? Две недели назад? Казалось, больше. Прошрое вроде бы удлинялось, растягивалось, как теплая ириска. Она не знала, что делать с Гарольдом, и боялась того, как он может себя повести, если она уйдет к Стюарту. Она боялась снов. Она думала, что эти тревоги и страхи не дадут ей уснуть.

С этими мыслями Фрэнни заснула.

³⁰ Отсылка к культовому феминистскому роману американской писательницы Эрики Джонг (р. 1942) «Боязнь полета».

Она проснулась в темноте. Кто-то тряс ее за плечо.

Фрэнни протестующе забормотала – впервые за неделю она спала без кошмаров, отдыхала душой и телом, – но потом с неохотой вынырнула из сна, думая, что уже утро и пора ехать. Вот только с какой стати им ехать в темноте? Садясь, Фрэн увидела, что луна опустилась за горизонт.

Тряс ее Гарольд, и на его лице читался испуг.

– Гарольд? Что-то случилось?

Она видела, что Стью уже на ногах. И Глен Бейтман. Перион стояла на коленях у костра в дальнем конце лагеря.

– Марк, – ответил Гарольд. – Он заболел.

– Заболел? – переспросила она – и тут же услышала тихий стон с другой стороны едва тлеющего костра, где опустилась на колени Перион и стояли оба мужчины.

Фрэнни почувствовала, как внутри поднимается черная волна ужаса. Болезни они боялись больше всего.

– Это... это не грипп, Гарольд?

Если Марк свалил «Капитан Торч», значит, опасность грозит им всем. Может, эта зараза никуда не делась и оставалась в воздухе. Может, этот вирус даже мутировал. Чтобы было легче кушать тебя, внученька.

– Нет, это не грипп. Ничего похожего на грипп. Фрэн, ты ела вчера вечером консервированных устриц? Или когда мы останавливались на ленч?

Она попыталась вспомнить, голову еще застилал туман сна.

– Да, оба раза, – ответила она. – Они мне понравились. Я вообще люблю устриц. Это пищевое отравление? Да?

– Фрэн, я только спрашиваю. Никто из нас не знает, что это. Доктора нет дома. Как ты себя чувствуешь? Ты хорошо себя чувствуешь?

– Отлично, просто сонная. – Но она проснулась. Уже проснулась. Еще один стон приплыл к ним от костра, словно Марк обвинял ее в том, что она хорошо себя чувствует, тогда как он – нет.

– Глен думает, что это, возможно, аппендицит.

– *Что?*

Гарольд кисло улыбнулся и кивнул.

Фрэн встала и направилась туда, где собрались остальные. Гарольд печальной тенью последовал за ней.

– Мы должны ему помочь, – говорила Перион. Эти слова она произнесла механически, будто уже в который раз. Она беспрестанно переводила взгляд с одного на другого, ее глаза переполняли ужас и беспомощность, и Фрэнни вновь почувствовала себя виноватой. Мысли эгоистично переключились на ребенка, который рос в ней, и она попыталась их прогнать, однако они никуда не делись. *Отойди от него!* – кричал голос разума. *Ты должна отойти от него немедленно! Возможно, он заразный.* Она посмотрела на Глена, который в ровном свете лампы Коулмана казался бледным и разом постаревшим.

– По словам Гарольда, вы думаете, это аппендицит? – спросила она.

– Не знаю. – В голосе Глена слышались тревога и испуг. – Симптомы есть: у него температура, живот твердый и раздутый, прикосновения болезненны...

– Мы должны ему помочь, – повторила Перион и разрыдалась.

Глен коснулся живота Марка, и глаза больного, наполовину скрытые веками и остекленевшие, широко раскрылись. Он закричал. Глен резко отдернул руку, словно от раскаленной духовки, посмотрел на Стью, на Гарольда, снова на Стью, уже практически не скрывая паники.

– Что предложите, господа?

Гарольд судорожно сглатывал слюну, словно у него в горле застряло что-то удушающее. Наконец он выдавил из себя:

– Дайте ему аспирин.

Перион, которая сквозь слезы смотрела на Марка, теперь резко повернулась к Гарольду.

– Аспирин? – В ее голосе звучали ярость и изумление. – *Аспирин?* – выкрикнула она. –

И это все, что ты можешь предложить, болтливый умник? *Аспирин?*

Гарольд сунул руки в карманы и печально посмотрел на нее, принимая упрек.

– Но Гарольд прав, Перион, – поддержал его Стью. – У нас ничего нет, кроме аспирина. Который час?

– Вы *не знаете*, что делать! – закричала она на них. – Почему вы в этом не признаетесь?

– Без четверти три, – ответила Фрэнни.

– А если он *умирает*? – Пери отбросила со лба прядь темно-каштановых волос. Ее лицо опухло от слез.

– Оставь их в покое, Пери, – раздался тихий, усталый голос Марка. Все подпрыгнули. – Они сделают что смогут. С такой болью, думаю, мне лучше умереть. Дайте мне аспирин. Что-нибудь.

– Я принесу. – Гарольду очень хотелось уйти. – Он у меня в рюкзаке. Экседрин усиленного действия, – добавил он, словно надеясь услышать слова одобрения, а потом поспешил к своему рюкзаку.

– Мы должны ему помочь, – взялась за старое Перион.

Стью отвел в сторону Глена и Фрэнни.

– Есть какие-нибудь идеи? – спросил он тихим голосом. – У меня нет, признаюсь честно. Она разозлилась на Гарольда, но его предложение дать Марку аспирин в два раза лучше любого из моих.

– Она расстроена, вот и все, – ответила Фрэнни.

Глен вздохнул.

– Может, все-таки кишечник? Избыток грубой пищи. Может, его пронесет и все наладится?

Фрэнни покачала головой:

– Боюсь, что нет. При запоре не повышается температура. И живот не раздувает до такой степени. – Живот Марка напоминал выросшую за ночь опухоль. Фрэнни чуть не стало дурно, когда она об этом подумала. Она не помнила, чтобы ей когда-либо было так страшно (за исключением кошмарных снов). Как там сказал Гарольд? Доктора нет дома. Чистая правда. Ужасная правда. Господи, до нее вдруг дошло. Она была потрясена. Какие же они одинокие. Как далеко они ушли по проволоке без страховочной сетки. Фрэнни переводила взгляд с напряженного лица Глена на не менее напряженное лицо Стью – и видела на них озабоченность, но не ответ.

Позади вновь закричал Марк, и Перион откликнулась своим криком, словно ощутив его боль.

– И что же нам делать? – беспомощно спросила Фрэнни.

Она думала о ребенке, в голове у нее бился один вопрос: *А если придется делать кесарево сечение? А если придется делать кесарево сечение? А если...*

Марк опять закричал, будто какой-то ужасный пророк, и Фрэнни возненавидела его за эти крики.

Они смотрели друг на друга в вибрирующей темноте.

Из дневника Фрэн Голдсмит

6 июля 1990 г.

После коротких уговоров мистер Бейтман согласился поехать с нами. Он говорит, что после всех его статей («Я пишу их умными словами, чтобы никто не понял, насколько они примитивны») и двадцати лет, в течение которых он вгонял в сон студентов первого и второго курсов на «Общей социологии», не говоря уже о «Социологии аномального поведения» и «Сельской социологии», просто не может упустить такую возможность.

Стью поинтересовался, о какой возможности речь.

«Думаю, это просто, – сказал Гарольд с присущим ему НЕВЫНОСИМЫМ САМОДОВОЛЬСТВОМ (иногда Гарольд может быть душкой, но может быть и отъявленным *задавакой*; этим вечером он выбрал второе). – Мистер Бейтман...»

«Пожалуйста, зови меня Глен», – сказал мистер Бейтман очень спокойно, но, судя по взгляду, который бросил на него Гарольд, можно было подумать, что его обвинили в какой-то социальной болезни.

«Глен, как социолог, видит возможность на личном опыте изучить особенности формирования общества. Я это так понимаю. Он хочет посмотреть, как факты соотносятся с теорией».

Так вот, если коротко, Глен (буду его так называть, раз уж он этого хочет) по большей части согласился, но добавил: «У меня также есть теории, которые я записал и теперь хочу проверить, подтвердятся они или нет. Я не верю, что человек, поднявшийся с пепелища, оставленного «супергриппом», будет хоть немного похож на человека, вышедшего из колыбели Нила с костью в носу, таща женщину за волосы. Такова одна из моих теорий».

«Потому что все лежит вокруг, ожидая, когда подберут», – как обычно, ровным голосом вставил Стью. Он выглядел таким мрачным, когда это говорил, что я удивилась. Даже Гарольд как-то странно на него посмотрел.

Но Глен просто кивнул и продолжил: «Совершенно верно. Индустриальное общество, образно говоря, ушло с площадки, но оставило все баскетбольные мячи. Кто-то обязательно вспомнит игру и научит остальных. Изящное сравнение, правда? Надо потом все записать».

[Но я записала сама, на случай если он забудет. Как знать? Лучше продублировать, ха-ха.]

Потом Гарольд сказал: «Такое ощущение, будто вы верите, что все начнется снова: гонка вооружений, загрязнение окружающей среды и так далее. Это еще одна из ваших теорий? Или следствие первой?»

«Не совсем», – начал говорить Глен, но тут Гарольд взорвался своим видением ситуации. Я не могу записать все слово в слово, потому что Гарольд, когда волнуется, начинает говорить очень быстро, но сказанное им сводилось к следующему: пусть он и невысокого мнения о человечестве в целом, но все же не считает людей такими глупыми. И, по его мнению, на этот раз будут приняты определенные законы. Один целиком и полностью запретит расщепление атома, вторуглеродовые (возможно, тут я что-то напутала) спреи и все такое. Точно помню лишь одно из сказанного им, потому что в голове сразу возник очень яркий образ: «Нет оснований снова завязывать гордиев узел только потому, что его для нас разрубили».

Я видела, что спорит он исключительно ради спора – Гарольд не нравился людям прежде всего потому, что слишком стремился показать, как много знает (и он действительно много знает, этого у него не отнимешь, Гарольд – суперумный), – но Глен ответил коротко: «Время покажет, верно?»

Все это закончилось час назад, а теперь я в спальне наверху, и Коджак лежит на полу рядом со мной. Хороший пес! Тут уютно, навевает воспоминания о доме, но я стараюсь о нем не думать. Потому что от этих мыслей начинаю плакать. Я знаю, звучит ужасно, но я действительно хочу, чтобы кто-то помог мне согреть эту постель. Даже могу назвать подходящего кандидата.

Выброси *это* из головы, Фрэнни!

Так что завтра мы отправляемся в Стовингтон, и Стюю эта идея совершенно не греет. Он боится этого места. Мне очень нравится Стюю, только хочется, чтобы он чуть больше нравился Гарольду. Гарольд всем усложняет жизнь, но я думаю, что он ничего не может с собой поделать.

Глен решил оставить Коджака здесь. Он сожалеет об этом, хотя нет нужды тревожиться о том, что Коджак не найдет пропитания. Сделать мы ничего не можем, если только не найдем мотоцикл с коляской, но даже тогда бедняга Коджак может испугаться и выпрыгнуть из нее, покалечиться, а то и убится.

В любом случае завтра мы выезжаем.

Запомнить! В «Техасских рейнджерах» (бейсбольная команда) играл питчер Нолан Райан, который с помощью своих знаменитых быстрых подач не позволял противнику нанести хотя бы один удар по мячу, и таких питчеров еще поискать. Есть телевизионные комедии с закадровым смехом. Записанный на пленку смех звучит в смешных местах и вроде бы доставляет зрителям большее удовольствие. Люди покупали в супермаркете десяток замороженных тортов и пирогов, которые надо только разморозить и съесть. Мой любимый – клубничный творожный торт от «Сары Ли».

7 июля 1990 г.

Не могу писать долго. Попа превратилась в гамбургер, а спина словно набита камнями. Прошлой ночью мне приснился дурной сон. Гарольду тоже снился этот человек, и он крайне из-за этого расстроился, потому что не может объяснить, каким образом нам мог присниться один и тот же сон.

Стюю говорит, что ему по-прежнему снится Небраска и старая женщина, которая там живет. Она твердит, что мы можем прийти и увидаться с ней в любое время. Стюю думает, что она живет в городе Холланд-Хоум, или Хоумтаун, или что-то в этом роде. Говорит, он думает, что сумеет его найти. Гарольд фыркнул на него и разразился долгой речью о том, что сны – псевдофрейдистское проявление всего того, о чем мы не решаемся подумать, когда бодрствуем. Думаю, Стюю злился, но из себя не выходил. Я так боялась, что их взаимная неприязнь вырвется наружу. **МНЕ ОЧЕНЬ ЖАЛЬ, ЧТО ВСЕ ТАК ВЫШЛО!**

Короче, Стюю спросил: «Как объяснить, что тебе и Фрэнни приснился один сон?»

Гарольд что-то забормотал о совпадении и заткнулся.

Стюю сказал Глену и мне, что он хочет, чтобы после Стовингтона мы все поехали в Небраску. Глен пожал плечами: «Почему нет? Мы должны куда-то ехать».

Гарольд, разумеется, будет возражать из принципа. Черт бы тебя побрал, Гарольд, взрослей!

Запомнить! В начале 1980-х возник дефицит бензина, потому что в Америке все куда-то ехали, и мы использовали большинство наших запасов нефти, и арабы держали нас за яйца. Арабы получили столько денег, что просто не знали, куда их потратить. Рок-н-рольная группа «Ху» обычно заканчивала живые концерты тем, что разбивала гитары и усилители. Это называлось «демонстративное потребление».

8 июля 1990 г.

Уже поздно, и я снова устала, но попытаюсь записать как можно больше, прежде чем мои веки просто ЗАХЛОПНУТСЯ. Гарольд примерно час назад закончил надпись на щитке-указателе (и, должна отметить, постарался на славу) и поставил его на лужайке перед зданием Стовингтонского противоэпидемического центра. Стюю помог ему установить щит и не терял спокойствия, несмотря на злобные шпильки Гарольда.

Я пыталась подготовиться к разочарованию. Сама не верила, что Стюю лгал, и не думаю, что Гарольд в это верил. То есть я предполагала, что там все мертвы, но увиденное очень меня расстроило, и я расплакалась. Ничего не смогла с собой поделать.

Но расстроилась не только я. Когда Стью увидел это место, он побледнел как полотно. Он был в рубашке с короткими рукавами, и я заметила, что его руки покрылись мурашками. Глаза, обычно синие, стали темно-серыми, как океан в облачный день.

Он указал на третий этаж:

«Вон моя палата».

Гарольд повернулся к нему, и я поняла, что с его губ готова слететь одна из фирменных острот Гарольда Лаудера, но он увидел выражение лица Стью и промолчал. Я думаю, он поступил мудро.

Через какое-то время Гарольд говорит: «Что ж, зайдем туда и оглядимся».

«Ради чего ты хочешь туда идти?» – спрашивает Стью, и в голосе его слышится истерика, пусть он и держит ее под контролем. Меня это пугает, потому что обычно он предельно хладнокровен. Раз за разом проваливающиеся попытки Гарольда его достать – тому свидетельство.

«Стюарт...» – начинает Глен, но Стью прерывает его:

«Зачем? Разве вы не видите, что это – мертвое место? Ни духовых оркестров, ни солдат, ничего. Поверьте мне, – говорит он, – будь они здесь, уже прибежали бы к нам. И мы сидели бы в этих белых палатах, как гребанные морские свинки. – Тут он смотрит на меня и добавляет: – Извини, Фрэн... обычно я так не говорю. Наверное, очень разволновался».

«Что ж, я иду, – говорит Гарольд. – Кто со мной?»

Но я вижу, пусть Гарольд и пытается изобразить БОЛЬШОГО и СМЕЛОГО, что он очень напуган.

Глен сказал, что пойдет, и Стью посмотрел на меня: «Ты тоже иди, Фрэн. Взгляни своими глазами. Утоли любопытство».

Я хотела сказать, что лучше останусь с ним, потому что он выглядел таким расстроенным (и потому что мне, если честно, совершенно не хотелось туда идти), но это могло привести к очередной вспышке гнева Гарольда, поэтому я согласилась.

Если бы мы – Глен и я – действительно сомневались в правдивости истории Стью, сомнения рассеялись бы, едва мы открыли дверь. Благодаря запаху. Такой же запах стоял в достаточно больших городах, через которые мы проезжали, запах гниющих томатов, и, Господи, я снова плачу, но это нормально, оплакивать людей, которые умерли, а теперь воняют, как...

Перерыв.

(позже)

Ну вот, я второй раз за день ВЫПЛАКАЛАСЬ, оказывается, и такое может случиться с маленькой Фрэн Голдсмит, которая могла грызть гвозди и выплевывать на ковер шляпки, ха-ха, как говаривали раньше. Что ж, этим вечером больше никаких слез, обещаю.

Мы пошли дальше, полагаю, из нездорового любопытства. Не знаю насчет остальных, а я хотела увидеть палату, в которой держали Стью. Нас поразил не только запах, но и холод в сравнении с наружной температурой. Много гранита, мрамора и, наверное, фантастическая теплоизоляция стен. На верхних двух этажах, конечно, стало теплее, но на нижнем... этот запах... этот холод... как в могиле. БР-Р-Р-Р!

И было страшно, как в доме с привидениями, мы все сбились в кучку, и я радовалась, что при мне винтовка, пусть только двадцать второго калибра. Наши шаги эхом возвращались к нам, создавая ощущение, что кто-то крадется следом, вы понимаете, и я вновь подумала об этом сне, главную роль в котором играл тот мужчина в черном одеянии. Неудивительно, что Стью не захотел идти с нами.

Наконец мы добрались до лифтов и поднялись на второй этаж. Ничего, кроме кабинетов... и нескольких тел. Третий этаж напоминал больницу с воздушным шлюзом на входе в каждую палату (и Гарольд, и Глен так называли тамбур, отделяющий саму палату от коридора) и специальными смотровыми окнами. Здесь было множество тел, как в палатах, так и в коридорах. В основном мужчин, женщины встречались крайне редко. «Попытались ли их эвакуиро-

вать? – задалась я вопросом. – Сколь многого мы уже никогда не узнаем. Но с другой стороны, хотелось ли нам это знать?»

В любом случае в конце одного коридора, отходящего от главного, где были лифты, мы нашли палату с распахнутыми дверьми воздушного шлюза. Там мы тоже обнаружили мертвеца, но не пациента (они носили белые больничные пижамы), и он точно умер не от гриппа. Лежал в большой луже засохшей крови и выглядел так, будто пытался выползти из комнаты, в которой умер. Тут же валялся сломанный стул, беспорядок говорил о том, что здесь шла борьба.

Глен долго оглядывался, прежде чем сказать: «Не думаю, что нам стоит рассказывать об этой палате Стью. Полагаю, именно здесь он едва не умер».

Я посмотрела на распростертое тело, и мне стало еще страшнее.

«Что вы хотите этим сказать?» – спросил Гарольд, но приглушенно. Так редко случалось, чтобы он говорил не во весь голос, словно выступая перед большой аудиторией.

«Я уверен, что этот господин пришел сюда, чтобы убить Стюарта, – ответил Глен, – но каким-то образом Стью вышел из схватки победителем».

«Но почему? – спросила я. – Зачем убивать Стюарта, если у него врожденный иммунитет? В этом нет никакого смысла».

Он посмотрел на меня, и его глаза пугали. Почти мертвые, как глаза макрели.

«Это не имеет значения, Фрэн, – ответил он. – У здравого смысла нет ничего общего с этим местом, судя по тому, что мы здесь увидели. Есть люди с определенным менталитетом, которые верят, что необходимо скрывать свои деяния. Верят в это с искренностью и фанатизмом, с какими члены некоторых религиозных сект верят в божественность Иисуса. Потому что для некоторых людей необходимость продолжать скрывать даже после того, как ущерб нанесен, превращается в идею фикс. И у меня возникает вопрос: скольких людей с врожденным иммунитетом они убили в Атланте, и в Сан-Франциско, и в Топике, в тамошнем Вирусологическом центре, прежде чем болезнь прикончила их и положила конец учиненной ими бойне? Этот говнюк? Я рад, что он мертв. И только жалею Стью, которому, вероятно, он будет являться в кошмарных снах до конца жизни».

И знаете, что после этого сделал Глен Бейтман – милейший человек, который пишет отвратительные картины? Подошел и пнул мертвеца в лицо. Гарольд что-то буркнул, будто ударили его. А Глен вновь занес ногу.

«Нет!» – крикнул Гарольд, но Глен все равно пнул мертвеца еще раз. Потом повернулся и вытер рот рукой, а его глаза теперь хотя бы больше не напоминали глаза дохлой рыбы.

«Пошли отсюда, – сказал он. – Лучше бы мы послушали Стью. Это мертвое место».

Мы вышли наружу, и Стью сидел спиной к железным воротам в высокой стене, которая огораживала это заведение, и мне захотелось... давай, Фрэнни, если ты не можешь поделиться этим с дневником, то с кем же? Мне захотелось подбежать к нему, и поцеловать, и сказать, что мне стыдно за всех нас, за наше недоверие. И стыдно за то, как мы распинались о трудностях, с которыми нам пришлось столкнуться после начала эпидемии, тогда как он практически ничего не говорил, хотя тот человек едва его не убил.

Ох, что же делать, я влюбляюсь в него, влюбляюсь безумно, сильнее всех на свете, и, наверное, рискнула бы, если б не этот Гарольд!

В любом случае (всегда пишу «в любом случае», даже если пальцы так немеют, что ручка едва из них не вываливается) именно тогда Стью впервые сказал нам, что хочет поехать в Небраску, проверить реальность своего сна. На его лице читались упрямство и легкое раздражение, словно он знал, что Гарольд опять наедет на него, но Гарольд еще не пришел в себя после нашей «экскурсии» по Противоэпидемическому центру, поэтому не смог оказать серьезного сопротивления. А его попытку сказать хоть что-то пресек Глен, сдержанно, буквально в нескольких словах сообщив нам, что прошлой ночью тоже видел во сне ту самую старую женщину.

«Конечно, возможно, причина в том, что Стью рассказал нам о своем сне, – признал он, чуть покраснев, – но очень уж все сходится».

Гарольд начал говорить, что причина именно в этом, когда Стью остановил его: «Минутку, Гарольд... у меня идея».

Идея состояла в том, что каждый из нас должен взять лист бумаги и вспомнить все о снах, которые нам снились за последнюю неделю, а потом сравнить записи. С таким научным подходом не мог поспорить даже Гарольд.

Что ж, мне снился только тот сон, который я уже описала, поэтому повторяться не буду. Я все записала, оставив часть с телом отца, но исключив ребенка и плечики для одежды.

Сравнение наших записей дало ошеломляющие результаты.

Гарольду, Стью и мне снился «темный человек», как я его называю. Стью и я видели этого человека в монашеской рясе с капюшоном и без лица – оно всегда находилось в тени и разглядеть его черты не представлялось возможным. Гарольд написал, что темный человек всегда стоит в темной дверной арке и подзывает его взмахами руки, «как сутенер». Иногда он видел ноги темного человека и блеск глаз – «как глаза ласки», так он написал.

Сны Стью и Глена о старой женщине оказались практически идентичны. Схожих моментов слишком много, чтобы их расписывать (так я «литературным» способом объясняю, что у меня онемели пальцы). В любом случае они согласуются в том, что женщина эта живет в округе Полк, штат Небраска, хотя с названием города к общему знаменателю не пришли: Стью говорит, это Холлингфорд-Хоум, Глен – Хемингуэй-Хоум. В любом случае похоже. Оба уверены, что смогут его найти. (Примечание: обрати внимание, дневник, моя догадка – Хемингфорд-Хоум.)

«Это действительно что-то удивительное, – сказал Глен. – Мы все, похоже, в одинаковой степени проявляем сверхъестественные психические способности». Гарольд тут же заспорил, но по выражению его лица чувствовалось, что ему есть о чем подумать. Он согласился исключительно из общего принципа – «мы должны куда-то ехать». Завтра мы отбываем. Я испугана, взволнована, но прежде всего счастлива, потому что мы покидаем Стювингтон, это место смерти.

Запомнить! «Держать хвост пистолетом» – не расстраиваться. «Классная» или «клевая» – так говорят о какой-то хорошей вещи. «Легко» – означает, что ты не тревожишься. «Тусоваться» – хорошо проводить время, и много людей носили футболки с надписью на груди: «ДЕРЬМО СЛУЧАЕТСЯ». Именно это и произошло... и продолжает происходить. «Я в шоколаде» – достаточно новое выражение (впервые услышала его только в этом году), означающее, что все идет хорошо. «Нора» – старое английское словечко, которое начало вытеснять «хату» и «конуру», для обозначения места, где человек жил до «супергриппа». «Мне нравится твоя нора». Глупо, правда? Но такой была жизнь.

Перевалило за полдень.

Перион забылась тяжелым сном рядом с Марком, которого двумя часами ранее осторожно перенесли в тень. Он то терял сознание, то приходил в себя, и им всем было проще, когда Марк отключался. Остаток ночи он еще терпел боль, но с рассветом сдался, и, когда приходил в себя, его крики леденили кровь. Они стояли, переглядываясь, беспомощные. Есть, понятное дело, никто не хотел.

– Это аппендицит, – нарушил долгую паузу Глен. – Думаю, сомнений быть не может.

– Наверное, мы должны попытаться... ну, оперировать его. – Гарольд смотрел на Глена. – Как я понимаю, вы...

– Мы его убьем, – прямо ответил Глен. – Ты это знаешь, Гарольд. Даже если мы вскроем ему брюшную полость и он не истечет кровью, а скорее всего так и будет, мы не отличим аппендикс от поджелудочной железы. Бирок там нет, знаешь ли.

– Мы убьем его, если не проведем операцию.
– Ты хочешь попытаться? – едко спросил Глен. – Иногда ты меня удивляешь, Гарольд.
– Кажется, и вы не особо в курсе, что делать. – Гарольд густо покраснел.
– Прекратите, – вмешался Стью. – Какой прок от таких разговоров? Если вы собираетесь вскрыть ему живот перочинным ножом, все равно ничего не получится.

– *Стью!* – ахнула Фрэн.

– Что? – спросил он и пожал плечами. – Ближайшая больница в Моуми. Нам его туда не довезти. Я сомневаюсь, что мы сумеем довезти его до автострады.

– Ты, разумеется, прав, – пробормотал Глен, провел рукой по щетинистому подбородку. – Гарольд, извини меня. Я очень расстроился. Я понимал, что-то такое может случиться – и уже случилось, – но думал, что это исключительно теоретическая возможность. Все выглядит совсем иначе, когда сидишь в кабинете и размышляешь о том, что может произойти.

Гарольд пробурчал, что принимает извинения, и отошел, сунув руки в карманы. Он напоминал надувшегося десятилетнего подростка, слишком высокого для своего возраста.

– Почему мы не сможем его довезти? – в отчаянии спросила Фрэн, переводя взгляд со Стью на Глена.

– Потому что теперь его аппендикс слишком раздулся, – ответил Глен. – Если он лопнет, вылившегося яда хватит, чтобы убить десять человек.

Стью кивнул:

– Перитонит.

Голова у Фрэнни шла кругом. Аппендицит? Сущий пустяк в те дни. *Сущий*. Чего уж там, если человек попадал в больницу с камнями в желчном пузыре или с чем-то таким, ему заодно удаляли и аппендикс – все равно живот уже разрезали. Она вспомнила одного из своих приятелей по начальной школе, Чарли Биггера, которого все звали Бигги. Ему вырезали аппендицит во время летних каникул между пятым и шестым классами. Он провел в больнице два или три дня. С медицинской точки зрения удаление аппендицита не вызывало никаких проблем.

Как не вызывали проблем – с медицинской точки зрения – и роды.

– А если оставить его в покое, аппендикс не лопнет? – спросила она.

Стью и Глен неловко переглянулись и промолчали.

– Тогда толку от вас действительно никакого, как и говорит Гарольд! – взорвалась Фрэн. – Вы должны сделать хоть что-то, пусть даже и перочинным ножом! Вы должны!

– Почему мы? – сердито спросил Глен. – Почему не *ты*? Если на то пошло, у нас даже нет медицинского учебника!

– Но вы... он... такого быть не может! *Удаление аппендицита – это же сущий пустяк!*

– В прежние времена – возможно, но не теперь! – ответил Глен, однако Фрэн уже убежала, расплакавшись.

Она вернулась около трех, стыдясь своего поведения и готовая извиниться, но не нашла в лагере ни Стью, ни Глена. Гарольд отрешенно сидел на стволе поваленного дерева. Перион, скрестив ноги, устроилась рядом с Марком, протирая его лицо влажной тряпкой. Бледная, но собранная.

– Фрэнни! – Гарольд, подняв голову, увидел ее и просиял.

– Привет, Гарольд. – Она направилась к Пери. – Как он?

– Спит, – ответила Пери. Но Марк не спал, даже Фрэн это понимала. Лежал без сознания.

– Куда уехали остальные, Пери? Ты знаешь?

Ей ответил Гарольд. Он подошел сзади, и Фрэн чувствовала, что ему хочется коснуться ее волос или положить руку ей на плечо. Она же этого не хотела. С Гарольдом она все острее чувствовала себя не в своей тарелке.

– Поехали в Канкл. Попытаются отыскать приемную врача.

– Они рассчитывают найти какие-нибудь медицинские книги, – добавила Пери. – И какие-нибудь... какие-нибудь инструменты. – Она сглотнула, и у нее в горле что-то явственно щелкнуло, а затем продолжила протирать лицо Марка, изредка макая тряпку в ведро с водой и отжимая ее.

– Мы очень сожалеем, – вырвалось у Гарольда. – Звучит, наверное, банально, но это так. Пери подняла голову и одарила Гарольда усталой, но милой улыбкой.

– Я знаю. Спасибо. Никто в этом не виноват. Разве что Бог. Если есть Бог, это Его вина. И, встретившись с Ним, я намерена пнуть Его по яйцам.

При взгляде на Пери в глаза прежде всего бросалось лошадиное лицо и крепко сбитое крестьянское тело, но Фрэн, которая первым делом подмечала все лучшее (Гарольд, к примеру, мог похвастаться очень красивыми для юноши кистями), видела, что у женщины роскошные каштановые волосы и красивые, умные глаза цвета индиго. Пери рассказала им, что преподавала антропологию в Нью-Йоркском университете, а также принимала активное участие в деятельности различных политических движений, среди прочего борясь за права женщин и против законодательной дискриминации жертв СПИДа. Она никогда не была замужем. Марк, поделилась она с Фрэнни, относился к ней лучше, чем можно было ожидать от мужчины. Другие знакомые мужчины либо игнорировали ее, либо называли свиньей. Она признавала, что при обычных условиях Марк входил бы в группу тех, кто ее игнорировал, но условия изменились. Они встретились в Олбани в последний день июня – Перион приехала туда, чтобы провести лето с родителями, – и, переговорив, решили уйти из города, прежде чем микробы, выделяющиеся при разложении тел, доберутся до них и завершат работу, оказавшуюся не под силу «супергриппу».

Они покинули Олбани и на следующую ночь стали любовниками, скорее от отчаянного одиночества, чем по настоящей привязанности (этот девичий разговор по душам Фрэнни записывать в свой дневник не стала). Он так хорошо к ней относился, говорила Пери с удивлением женщины-проститутки, вдруг обнаружившей доброго человека в жестоком мире. Она полюбила Марка и с каждым днем любила все сильнее.

А теперь это.

– Так странно, – сказала она. – Здесь все, кроме Стю и Гарольда, закончили колледж, и ты, Гарольд, тоже продолжил бы учебу, если бы жизнь шла своим чередом.

– Да, пожалуй, это правда, – согласился Гарольд.

Пери повернулась к Марку и вновь начала протирать его лицо влажной тряпкой, мягко, с любовью. Фрэнни вспомнилась цветная иллюстрация из семейной Библии: три женщины, готовящие тело Иисуса к погребению, смазывающие его маслами и благовониями.

– Фрэнни изучала английский язык и литературу, Глен преподавал социологию, Марк готовил докторскую по американской истории, Гарольд тоже изучал бы английский и литературу, раз хотел стать писателем. Мы могли бы сидеть кружком и беседовать на общие для всех темы. Собственно, так мы и делали.

– Да, – еле слышно согласился Гарольд, хотя обычно его голос разносился далеко вокруг.

– Гуманитарное образование учит думать... где-то я об этом читала. Фактическая информация, с которой вы знакомитесь в процессе обучения, имеет второстепенное значение. Главное, что вы уносите с собой из учебных классов, – умение конструктивно применять индукцию и дедукцию.

– Это верно, – кивнул Гарольд. – Мне нравится.

Теперь его рука *легла* на плечо Фрэнни. Она не испугалась ее, но как же ей не нравилось это прикосновение.

– Ничего хорошего в этом нет! – яростно вскинулась Пери, и от удивления Гарольд убрал ладонь с плеча Фрэн. Она почувствовала безмерное облегчение.

– Нет? – переспросил он безо всякого вызова.

– Он умирает! – Пери понизила голос, в нем слышались злость и беспомощность. – Он умирает. Потому что мы все проводили время, учась нести чушь и выслушивать, как ее несут другие, в общежитиях и гостиных дешевых квартир в университетских городках. Да, я могу рассказать вам о папуасах Новой Гвинеи, а Гарольд может объяснить литературные приемы современных английских поэтов, но какую пользу это принесет моему Марку?

– Если бы среди нас был медик... – осторожно начала Фрэн.

– Да, если бы. Но медика среди нас нет. Нет даже автомеханика или человека, который учился в сельскохозяйственном колледже и хотя бы видел, как ветеринар оперирует корову или лошадь. – Она посмотрела на них, и ее индиговые глаза потемнели еще сильнее. – И хотя вы все мне очень нравитесь, думаю, сейчас я бы променяла вас всех на одного мистера Гудренча³¹. Вы все так боитесь прикоснуться к нему, даже зная, что с ним будет, если его не тронуть. И я такая же... точно такая же.

– Однако двое... – Фрэн замолчала. Она собиралась сказать: «Однако двое мужчин поехали», – но потом решила, что это неудачная фраза, учитывая, что Гарольд остался с ними. – Однако Стью и Глен поехали. Это уже что-то, верно?

Пери вздохнула:

– Да... это что-то. Но решение принимал Стью, так? Единственный, кто в конце концов решил, что лучше что-то предпринять, чем стоять рядом, заламывая руки. – Она посмотрела на Фрэнни. – Он говорил тебе, чем зарабатывал на жизнь?

– Работал на заводе, – без запинки ответила Фрэн. Она не заметила, как затуманились глаза Гарольда, услышавшего ее быстрый ответ. – Собирал электронные калькуляторы. Наверное, можно сказать, был техническим специалистом по компьютерам.

– Ха! – воскликнул Гарольд и пренебрежительно усмехнулся.

– Он единственный из нас, кто умеет работать руками, – продолжила Пери. – То, что собираются сделать они с мистером Бейтманом, убьет Марка, я практически в этом уверена, но лучше ему умереть, когда кто-то будет пытаться спасти его, чем под взглядами тех, кто будет просто стоять рядом, словно он – собака, которую переехал автомобиль.

Ни Гарольд, ни Фрэн не нашлись с ответом. Только стояли рядом и смотрели на бледное, застывшее лицо Марка. Через какое-то время Гарольд вновь положил потную руку на плечо Фрэн. Она едва не закричала.

Стью и Глен вернулись без четверти четыре. Они ездили на одном из мотоциклов. Привезли с собой черный докторский саквояж с инструментами и несколько больших черных книг.

– Мы попытаемся, – вот и все, что сказал Стью.

Пери вскинула голову и посмотрела на него. Бледная и напряженная, она говорила почти спокойно:

– Правда? Пожалуйста. Мы оба этого хотим.

– Стью! – позвала Перион.

Часы показывали десять минут пятого. Стью стоял на коленях на клеенке, которую они расстелили под деревом. Пот ручьями стекал по его лицу. Глаза ярко блестели. В них читались страх и решимость. Фрэнни держала перед ним раскрытую книгу, показывала то одну цветную иллюстрацию, то другую, когда он поднимал на нее глаза и кивал. Рядом с ним невероятно бледный Глен Бейтман зажимал в кулаке катушку тонких белых ниток. Между ними стоял открытый футляр с хирургическими инструментами из нержавеющей стали. На футляре краснели капли крови.

³¹ Мистер Гудренч – мастер на все руки. Впервые появился в рекламе сервисных центров авторемонтной службы «Дженерал моторс».

– Вот он! – закричал Стью. Пронзительно и торжествующе. Его глаза превратились в щелочки. – Вот этот маленький говнюк! Здесь! Прямо здесь!

– Стью! – повторила Перион.

– Фрэн, покажи мне другую иллюстрацию! Быстро! Быстро!

– Ты сможешь его вырезать? – спросил Глен. – Господи Иисусе, восточный Техас, ты действительно думаешь, что сможешь?

Гарольд ушел. Покинул мероприятие в самом начале, зажимая рот рукой. Последние пятнадцать минут он провел в небольшой рощице к востоку от «операционного стола», спиной к ним. На крик Стью он повернулся, на его большом круглом лице читалась надежда.

– Не знаю, – ответил Стью, – но я попытаюсь. Я попытаюсь.

Он смотрел на цветную иллюстрацию, которую показывала ему Фрэн. Кровь покрывала его руки до локтей, словно он надел алые вечерние перчатки.

– Стью! – в третий раз обратилась к нему Перион.

– Он замкнут сверху и снизу, – прошептал Стью. Его глаза засверкали еще ярче. – Аппендикс. Такой маленький. Он... вытри мне лоб, Фрэнни, Господи, я потею, как гребаная свинья... спасибо... Боже, я не хочу резать дальше... это его гребаные кишки... но, Господи, я должен. Я должен.

– Стью! – снова подала голос Перион.

– Дай мне ножницы, Глен. Нет... не эти. Маленькие.

– *Стью...*

Наконец-то он посмотрел на Перион.

– Резать больше не нужно. – Ее голос звучал мягко и спокойно. – Он мертв.

Стью смотрел на нее, его глаза-щелочки раскрылись.

Она кивнула:

– Уже две минуты. Но спасибо тебе. Спасибо, что попытался.

Она снова кивнула. По ее щекам потекли слезы.

Стью отвернулся от них, бросил маленький скальпель, закрыл лицо руками жестом полнейшего отчаяния. Глен уже поднялся и уходил, не оглядываясь, ссутулившись, словно его ударили.

Фрэнни обняла Стью, прижала к себе.

– Вот так, – выдохнул он, а потом принялся повторять как заведенный, медленно и монотонно, пугая ее: – Вот так. Все кончено. Вот так. Вот так.

– Ты сделал все, что мог. – Она прижала его к себе еще сильнее, словно боялась, что он улетит.

– Вот так, – повторил он в очередной раз, как бы подводя черту.

Фрэнни все обнимала его. Несмотря на все мысли за последние три с половиной недели, несмотря на «безумную влюбленность», она не сделала ни одного шага навстречу Стью. Тщательно скрывала свои чувства. Слишком взрывоопасной представлялась ей ситуация с Гарольдом. И сейчас она не выказывала чувства, которые испытывала к Стью. В ее объятиях не было ничего любовного. Просто один выживший человек прижимался к другому. Его руки поднялись к ее плечам и сжали их, оставив кровавые отпечатки на рубашке цвета хаки, словно они стали поделниками в каком-то преступлении. Где-то грубо закричала сойка. Рядом заплакала Перион.

Гарольд Лаудер, который не чувствовал разницы между объятиями выживших и влюбленных, смотрел на Фрэнни и Стью с нарастающим подозрением и страхом. Через какое-то время он развернулся и ушел, ломая кусты. Вернулся Гарольд, когда все уже давно поужинали.

Наутро Фрэнни проснулась рано. Кто-то тряс ее за плечо. «Сейчас я открою глаза и увижу Гарольда или Глена, – сонно подумала она. – Нам придется пройти через это снова – и мы

будем проходить снова и снова, пока не сделаем правильные выводы. Те, кто не усваивает уроки истории...»

Но за плечо ее тряс Стью. Уже светало: на небо напозла заря, окутанная легким туманом, напоминая золото, просвечивающее сквозь тонкую хлопчатобумажную ткань. Остальные крепко спали.

– Что такое? – спросила она, садясь. – Что не так?

– Мне снова снился сон, – ответил Стью. – Не старая женщина... тот, другой. Темный человек. Я испугался. Поэтому...

– Перестань. – Ее пугало выражение его лица. – Говори, что случилось, *пожалуйста*.

– Перион. Она взяла веронал из рюкзака Глена.

Воздух с шипением вышел через сжатые зубы Фрэн.

– Ужасно. – Стью поник головой. – Она мертва, Фрэнни. Господи, ну почему все так плохо?!

Она попыталась заговорить, но не смогла.

– Наверное, следовало разбудить и остальных, – рассеянно продолжил Стью. Он потер заросшую щетиной щеку. Фрэн до сих пор помнила, как вчера прижималась к ней своей щекой, обнимая его. Он вновь повернулся к девушке, в его глазах читалось недоумение. – Когда это закончится?

– Я думаю, никогда, – мягко ответила она.

Их взгляды встретились в свете ранней зари.

Из дневника Фрэн Голдсмит

12 июля 1990 г.

Этим вечером мы встали лагерем к западу от Гуилдерленда (штат Нью-Йорк), наконец-то вырвав на большую дорогу, шоссе номер 80/90. Ажиотаж от встречи с Марком и Перион (по моему, красивое имя), которая случилась вчерашним днем, более-менее спал. Они согласились поехать с нами... собственно, высказали такое предложение раньше нас.

И я вовсе не уверена, что Гарольд бы это предложил. Вы же знаете, какой он. Поначалу его чуть отпугнуло (думаю, Глена тоже) количество оружия, которое они на себе тащили, в том числе полуавтоматические винтовки (две). Но Гарольду прежде всего хотелось показать себя... обозначить свое присутствие, знаете ли.

Я знаю, что немало страниц уже исписано ПСИХОЛОГИЕЙ ГАРОЛЬДА, и если вы еще не поняли, какой он, то не поймете никогда: под его важным видом и помпезными высказываниями прячется маленький, очень неуверенный в себе мальчик. Часть Гарольда – я думаю, достаточно большая часть – продолжает верить, что его школьные мучители вновь поднимутся из своих могил и начнут плевать в него шариками из жеваной бумаги, а может, и обзывать Дрочилой Лаудером, как, по словам Эми, его обзывали. Иногда я думаю, что для него было бы лучше (и для меня, возможно, тоже), если бы мы не встретились в Оганквите. Я – часть прежней жизни Гарольда, одно время ходила в лучших подругах его сестры, и так далее, и так далее. И вот каков итог наших странных отношений с Гарольдом: возможно, это кого-то удивит, но с учетом того, что я теперь знаю, я бы выбрала в друзья Гарольда, а не Эми, которую всегда завораживали парни с красивыми автомобилями и одежда из «Суитис» и которая являла собой (Господь простит меня за то, что я плохо отзываюсь о мертвых, но это правда) типичного оганквитского сноба, какие встречались только среди коренных горожан. Гарольд, по-своему, парень клевый. К сожалению, лишь в те моменты, когда не старается всеми силами показать себя отъявленным говнюком. Но, видите ли, Гарольд не может заставить себя поверить, что кто-то считает его клевым. Гарольд убедил себя, что он – пустое место. И твердо

намерен захватить все свои проблемы в этот не-столь-уж-дивный новый мир. Наверное, запаковал их в рюкзак вместе со своими любимыми шоколадными батончиками «Пейдей».

Ох, Гарольд, черт побери, я просто не знаю, что с тобой делать.

Запомнить! Попугай «Жиллетт»³². «Пожалуйста, не мните «Шармин»³³. Ходячий кувшин с кулэйдом, говоривший: «О... ДА-А-А-А-А». «Тампоны «О-Би»... созданы женщиной-гинекологом». «Конверс олл-старс»³⁴. «Ночь живых мертвецов». Бр-р! Очень уж жизненно. Заканчиваю.

14 июля 1990 г.

Сегодня за ленчем мы подробно и обстоятельно поговорили об этих снах, задержавшись дольше, чем, наверное, следовало. Мы, между прочим, уже к северу от Батавии, штат Нью-Йорк.

Вчера Гарольд очень робко (для него) предложил начать запасать веронал и принимать его маленькими дозами, чтобы посмотреть, не удастся ли нам «разорвать сновиденческий цикл», так он это назвал. Я идею поддержала, чтобы никто не подумал, что со мной что-то не так, хотя пить таблетки не собираюсь. Кто знает, как они могут подействовать на Одинокого Рейнджера (я надеюсь, что он одинокий, не уверена, что смогу выдержать близнецов).

После того как мы пришли к общему согласию насчет веронала, Марк прокомментировал ситуацию со снами.

«Знаете, – говорит он, – нельзя об этом много думать. Так недолго решить, что мы – Моисей или Иосиф и Господь говорит с нами по прямой телефонной линии».

«Темный человек звонит не с Небес, – говорит Стью. – Если это звонок по телефону-автомату, думаю, установлен он где-то глубоко под землей».

«Стью хочет сказать, что за нами охотится дьявол», – вставляет Фрэнни.

«Это объяснение ничуть не хуже любого другого, – говорит Глен. Мы все посмотрели на него. – Видите ли, – продолжает он, как мне показалось, чуть оправдываясь, – с теологической точки зрения мы – узел на канате, который перетягивают ад и рай, верно? И если среди выживших после «супергриппа» есть иезуиты, они наверняка в полном восторге».

Марк расхохотался. Я не врубилась, а потому предпочла не раскрывать рта.

«А я думаю, все это нелепо, – вмешался Гарольд. – Мы не успеем и глазом моргнуть, как вы перейдете к Эдгару Кейси³⁵ и трансмиграции душ».

Он произнес фамилию как «Кейэс», а когда я его поправила («это же не аббревиатура Канзас-Сити»), то увидела НАСУПЛЕННЫЕ БРОВИ ГАРОЛЬДА УЖАСНОГО. Да, дневник, он не из тех, кто поблагодарит тебя, если ты укажешь ему на допущенные маленькие ошибки.

«Когда случается что-то паранормальное, – вновь заговорил Глен, – из всех объяснений идеально подходит и соответствует внутренней логике именно теологическое. Вот почему физика и религия всегда шли рука об руку, вплоть до наших современных целителей, лечащих молитвами и наложением рук».

Гарольд что-то пробурчал, но Глен продолжал гнуть свое: «По моему глубокому убеждению, мы все обладаем сверхъестественными способностями... и они настолько укоренились в нас, что мы очень редко их замечаем. Эти наши способности обычно предупреждают ту или иную беду, и из-за этого заметить их еще сложнее».

«Почему?» – спросила я.

³² Имеется в виду поющий мультяшный попугай из рекламных роликов компании «Жиллетт».

³³ Рекламный лозунг туалетной бумаги «Шармин» в 1964–1985 гг.

³⁴ «Конверс олл-старс» – кеды, выпускаемые компанией «Конверс». Впервые поступили в продажу в 1917 г.

³⁵ Эдгар Кейси (1877–1945) – американский ясновидящий и врачеватель.

«Потому что это негативный фактор, Фрэн. Ты когда-нибудь читала исследование Джеймса Д. Л. Стаунтона, посвященное железнодорожным и авиационным катастрофам? В тысяча девятьсот пятьдесят восьмом году он опубликовал статью в социологическом журнале, и таблоиды постоянно ее цитируют».

Мы все покачали головами.

«Ее следует прочитать. Лет двадцать назад мои студенты сказали бы про Джеймса Стаунтона: «Это голова». Он был кабинетным социологом, который в качестве хобби исследовал оккультизм. И написал несколько статей, затрагивающих и социологию, и оккультизм, прежде чем отправился на ту сторону, чтобы проверить правильность или ошибочность своих выкладок».

Гарольд хмыкнул, а Стью и Марк улыбались. Боюсь, я вела себя ничуть не лучше.

«Так расскажите нам о поездах и самолетах», – говорит Пери.

«Что ж, Стаунтон взял статистику по пятидесяти авиационным катастрофам, случившимся после тысяча девятьсот двадцать пятого года, и по более чем двумстам железнодорожным, случившимся после тысяча девятисотого. Ввел эти данные в компьютер. Его интересовали три показателя: общее число пассажиров, количество погибших и вместимость транспортного средства».

«Не понимаю, что он пытался доказать», – подал голос Стью.

«Чтобы понять, надо знать вот еще о чем: он ввел в компьютер и другой набор данных – на этот раз по самолетам и поездам, летевшим или ехавшим теми же маршрутами, но добравшимся до места назначения без происшествий».

Марк кивнул: «Контрольная группа и экспериментальная. Чисто научный подход».

«Результаты получились очень простые, однако их выводы ошеломляли. Но для того чтобы выявить простой статистический факт, пришлось продрататься через шестнадцать таблиц».

«Какой факт?» – спросила я.

«Полностью заполненные самолеты и поезда редко терпят катастрофу», – ответил Глен.

«Да это гребаная ЧУШЬ!» – чуть ли не кричит Гарольд.

«Отнюдь, – спокойно говорит Глен. – Стаунтон высказал эту версию, а компьютер ее подтвердил. В тех случаях, когда случались катастрофы, заполненность транспортных средств составляла шестьдесят один процент. В тех случаях, когда обходилось без происшествий, – семьдесят шесть процентов. Разница в пятнадцать процентов весьма существенна, и ее не спишешь на статистическую погрешность. Стаунтон утверждает, что для статистики даже трехпроцентная погрешность – уже повод для размышлений. И он совершенно прав. Это аномалия размером с Техас. Вывод Стаунтона: люди знали, какие поезда и самолеты потерпят катастрофу... подсознательно они предсказывали будущее. У вашей тети Салли разболелся живот прямо перед вылетом рейса шестьдесят один из Чикаго в Сан-Диего. И когда самолет падает в невадской пустыне, кто-то говорит: «Ох, тетя Салли, эти боли в животе – знак Божий». Но до исследования Джеймса Стаунтона никто не подозревал, что живот разболелся у тридцати людей... или голова... или возникло странное чувство в ногах, будто тело пытается сказать голове, что в нем сейчас что-то откажет».

«Я просто не могу в это поверить», – говорит Гарольд, горестно качая головой.

«Знаете, примерно через неделю после того, как я первый раз прочитал статью Стаунтона, в аэропорту Логан потерпел катастрофу самолет «Маджестик эйрлайнс». Погибли все, кто находился на борту. Я позвонил в представительство авиакомпании «Маджестик» в аэропорту Логан после того, как все более-менее успокоилось. Представился репортером из «Манчестер юнионлидер» – маленькая ложь во благо. Сказал, что мы готовим материал по авиационным катастрофам последнего времени, и поинтересовался, сколько мест в этом полете пустовали. Человек, с которым я разговаривал, удивился моему вопросу, потому что, по его

словам, сотрудники авиакомпании как раз обсуждали этот аспект. Не явилось шестнадцать пассажиров. Я его спросил, а сколько обычно не является на рейс семьсот сорок седьмого из Денвера в Бостон. Он ответил, что три».

«Три», – замороженно говорит Перион.

«Да. Но парень на этом не остановился. От билетов, по его словам, отказались пятнадцать человек, тогда как обычно отказываются максимум восемь. Поэтому хотя заголовки кричали: «АВИАКАТАСТРОФА В ЛОГАНЕ УНЕСЛА ДЕВЯНОСТО ЧЕТЫРЕ ЖИЗНИ», – они могли бы звучать иначе: «ТРИДЦАТЬ ОДИН ЧЕЛОВЕК ИЗБЕЖАЛ СМЕРТИ В АВИАКАТАСТРОФЕ В ЛОГАНЕ».

Что ж... мы еще долго говорили о сверхъестественных способностях, уйдя довольно далеко от наших снов и о том, ниспосланы они нам свыше или нет. Еще один интересный момент возник (уже после того, как Гарольд ушел в полном отвращении), когда Стью спросил Глена: «Если мы все обладаем такими способностями, почему не узнаем сразу, что умер близкий нам человек, или что торнадо только что разрушил наш дом, или что-то в этом роде?»

«Иногда именно так и происходит, – ответил Глен, – но я признаю, что такие случаи редки... и их не столь легко доказать с помощью компьютера. Но вот что любопытно. У меня есть гипотеза...

(Похоже, у него на все есть гипотеза, верно, дневник?)

...что это связано с эволюцией. Вы знаете, когда-то у людей – или у их предков – были хвосты, все тело покрывала шерсть, и они обладали более эффективными органами чувств, чем теперь. Почему это так? Быстро, Стью! Вот твой шанс стать первым в классе и получить все соответствующие почести».

«Наверное, по той же причине, что люди больше не надевают защитные очки и плащи, предохраняющие от пыли, когда садятся за руль. Отпала необходимость. Наступил момент, когда тебе это больше не нужно».

«Именно. И какой смысл в сверхъестественных способностях, если они бесполезны в повседневной жизни? Какую они принесут пользу, если ты работаешь в офисе и вдруг узнаешь, что твоя жена погибла при лобовом столкновении двух автомобилей, возвращаясь из супермаркета? Кто-то все равно позвонит тебе по телефону и скажет, так? Если это чувство и было у нас, оно могло давным-давно атрофироваться. Уйти, как хвост и космы шерсти.

И вот что занимает меня в этих снах, – продолжил Глен. – Они – предзнаменование какой-то будущей борьбы. Мы словно получаем некие смутные картинки героя и антигероя. Соперников, коли угодно. Если это так, мы будто смотрим на самолет, на котором нам суждено лететь... и ощущаем боль в животе. Возможно, нам предоставляют средства, с помощью которых мы можем определить наше будущее. Свободная воля как четвертое измерение: шанс выбрать до совершения события».

«Но мы не знаем, что означают эти сны», – заметила я.

«Да, не знаем. Но можем узнать. Я не думаю, что эта маленькая толика сверхъестественного, которой мы обладаем, превращает нас в святых. Достаточное количество людей принимает увиденное чудо, не веря, что оно доказывает существование Бога. Но я считаю, что эти сны – конструктивная сила, пусть и пугающая. Поэтому у меня есть сомнения насчет веронала. Принимать его – все равно что пить пепто-бисмол, чтобы избавиться от болей в животе и все же сесть на тот самолет».

Запомнить! Рецессии, дефициты, прототип «форда-гроулера», который может проехать шестьдесят миль по автостраде на одном галлоне бензина. Действительно, чудо-автомобиль. Это все. Я заканчиваю. Если не буду ужиматься в записях, мой дневник объемом сравнится с «Унесенными ветром» еще до появления Одинокого Рейнджера (только, пожалуйста, не на белой лошади по кличке Сильвер). Ах да, и вот еще что надо ЗАПОМНИТЬ. Эдгар Кейси. Нельзя его забывать. Он, судя по всему, видел будущее в своих снах.

16 июля 1990 г.

Только два момента, оба связанные со снами (смотри запись двухдневной давности). Первый: Глен Бейтман очень бледен и молчалив последние два дня, а вечером я заметила, что он принял двойную дозу веронала. Я подозреваю, что две последние ночи он веронал не принимал и видел **ОЧЕНЬ** плохие сны. Меня это тревожит. Хотелось бы найти возможность завести с ним разговор на эту тему, но пока ничего придумать не могу.

И второй: мои собственные сны. До предпоследней ночи (ночи после нашей дискуссии) я спала как младенец и ничего не помнила. В ту ночь мне впервые приснилась та самая старая женщина. Ничего не могу добавить к вышесказанному, разве что упомяну про окружающую ее ауру **НЕЖНОСТИ** и **ДОБРОТЫ**. Думаю, я понимаю, почему Стью так хочется попасть в Небраску, несмотря на сарказм Гарольда. Тем утром я проснулась совершенно отдохнувшей, уверенная, что все будет хорошо, если мы приедем к той женщине. Матушке Абагейл. Я надеюсь, что она действительно там. (Между прочим, теперь я абсолютно не сомневаюсь, что название города – Хемингфорд-Хоум.)

Запомнить! Матушка Абагейл!

Глава 47

Когда это случилось, события развивались стремительно.

Было тридцатое июля, где-то без четверти десять, и они ехали уже почти час. Ехали медленно, потому что ночью прошел сильный дождь и дорога оставалась мокрой и скользкой. Со вчерашнего утра, когда Стью разбудил сначала Фрэнни, а потом Гарольда и Глена, чтобы рассказать им о самоубийстве Перион, они практически не разговаривали. «Он винит себя, – с тоской думала Фрэнни, – винит себя, хотя виноват в том, что произошло, не больше, чем ночная гроза».

Ей хотелось сказать ему об этом, отчасти потому, что его следовало пожурить за потакание собственным слабостям, отчасти потому, что она любила его. Что касается последнего, Фрэнни перестала притворяться. Думала, что сможет убедить его в невиновности в смерти Пери... и, убеждая, откроет ему собственные чувства. Фрэнни осознала, что должна показать Стью свое истинное к нему отношение. К сожалению, Гарольд это тоже увидит, поэтому такой вариант исключался... но только на какое-то время. Она не сомневалась, что скоро разговор со Стью обязательно состоится, независимо от Гарольда. Пока она еще могла оберегать его, но вскорости ему предстояло обо всем узнать и принять ее решение... или не принять. Фрэнни опасалась, что Гарольд выберет второй вариант, а это могло привести к ужасным последствиям, учитывая, что оружия у них хватало.

Такие мысли крутились у нее в голове, когда они обогнули поворот и увидели большой кемпер, который лежал на боку поперек дороги, блокируя чуть ли не всю проезжую часть. Его розовый, местами ржавый борт блестел от ночного дождя. На этом сюрпризы не заканчивались. Еще три универсала и большой эвакуатор блокировали обочины по обеим сторонам шоссе. У баррикады стояли люди, не меньше двенадцати человек.

Фрэнни так удивилась, что слишком резко затормозила. «Хонду», на которой она ехала, занесло на мокром асфальте, и только в самый последний момент ей удалось взять мотоцикл под контроль и не свалиться с него. В итоге все четверо остановились почти в ряд, изумленные видом такого большого количества живых людей.

– А теперь спешиваемся! – крикнул один из мужчин. Высокий, светлорылый, в темных солнцезащитных очках. На мгновение Фрэнни словно перенеслась в прошлое, вдруг вспомнив патрульного, который остановил ее на автостраде в Мэне за превышение скорости.

Сейчас он потребует предъявить наши водительские удостоверения, подумала она. Но судьба свела их не с одиноким патрульным, тормозящим лихачей и выписывающим штрафные квитанции, а с четырьмя мужчинами. Трое стояли за спиной светлорылого, вроде бы готовые к стычке. Женщины числом превосходили мужчин как минимум вдвое. Бледные и испуганные, они маленькими группками держались рядом с универсалами.

Светлорылый держал в руке пистолет. Мужчины за его спиной – винтовки и ружья. У двоих в одежде просматривались детали военной формы.

– Спешивайтесь, черт побери! – повторил приказ светлорылый, и один из мужчин за его спиной передернул затвор. Громкий зловещий звук далеко разнесся во влажном утреннем воздухе.

На лицах Глена и Гарольда отражались удивление и тревога. Ничего больше. «Мы же легкая добыча», – подумала Фрэнни с нарастающей паникой. Она и сама не могла полноценно оценить ситуацию, но знала, что здесь что-то не так. «Четверо мужчин, восемь женщин, – отметил ее мозг, а потом повторил уже громче, с тревожными нотками: – Четверо мужчин! Восемь женщин!»

– Гарольд, – полушепотом заговорил Стью. Что-то мелькнуло в его глазах. Похоже, он что-то понял. – Гарольд, не... – Тут все и случилось.

Винтовка Стью висела у него за спиной. Он наклонил плечо, чтобы лямка заскользила по предплечью, а через мгновение уже держал винтовку в руках.

– Не делай этого! – яростно проорал светлородый. – Гарви! Вердж! Ронни! Убейте их! В женщину не стрелять!

Гарольд попытался схватиться за пистолеты, поначалу забыв про ремешки, которые удерживали их в кобуре.

Глен Бейтман неподвижно сидел за Гарольдом. На его лице отображалось полнейшее изумление.

– *Гарольд!* – крикнул Стью.

Фрэнни начала снимать свою винтовку. Почувствовала, как воздух вокруг вдруг загустел, словно его залила невидимая патока, и поняла, что не успевает пустить оружие в ход. До нее вдруг дошло, что здесь они скорее всего и умрут.

– ПОРА! – крикнула одна из девушек.

Взгляд Фрэнни метнулся к ней, хотя она продолжала бороться со своей винтовкой. Не девушка – женщина лет двадцати пяти, с пепельными волосами, облегающими голову, как шапочка, будто их недавно обкорнали садовыми ножницами.

Не все женщины отреагировали на сигнал; некоторые, похоже, остолбенели от испуга. Но блондинка и три других взялись за дело.

Все уложилось в какие-то семь секунд.

Бородатый мужчина навел пистолет на Стью. Когда блондинка крикнула: «*Пора!*» – ствол чуть дернулся в ее сторону, как «волшебная лоза», почувствовавшая воду. Раздался выстрел, громкий, будто стальным стержнем пробило картон. Стью упал с мотоцикла, и Фрэнни выкрикнула его имя.

А потом Стью уже упирался обоими локтями в асфальт (падая, он поцарапал оба, а «хонда» лежала на его ноге) и стрелял. Бородач вроде бы отпрыгнул назад, как водевильный танцор, уходящий со сцены, отработав свой номер. Его вылинявшая клетчатая рубашка вздувалась и опадала. Ствол пистолета взлетел к небу, и этот звук – стальной стержень, пробивающий картон, – повторился еще четыре раза. Затем светлородый упал на спину.

Двое из троих мужчин, стоявших позади него, обернулись на крик блондинки. Один нажал на оба курка своего ружья, старой двустволки «ремингтон» двенадцатого калибра. Приклад ни к чему не прижимался – мужчина держал его у правого бедра, – и после выстрелов, напоминавших раскат грома в маленькой комнатке, ружье вырвалось из его рук, содрав кожу с пальцев, отлетело назад и запрыгало по дороге. Лицо одной из женщин, которая не отреагировала на крик блондинки, превратилось в кровавое месиво, и на протяжении секунды Фрэнни буквально слышала, как кровавой дождь стучит по асфальту. Один глаз, чудом оставшийся невредимым, смотрел сквозь надетую против воли кровавую маску. Похоже, боли женщина не почувствовала. Просто свалилась на обочину. Дробь пробила борт универсала «кантри-сквайр», у которого она стояла. Одно из стекол покрылось катарактой трещин.

Блондинка схватилась со вторым мужчиной, обернувшимся к ней. Винтовка, оказавшаяся между ними, выстрелила. Еще одна девушка метнулась к лежащей на дороге двустволке.

Третий мужчина, который не повернулся к женщинам, начал стрелять по Фрэн. Она сидела на мотоцикле, поставив ноги на асфальт, и тупо смотрела на него. Смуглый, он напоминал итальянца. Фрэн почувствовала, как пуля просвистела у самого виска.

Гарольд наконец-то вытащил из кобуры один пистолет. Поднял и выстрелил в смуглого. С расстояния в пятнадцать шагов. Промахнулся. Дыра появилась в корпусе розового кемпера слева от головы смуглого. Тот посмотрел на Гарольда и крикнул:

– Теперь я тебя убью, сукин сы-ы-ын!

– *Не делай этого!* – закричал Гарольд, отбросил пистолет и поднял руки.

Смуглый трижды выстрелил в Гарольда. И не попал. Третья пуля нанесла наибольший урон – отрикошетила от выхлопной трубы «ямахи» Гарольда. Мотоцикл повалился на бок, уронив на асфальт своих пассажиров.

Прошло уже двадцать секунд. Гарольд и Стью лежали на дороге. Глен сидел, скрестив ноги, и, казалось, по-прежнему не понимал, что происходит. Фрэнни в ярости пыталась прикончить смуглого до того, как тот успеет убить Гарольда или Стью, но ее винтовка отказывалась стрелять – спусковой крючок не двигался с места, потому что она забыла снять винтовку с предохранителя. Блондинка продолжала бороться со вторым мужчиной, а женщина, которая бросилась за упавшим на дорогу ружьем, схватилась за него с другой женщиной.

Ругаясь на, безусловно, итальянском языке, смуглый мужчина вновь прицелился в Гарольда, но тут выстрелил Стью, лоб смуглого провалился внутрь, и он упал, как мешок с картошкой.

Еще одна женщина вступила в схватку за ружье. Мужчина, из рук которого оно вырвалось, попытался отбросить ее в сторону. Она сунула руку ему между ног, ухватила за промежность и сжала пальцы. Фрэн увидела, как вдоль руки до самого локтя натянулись сухожилия. Мужчина закричал, потерял всякий интерес к ружью, схватился за яйца и, согнувшись, поплелся прочь.

Гарольд пополз к лежащему на асфальте пистолету, поднял его. Трижды выстрелил в мужчину, державшегося за яйца. Все три пули прошли мимо.

Это же в чистом виде «Бонни и Клайд», подумала Фрэнни. Господи, везде кровь!

Блондинка с короткими волосами проиграла борьбу за винтовку мужчине. Он вырвал оружие, ударил женщину ногой, целя в живот, но попал тяжелым ботинком в бедро. Блондинка отступила, взмахнула руками, пытаясь удержать равновесие, и села на задницу.

Сейчас он ее пристрелит, подумала Фрэнни, но мужчина развернулся на месте, как пьяный солдат, выполняющий команду «кругом», и принялся стрелять по женщинам, которые дрались за ружье рядом с «кантри-сквайром».

– Получайте, суки! – кричал этот джентльмен. – Получайте, суки!

Одна женщина упала на асфальт между универсалом и лежащим на боку кемпером и забилась, словно вытащенная на берег рыба. Две другие побежали. Стью выстрелил в стрелка и промахнулся. Стрелок выстрелил в одну из бегущих женщин и попал. Она вскинула руки к небу и упала. Вторая резко взяла влево и скрылась за розовым кемпером.

Третий мужчина, который лишился ружья и не сумел вновь завладеть им, стоял, пошатываясь, по-прежнему обеими руками держась за промежность. Одна из женщин направила на него ружье и нажала на оба спусковых крючка, закрыв глаза и скривив рот в ожидании грома. Но грома не последовало. Никто не удосужился перезарядить двустволку. Тогда она обеими руками схватилась за стволы, и приклад, описав широкую дугу, обрушился на мужчину. По голове женщина не попала – удар пришелся в то место, где шея переходила в правое плечо. Мужчина упал на колени. Попытался уползти. Женщина в синей футболке с надписью «УНИВЕРСИТЕТ КЕНТА» на груди и порванных джинсах пошла за ним, нанося удары прикладом. Мужчина продолжал ползти, кровь бежала ручьями, но женщина дубасила и дубасила его.

– А-а-а-ах, *су-у-у-уки!* – закричал мужчина с винтовкой и выстрелил в женщину среднего возраста, которая, оцепенев, что-то бормотала. Расстояние между срезом ствола и женщиной не превышало трех футов; потянувшись, она могла бы отвести ствол мизинцем. Мужчина промахнулся. Вновь нажал на курок, но послышался лишь сухой треск: закончились патроны.

Гарольд теперь держал пистолет обеими руками, как это делали копы в кино. Нажал на спусковой крючок, и пуля раздробила мужчине с винтовкой левый локоть. Он выронил винтовку и запрыгал на месте, издавая пронзительные крики. Фрэнни он напомнил Кролика Роджера, кричавшего: *«П-п-пожалуйста!»*

– Я в него попал! – в экстазе заверещал Гарольд. – Я в него попал! Клянусь Богом, я в него попал!

Фрэнни наконец-то вспомнила про предохранитель и сняла его большим пальцем, когда Стью выстрелил вновь. Мужчина, которого ранил Гарольд, упал, держась уже за живот, а не за локоть, продолжая кричать.

– Боже мой, Боже мой! – вырвалось у Глена. Он закрыл лицо руками и заплакал.

Женщина в футболке с надписью «УНИВЕРСИТЕТ КЕНТА» вновь опустила приклад ружья и на этот раз угодила точно в голову ползущего мужчины. С таким звуком Джим Райс³⁶ обычно отбивал высокий фастбол. И приклад ружья из орехового дерева, и голова синхронно разбились вдребезги.

На мгновение воцарилась тишина, которую тут же нарушила птичка:

– Уить-уить... уить-уить... уить-уить.

А потом женщина в футболке, стоя над телом поверженного мужчины, издала долгий первобытный победный вопль, который преследовал Фрэн Голдсмит до конца ее жизни.

Светловолосую женщину звали Дейна Джергенс. До эпидемии она жила в городе Зиния, штат Огайо. Женщину в футболке Кентского университета звали Сюзан Штерн. Третью женщину, которая прихватила за яйца мужчину с ружьем, – Патти Крогер. Две другие были гораздо старше. Самую старшую, по словам Дейны, звали Ширли Хэммет. Имени второй – она выглядела лет на тридцать пять – они не знали. Она пребывала в шоке, бесцельно бродила по улицам, когда двумя днями ранее Эл, Гарви, Вирдж и Ронни наткнулись на нее в городе Арчболд.

Вдвоятером они свернули с автострады и встали лагерем в фермерском доме чуть западнее Коламбии, сразу за границей штата Индиана. Все пребывали в шоке, и потом Фрэнни пришла в голову мысль, что их прогулка от перевернувшегося на автостраде розового кемпера до фермы стороннему наблюдателю могла показаться турпоходом, спонсированным местной психиатрической больницей. Трава, высотой до бедер и еще не высохшая после дождя, скоро вымочила им штаны. Белые бабочки, едва перебиравшие отяжелевшими от влаги крыльями, то подлетали к ним, то улетали прочь, выписывая круги и восьмерки. Солнце пыталось пробиться сквозь облака, однако никак не могло этого сделать. Так что они видели лишь яркое пятно, отделенное от них белой облачной пеленой, растянутой от горизонта до горизонта. Но, несмотря на облака, влажный воздух уже сильно прогрелся, а над их головами кружила стая отвратительно каркающих ворон. «Теперь их больше, чем людей, – зачарованно подумала Фрэн. – Если мы потеряем бдительность, они выключат нас с лица земли». Месть черных птиц. Питались ли вороны мясом? Фрэнни подозревала, что да.

За этими пустячными мыслями, едва видимая, совсем как солнце за тающим облачным слоем (и, как солнце, бурлящая энергией в это ужасное, удушливое утро тридцатого июля тысяча девятьсот девяностого года), в ее голове вновь и вновь прокручивалась только что закончившаяся битва. Лицо женщины, разнесенное в клочья двойным зарядом дроби. Падающий на землю Стью. Мгновение дикого ужаса, когда она подумала, что его убили. Мужчина, который кричал: «А-а-а-ах, су-у-у-уки!» – и визжал, как Кролик Роджер, когда Гарольд его подстрелил. Звук металлического стержня, пробивающего картон, которым сопровождался каждый выстрел из пистолета светлородого. Первобытный победный вопль Сюзан Штерн, стоящей над поверженным врагом, мозги которого, еще теплые, вытекали из разmozженного черепа.

Глен шагал рядом с ней, на его обычно язвительном лице читалось смятение, седые волосы летали, будто бабочки. Он держал руку Фрэн и все похлопывал и похлопывал по ней.

³⁶ Джим Райс (р. 1953) – известный американский бейсболист.

– Главное – не сломаться, – наконец заговорил он. – Без таких ужасов... не обойтись. Спасение – в численности. В обществе, ты понимаешь. Общество – краеугольный камень того, что мы называем цивилизацией, и это единственное противостояние от беззакония. Ты должна принимать такое... такое... как неизбежность. Это – отдельный случай. Воспринимай их как троллей. Да. Троллей, или йогсов, или афритов. Типичных монстров. Это я могу понять. Можно сказать, это очевидная истина.

Он хохотнул, но смех больше напоминал стон. После каждой из его коротких фраз Фрэнни вставляла: «Да, Глен», – но он, похоже, ее не слышал. От него попахивало рвотой. Бабочки врезались в них, а потом отлетали, направляясь по своим бабочкиным делам. Они уже подходили к фермерскому дому. Битва продолжалась чуть меньше минуты, но Фрэн подозревала, что у нее в голове она будет крутиться вечно. Глен похлопывал ее по руке. Она хотела попросить его больше этого не делать, но боялась, что он заплачет, услышав такую просьбу. Похлопывание по руке она вынести могла, а плачущего Глена – вряд ли.

С одной стороны от Стью шел Гарольд, с другой – блондинка, Дейна Джергенс. Сюзан Штерн и Патти Крогер вели под руки безымянную женщину в ступоре, которую нашли в Арчболде. Ширли Хэммет, в которую не попал в упор мужчина, перед смертью закричавший, как Кролик Роджер, шла чуть левее, что-то бормоча себе под нос и изредка пытаясь поймать пролетающую рядом бабочку. Все они двигались медленно, но Ширли Хэммет отставала от них. Седые волосы неопрятными космами падали на ее лицо, и изумленные глаза смотрели сквозь них на мир, словно испуганная мышь из неглубокой норки.

Гарольд смущенно взглянул на Стью:

– Мы их прикончили, Стью, так? Разобрались с ними. Надрали задницу.

– Похоже на то, Гарольд.

– Нам пришлось это сделать! – с жаром воскликнул Гарольд, словно Стью сомневался в правильности их действий. – Вопрос стоял ребром: либо мы, либо они!

– Они бы вышибли вам мозги, – ровным голосом вставила Дейна Джергенс. – Я была с двумя парнями, когда они напали на нас. Они застрелили Рича и Дэймона из засады. А когда все закончилось, каждому пустили по пуле в голову, для гарантии. Вам не оставалось ничего другого, это точно. По всему выходило, что на дороге останутся ваши трупы.

– По всему выходило, что нас хотели убить! – воскликнул Гарольд.

– Это точно, – кивнул Стью. – Расслабься, Гарольд.

– Конечно! Постараюсь! – кивнул Гарольд. Порылся в рюкзаке, достал шоколадный батончик «Пейдей», едва не выронил, срывая обертку. Выругался и начал поедать, держа двумя руками, как леденец.

Наконец они добрались до фермерского дома. Разбираясь с батончиком, Гарольд постоянно ощупывал себя, словно хотел убедиться, что не ранен. Его мутило. Он боялся посмотреть на свою промежность, поскольку практически не сомневался, что надул в штаны вскоре после того, как веселье у розового кемпера достигло апогея.

За поздним завтраком – ни у кого кусок не лез в горло – говорили преимущественно Дейна и Сюзан. Патти Крогер, семнадцатилетняя и фантастически красивая, изредка вставляла пару слов. Безымянная женщина забила в дальний угол пыльной кухни фермерского дома. Ширли Хэммет сидела за столом, ела черствые крекеры «Набиско хани грэмс» и что-то бормотала.

Дейна ушла из Зинии с Ричардом Дарлиссом и Дэймоном Брэкнеллом. Сколько еще человек осталось в Зинии после эпидемии? Она видела только троих: глубокого старика, женщину и маленькую девочку. Дейна и ее друзья предложили этой троице присоединиться к ним, но старик отмахнулся, сказав, что у них «есть дело в пустыне».

К восьмому июля Дейне, Ричарду и Дэймону начали сниться кошмары с каким-то страшным монстром. Очень жуткие кошмары. По словам Дейны, Рич считал, что этот монстр настоящий и живет в Калифорнии. Он также предположил, что к этому человеку, если это был человек, и собирались идти те трое, когда говорили, что у них есть дело в пустыне. Они с Дэймоном начали опасаться, а не сходит ли Рич с ума. Он называл этого человека-из-снов «крутым парнем» и говорил, что тот собирает армию крутых парней. Говорил, что эта армия скоро двинется на восток, чтобы поработить всех, кто еще остался в живых, сначала в Америке, а потом во всем мире. Дейна и Дэймон на полном серьезе начали готовиться к тому, чтобы однажды ночью ускользнуть от Рича, и пришли к выводу, что их кошмары – результат психического воздействия Рича Дарлисса.

В Уильямстауне они обогнули поворот и увидели большой мусоровоз, который лежал на боку, перегораживая дорогу. Рядом стояли универсал и эвакуатор.

– Мы предположили, что это место очередной аварии. – Дейна нервно разломила пальцами крекер. – Собственно, именно этого от нас и ждали.

Они слезли с велосипедов, чтобы обойти перевернувшийся мусоровоз, и четверо крутых парней – по терминологии Рича – открыли огонь из кювета. Они убили Рича и Дэймона, а Дейну взяли в плен. Она стала четвертой женщиной в их, как они выражались, «зоопарке», или «гареме». Там же была и бормочущая Ширли Хэммет, тогда почти нормальная, хотя ее постоянно насиловали спереди и сзади и заставляли отсасывать всем четверым.

– Однажды, – рассказывала Дейна, – она не смогла дотерпеть до того времени, когда ее выводили в кусты, чтобы справить нужду, и Ронни подтер ее колючей проволокой. Прямая кишка у нее кровоточила три дня.

– Господи Иисусе! – выдохнул Стью. – Который из них?

– Тот, что с ружьем, – ответила Сюзан Штерн. – Которому я разможила голову. Жаль, что он сейчас не лежит здесь, на полу. Я бы повторила.

Светлобородого мужчину в солнцезащитных очках они знали как Дока. Он и Вердж входили в какое-то армейское подразделение, отправленное в Акрон после начала эпидемии. Им поручили «общение с прессой», что на армейском жаргоне означало «подавление прессы». Когда они выполнили эту задачу, перед ними поставили другую: «пресечение массовых беспорядков», что на армейском жаргоне означало стрельбу по убегающим мародерам и вешание пойманных. К двадцать седьмому июня, рассказал им Док, командная вертикаль развалилась. Большинство его подчиненных болели и не могли патрулировать улицы, что, впрочем, никакого значения не имело: жители Акрона слишком ослабели, чтобы читать и слушать новости, не говоря уже о том, чтобы грабить банки и ювелирные магазины.

К тридцатому июня от подразделения ничего не осталось: военнослужащие умерли, умирали или разбежались. Собственно, разбежаться смогли только Док и Вердж, и именно они начали новую жизнь: стали владельцами «зоопарка». Первого июля к ним присоединился Гарви, третьего – Ронни. После чего они закрыли свой необычный маленький клуб и новых членов больше не принимали.

– Но через какое-то время вас стало больше, чем их, – заметил Глен.

Тут в разговор неожиданно вмешалась Ширли Хэммет.

– Таблетки. – Ее глаза загнанной в угол мышки смотрели сквозь седые космы. – Таблетки каждое утро, чтобы встать, таблетки каждый вечер, чтобы лечь. Апперсы и расслаблялки. – Ее голос затих, последние слова они едва расслышали. Она замолчала, потом вновь принялась что-то бормотать себе под нос.

Сюзан Штерн продолжила рассказ. Ее и одну из убитых женщин, Рейчел Кармоди, они поймали семнадцатого июля, неподалеку от Коламбуса. К тому времени они двигались караваном из двух универсалов и эвакуатора. Мужчины использовали эвакуатор, чтобы убирать с трассы разбитые автомобили или, наоборот, перегораживать дорогу, в зависимости от ситуа-

ции. Док держал таблетки в большом мешке, прицепленном к поясному ремню. Сильные транквилизаторы на ночь, легкие стимуляторы для поездки, «красненькие» для отдыха.

– Меня поднимали утром, насиловали два или три раза, а потом я ждала, пока Док выдаст таблетки, – буднично рассказывала Сюзан. – Я хочу сказать, таблетки на день. К третьему дню у меня появились такие ссадины в моей... вы понимаете, в моей вагине, что обычные половые сношения стали болезненными. Я даже прониклась приязнью к Ронни, потому что Ронни требовалось только отсосать. Но после таблеток ты становился очень спокойным. Не сонным, а спокойным. Несколько синих таблеток утром – и для тебя уже ничего не имело значения. Тебе хотелось только сидеть, положив руки на колени, и наблюдать, как они используют эвакуатор, чтобы убрать что-то с дороги. Однажды Гарви жутко рассердился, потому что одна девочка, ей было не больше двенадцати, не захотела... нет, этого я вам говорить не буду. Это ужасно. В общем, Гарви выстрелил ей в голову. Меня это не тронуло. Я... оставалась спокойной. Через какое-то время ты перестаешь даже думать о побеге. Тебе хочется только одного: получить эти синие таблетки.

Дейна и Патти Крогер кивали.

– Но они вроде бы поняли, что восемь женщин – это их предел, – добавила Патти.

Когда они поймали ее двадцать второго июля, убив мужчину лет пятидесяти, с которым она путешествовала, то пристрелили очень старую женщину, прожившую в «зоопарке» с неделю. После того как нашли в Арчболде безымянную женщину, убили и оставили в кювете шестнадцатилетнюю девушку, страдавшую косоглазием.

– Док шутил по этому поводу, – рассказала Патти. – Говорил: «Я не хожу под лестницами, не пересекаю тропы черных кошек и не допущу, чтобы нас стало тринадцать».

Двадцать девятого они впервые засекли Стью и остальных. «Зоопарк» разбил лагерь на площадке отдыха рядом с автострадой, по которой проехала вся четверка.

– Гарви запал на тебя. – Сюзан повернулась к Фрэнни. Та содрогнулась.

Дейна пододвинулась к ним и прошептала:

– И они не скрывали, чье место ты должна занять. – Она чуть мотнула головой в сторону Ширли Хэммет, которая что-то бормотала и ела крекеры.

– Бедная женщина, – вздохнула Фрэнни.

– Это Дейна решила, что вы – наш лучший шанс на спасение, – продолжила Патти. – Или, возможно, наш последний шанс. В вашей группе было трое мужчин – они с Элен Роже это заметили. Трое *вооруженных* мужчин. И Док стал слишком уж самоуверенным с этим трюком – перевернувшись на дороге грузовиком. Всякий раз он действовал как лицо, наделенное властью. Мужчины в тех группах, на которые они устраивали засаду, – когда в них были мужчины, – всегда попадались на этот трюк. После чего их убивали. Срабатывало идеально.

– Дейна предложила нам в это утро не пить таблетки, – заговорила Сюзан. – Они отчасти потеряли бдительность, уже не стояли над нами, пока таблетка не проглатывалась. И мы знали, что в то утро у них хватало забот с большим кемпером. Мы сказали не всем. О нашем плане знали только Дейна, Патти и Элен Роже... одна из женщин, которых застрелил Ронни. И я, разумеется. Элен сказала: «Если они заметят, что мы пытаемся выплюнуть таблетки, нас убьют». Дейна ответила, что они все равно нас убьют, рано или поздно, и, если рано, нам только повезет. Разумеется, мы все знали, что это правда.

– Мне пришлось достаточно долго держать таблетку во рту, – вставила Патти. – Она уже начала рассасываться, когда представилась возможность ее выплюнуть. – Женщина посмотрела на Дейну. – Я думаю, Элен пришлось проглотить свою. Отсюда и ее заторможенность.

Дейна кивнула. Она смотрела на Стю с такой теплотой, что Фрэнни стало не по себе.

– Тем не менее у них могло все получиться, если бы ты не сообразил, что к чему, здоровяк.

– Я сообразил, но недостаточно быстро, – ответил Стью. – В следующий раз не стану терять времени. – Он встал. Подошел к окну, выглянул. – Знаете, меня это даже пугает. Мы станем чересчур сообразительными.

Фрэнни все больше бесили откровенные взгляды, которые Дейна бросала на Стью. Она не имела права так смотреть на него, особенно после всего, через что ей пришлось пройти. *Но она гораздо красивее меня, несмотря ни на что, думала Фрэнни. И я сомневаюсь, что она беременна.*

– Это мир для сообразительных, здоровяк, – сказала Дейна. – Или ты начинаешь соображать, или умираешь.

Стью повернулся к ней, словно впервые увидел, и Фрэн ощутила укол дикой ревности. *Я ждала слишком долго, подумала она. Боже мой, я просто теряла время. Слишком долго ждала, вместо того чтобы действовать.*

Она случайно глянула на Гарольда и заметила, как тот прячет улыбку, поднеся руку ко рту. Как ей показалось, улыбку облегчения. Внезапно Фрэнни захотелось встать, небрежно подойти к Гарольду и ногтями выцарапать ему глаза. Крича при этом: «Никогда, Гарольд! Никогда!»

Никогда?

Из дневника Фрэн Голдсмит

19 июля 1990 г.

Господи! Произошло худшее. Во всяком случае, когда такое происходит в книгах, что-то как минимум *меняется*, но в реальной жизни все тянется и тянется, словно «мыльная опера», которая никак не перейдет в решающую стадию. Возможно, мне следовало бы ускорить события, рискнуть, но я так боюсь, что между ними что-то случится, и. Нельзя заканчивать предложение на «и», но я боюсь писать о том, что может случиться после этого союза.

Позволь мне рассказать тебе все, дорогой дневник, пусть это и сомнительное удовольствие. Мне противно даже думать об этом.

Ближе к сумеркам Глен и Стью поехали в город (на этот раз в Джирард, штат Огайо), чтобы раздобыть что-нибудь из еды, лучше всего концентраты и сублимированные продукты. Их легко везти, а некоторые концентраты даже вкусные, но, на мой взгляд, у всех сублимированных продуктов есть какой-то привкус – высушенного индюшачьего дерьма. И, кстати, откуда ты знаешь, какой у него вкус? Не важно, дневник, кое о чем говорить не положено, ха-ха.

Они спросили меня и Гарольда, хотим ли мы поехать с ними, но я ответила, что на сегодня наездила на мотоцикле и, если они не возражают, останусь. Гарольд тоже отказался, под тем предлогом, что наберет воды и вскипятит ее на костре. Вероятно, уже вынашивал свои планы. Не хочу выставлять его заговорщиком, но факты налицо.

[Примечание: нам всем до чертиков обрыдла кипяченая вода, которая совершенно безвкусна и НАПРОЧЬ ЛИШЕНА кислорода, но Марк и Глен говорят, что заводы и т. п. не работают слишком мало времени, чтобы реки и ручьи успели очиститься, особенно на промышленном северо-востоке и в тех краях, что называют Поясом ржавчины³⁷, поэтому из соображений безопасности воду мы кипятим. Мы надеемся рано или поздно найти большой склад бутилированной воды, точнее, нам давно уже следовало его найти – так говорит Гарольд, – но чуть ли не вся бутилированная вода таинственным образом исчезла. По мнению Стью, многие люди решили, что причина болезни – водопроводная вода, и в последние дни перед смертью перешли на бутилированную.]

³⁷ В Пояс ржавчины (Rust Belt) входят штаты Пенсильвания, Огайо, Индиана и Мичиган. Название появилось в 1970-х гг., когда в этих индустриальных штатах закрылось много заводов и фабрик, от которых остались только ржавые ворота.

Марк с Перион куда-то ушли, возможно, на поиски диких ягод, которые разнообразят нашу диету, возможно, чтобы заняться кое-чем еще – они это не афишируют, и спасибо им большое, – так что я собрала хворост и разожгла костер для котелка с водой Гарольда... и он его принес, но не слишком быстро (очевидно, задержался у реки, чтобы помыться самому и вымыть волосы). Он повесил котелок над огнем на как-это-там-называется. Потом подходит ко мне и садится рядом.

Мы сидели на бревне, говорили о всякой всячине, а потом неожиданно он обнял меня и попытался поцеловать. Я говорю: попытался, а на самом деле ему это удалось, во всяком случае, поначалу, так он меня удивил. Но я отпрянула от него – теперь я понимаю, что выглядело все это комично, хотя боль еще чувствуется, – и свалилась с бревна. Порвала блузку на спине и содрала кожу. Закричала. К разговору о том, что история повторяется: очень уж похоже на ситуацию с Джессом на волноломе, когда я прикусила язык... так похоже, что даже нервирует.

Через секунду Гарольд, красный до кончиков чистых волос, уже стоит на колене рядом со мной и спрашивает, в порядке ли я. Гарольд иногда пытается быть таким холодным, таким искушенным – мне он вечно кажется пресытившимся молодым писателем, ищущим особое «Грустное кафе» на Западном берегу, где он сможет коротать дни, беседуя о Жан-Поле Сартре и потягивая дешевое вино, – но под этой личиной скрывается хорошо замаскированный подросток с целым букетом незрелых фантазий. Мне это кажется весьма правдоподобным. И фантазии эти по большей части из субботних дневных фильмов: Тайрон Пауэр из «Капитана из Кастилии», Хамфри Богарт из «Темной полосы», Стив Маккуин из «Буллита». В периоды крайнего напряжения эта его сторона вылезает наружу, возможно, потому, что он подавлял ее, будучи ребенком, не знаю. В любом случае, когда он уподобляется Боги, то напоминает лишь парня, игравшего Боги в фильме Вуди Аллена «Сыграй это снова, Сэм».

Поэтому когда Гарольд опустился рядом со мной на одно колено и спросил: «Ты в порядке, крошка?» – я захихикала. История повторялась! Но хихиканье вызвала не только абсурдность ситуации, вы понимаете. Если бы этим все и ограничивалось, я бы сдержалась. К истерике привело многое другое. И кошмарные сны, и тревога о ребенке, и неопределенность в отношениях со Стью, и каждодневная езда на мотоцикле, и затекшие мышцы, и боль в спине, и утрата родителей, и все перемены... короче, хихиканье переросло в истерический смех, который я просто не смогла остановить.

«Что тут такого забавного?» – спросил Гарольд, поднимаясь. Думаю, эти слова он произнес праведным голосом, да только к тому моменту я уже забыла о Гарольде и перед моим мысленным взором возник карикатурный образ Дональда Дака. Дональд Дак вразвалочку шел по развалинам западной цивилизации и сердито кричал: «Что тут такого забавного, а? Что тут такого забавного, а? Что тут, твою мать, такого забавного?» Я закрыла лицо руками и смеялась, и рыдала, и снова смеялась, пока Гарольд не подумал, что у меня совсем съехала крыша.

Через какое-то время мне удалось взять себя в руки. Я вытерла слезы и хотела попросить Гарольда взглянуть на мою спину и посмотреть, сильно ли я поцарапалась. Но не сделала этого, потому что испугалась: а вдруг он воспримет это как разрешение на СВОБОДУ ДЕЙСТВИЙ? Жизнь, свобода и погоня за Фрэнни, о-хо-хо, вот это как раз и не смешно.

«Фрэн, – говорит Гарольд, – мне так трудно это сказать».

«Тогда, может, лучше не говорить?» – предлагаю я.

«Я должен, – отвечает он, и я начинаю осознавать, что ответ «нет» его не устроит, если только я не прокричу это слово во всю мощь легких. – Фрэнни, – говорит он, – я тебя люблю».

Наверное, я и сама давно это знала. Было бы куда проще, если бы он хотел только спать со мной. Любовь более опасна, чем секс, и я оказалась в сложном положении. Как мне сказать «нет» Гарольду? Наверное, есть только один способ, независимо от того, кому ты это говоришь.

«Я не люблю тебя, Гарольд» – вот что я ответила.

Его перекосило.

«Это он, да? – Лицо Гарольда превратилось в отвратительную гримасу. – Это Стью Редман, да?»

«Не знаю», – ответила я. Я могу вспылить, и мне не всегда удастся держать себя в руках – думаю, это у меня от матери. Но я боролась изо всех сил, чтобы моя вспыльчивость не выплеснулась на Гарольда. Правда, чувствовала, что уже на пределе.

«Я знаю! – Его голос стал пронзительным, наполненным жалостью к себе. – Я знаю, все так. С того дня, как мы его встретили, я уже тогда это знал. Я не хотел, чтобы он ехал с нами, потому что *знал*. И он говорил...»

«Что он говорил?»

«Что не хочет тебя! Что ты можешь быть моей!»

«Все равно что отдал тебе новую пару туфель, так, Гарольд?»

Он не ответил, возможно, осознав, что зашел слишком далеко. С некоторым усилием я вспомнила тот день в Фабиане. Гарольд сразу же отреагировал на Стью, как собака реагирует на новую собаку, незнакомую собаку, пришедшую во двор первой собаки. В его владения. Я буквально видела, как волоски поднимаются дыбом на загривке Гарольда. Я понимала, чем обусловлены слова, сказанные тогда Стью: он произнес их, чтобы вернуть нас из разряда собак в разряд людей. В этом же все дело, так? Эта чудовищная борьба, в которой мы участвуем. Если нет, то какого черта мы пытаемся сохранить приличия?

«Я никому не принадлежу, Гарольд».

Он что-то пробурчал.

«Что?»

«Я сказал, что тебе, возможно, придется переменить свое мнение».

С моего языка едва не сорвался резкий ответ, но я сдержалась. Гарольд смотрел куда-то далеко-далеко с отсутствующим видом.

«Я уже видел такого парня. Можешь мне поверить, Фрэнни. Он – квортербек школьной команды, но в классе плюется шариками из бумаги и показывает другим средний палец, потому что знает: учитель обязательно натянет ему троечку, чтобы он мог продолжать играть. Он встречается с самой красивой девушкой из группы поддержки, и она думает, что он – сам Иисус Христос. Это он пердит на уроке английского языка и литературы, когда учитель просит тебя прочитать сочинение, потому что оно лучшее в классе. Да, я знаю таких сволочей, как он. Удачи тебе, Фрэн».

И он ушел. **ВЕЛИЧЕСТВЕННОГО, ТОРЖЕСТВЕННОГО УХОДА**, как он скорее всего рассчитывал, не получилось. Это больше выглядело так, будто у него была мечта, а я только что разнесла ее в клочья – мечту о том, что все поменялось, что изменилась даже сама реальность. Я очень его жалела – святая правда, – потому что, уходя, он не изображал поддельную обиду, а ощущал **НАСТОЯЩУЮ**, острую и вызывающую, как лезвие ножа, боль. Его высекли, да, но только Гарольд никогда не сможет понять, что измениться должен его образ мышления. Он должен понять, что мир будет оставаться таким же, пока не начнет меняться он сам. Гарольд копил обиды точно так же, как раньше вроде бы копили сокровища пираты...

Что ж, теперь все вернулись, ужин съеден, сигареты выкурены, веронал роздан (моя таблетка в кармане, а не в желудке), народ укладывается спать. Наша с Гарольдом конфронтация не принесла никаких результатов, разве что теперь он еще внимательнее наблюдает за мной и Стью, чтобы увидеть, что произойдет. Меня от этого тошнит, и я понапрасну злюсь, когда все это записываю. Какое он имеет право следить за нами? Какое он имеет право усугублять нашу и без того трагичную ситуацию?

Запомнить! Извини, дневник. Должно быть, что-то с головой. Не могу ничего удержать в памяти.

Когда Фрэнни подошла к Стью, тот сидел на валуне и курил сигару. Каблуком он вырыл в земле небольшую круглую ямку и использовал ее вместо пепельницы. Он смотрел на запад, где солнце как раз опускалось за горизонт. Облака разошлись, открыв красную макушку светила. Хотя они только вчера встретили и взяли в свою компанию пять женщин, казалось, что произошло это очень давно. Они без труда вытащили из кювета один универсал и теперь, считая мотоциклы, целым караваном медленно катили на запад по автостраде.

Сигарный дым заставил Фрэнни вспомнить об отце и его трубке. Скорбь, пришедшая с этими мыслями, плавно перетекла в ностальгию. «Я начинаю сживаться с тем, что тебя уже нет, папочка, – подумала она. – Не думаю, что ты будешь возражать».

Стью оглянулся.

– Фрэнни! – В его голосе слышалась искренняя радость. – Как ты?

Она пожала плечами:

– Помаленьку.

– Хочешь составить мне компанию и посмотреть на заход солнца?

Она присоединилась к нему, ее сердце забило чуть быстрее. Но, в конце концов, зачем еще она пришла сюда? Она знала, в какую сторону Стью ушел из лагеря, и знала, что Гарольд, Глен и две женщины поехали в Брайтон, чтобы найти си-би-радио (идея Глена, а не, как обычно, Гарольда). Патти Крогер осталась в лагере присматривать за еще двумя спасенными женщинами. Ширли Хэммет вроде бы начала выходить из ступора, но в час ночи перебудила всех: дико кричала во сне, отпихивая кого-то руками. Состояние второй женщины, безымянной, наоборот, ухудшалось. Она сидела. Ела, если ее кормили. Могла справить нужду. Но не отвечала на вопросы и, казалось, проявляла признаки жизни только во сне. Даже после большой дозы веронала часто стонала, иногда даже вскрикивала. Фрэнни полагала, что знает, кто снился бедной женщине.

– Похоже, нам предстоит еще долгий путь.

Стью ответил после короткой паузы:

– Более долгий, чем мы думали. Эта старая женщина, она уже не в Небраске.

– Я знаю... – начала Фрэнни и оборвала фразу.

Стью с легкой улыбкой посмотрел на нее:

– Вы не принимаете лекарство, мэм.

– Я выдала свой секрет, – улыбнулась она.

– Мы не единственные. Днем я говорил с Дейной (Фрэн почувствовала укол ревности – и страха, – как бывало, когда он называл блондинку по имени). Ни она, ни Сюзан не стали принимать веронал.

Фрэн кивнула.

– А почему не принимаешь ты? Они пичкали тебя наркотиками... в том месте?

Он стряхнул пепел в земляную пепельницу.

– Вечером давали легкое успокоительное, ничего больше. Пичкать меня наркотиками не требовалось. Я сидел под крепким замком. Нет, я перестал принимать веронал тремя ночами ранее, потому что ощутил... потерю контакта. – Он на несколько секунд задумался, потом объяснил: – Глен и Гарольд хотят найти си-би-радио, и это действительно хорошая идея. Для чего нужна двусторонняя связь? Чтобы общаться. У одного моего приятеля в Арнетте, Тони Леонминстера, такой приемник-передатчик стоял на «скауте». Отличная штука. Ты мог говорить с людьми, мог позвать на помощь, если попал в беду. Эти сны... то же си-би-радио в голове, но передатчик вроде бы сломан, и работает оно только на прием.

– Может, мы что-то и передаем, – предположила Фрэнни.

Он удивленно вскинул на нее глаза.

Какое-то время они сидели молча. Солнце смотрело на них сквозь разрыв в облаках, словно прощалось, прежде чем полностью укатиться за горизонт. Фрэн могла понять дикарей,

которые обожествляли солнце. Невероятная тишина практически пустынной страны день за днем давила на нее, убеждая в реальности случившегося, а солнце – и луна тоже – прибавляло в размерах и значимости. Становилось чем-то более личным. Эти яркие небесные корабли теперь вызвали благоговение, как в детстве.

– В любом случае пить веронал я перестал, – продолжил Стью. – Прошлой ночью мне вновь приснился темный человек. Такого страшного сна я еще не видел. Он обосновался где-то в пустыне. Думаю, в Лас-Вегасе. И, Фрэнни... Похоже, он распинает людей. Тех, кто ему мешает.

– Он – *что*?

– Мне это приснилось. Вдоль пятнадцатого шоссе стоят кресты, изготовленные из телеграфных столбов и балок. К ним прибиты люди.

– Всего лишь сон!.. – В ее голосе слышалась тревога.

– Возможно. – Стью курил и смотрел на запад, на окрашенные алым облака. – Но две предыдущие ночи, перед тем как мы наткнулись на этих маньяков, отлавливающих женщин, мне снилась она... женщина, которая называет себя матушкой Абагейл. Она сидела в кабине старого пикапа, припаркованного на обочине семьдесят шестого шоссе. Я стоял рядом с автомобилем, опираясь одной рукой на окно, разговаривал с ней точно так же, как сейчас разговариваю с тобой. И она сказала: «Ты должен двигаться быстрее, Стюарт. Если на это способна такая старая женщина, как я, то и тебе, здоровяку из Техаса, вполне по силам». – Стью рассмеялся, бросил окурочку на землю, раздавил каблуком. Рассеянно, словно не отдавая себе отчета в том, что делает, обнял Фрэнни за плечи.

– Они едут в Колорадо, – сказала она.

– Да, похоже на то.

– Она... снилась Дейне или Сюзан?

– Обеим. И прошлой ночью Сюзан снились кресты. Как и мне.

– С этой старой женщиной уже много людей.

Стью согласился:

– Двадцать, может, и больше. Знаешь, мы каждый день проезжаем мимо людей. Они просто прячутся и ждут, пока мы проедем. Они нас боятся, но ее... я полагаю, они идут к ней. Только своим путем.

– Или к нему, – добавила Фрэнни.

Стью кивнул:

– Да, или к нему. Фрэн, почему ты не принимала веронал?

Она нервно вдохнула и подумала, а не сказать ли ему. Хотела сказать, но боялась реакции Стью на свое признание.

– Женщины непредсказуемы в своих поступках, – наконец ответила она.

– Да, – согласился он, – однако, возможно, есть способы выяснить, о чем они думают.

– И что это за... – начала говорить она, но он закрыл ей рот поцелуем.

Они лежали на траве в сумерках, почти перешедших в ночь. Пока они занимались любовью, пылающе-красный свет сменился более холодным пурпурным, и теперь Фрэнни могла видеть звезды, сверкающие среди последних облаков. Завтра, судя по всему, их ждала хорошая погода. При удаче они могли проехать большую часть Индианы.

Стью лениво прихлопнул комара, усевшегося ему на грудь. Его рубашка висела на ближайшем кусте. Фрэн свою не сняла, только растянула. Материя облегла ее груди, и она подумала: *Они стали больше, пока на чуть-чуть, но это заметно... во всяком случае, мне.*

– Я так долго тебя хотел. – Стью не смотрел на нее. – Думаю, ты это знаешь.

– Я пыталась избежать проблем с Гарольдом, – ответила Фрэнни. – И есть еще одна причина...

– Кем станет Гарольд, сказать трудно, но в нем есть задатки хорошего человека. Ему только надо перестать распускать слюни. Он тебе нравится, верно?

– Это неправильное слово. В английском языке нет слова, которым можно выразить мое отношение к Гарольду.

– А как насчет твоего отношения ко мне?

Она посмотрела на него и вдруг поняла, что не может сказать: «Я тебя люблю», – не может, хотя ей и хотелось.

– Нет, – продолжил Стью, словно она ему возразила. – Я просто хочу, чтобы все стояло на своих местах. Как я понимаю, пока тебе бы не хотелось, чтобы Гарольд знал об этом. Так?

– Да, – с благодарностью ответила Фрэн.

– Ну и хорошо. Если мы будем сидеть тихо, может, все и обойдется. Я видел, как он смотрел на Патти. Они одного возраста.

– Не знаю...

– Ты считаешь себя его должником, да?

– Пожалуй. В Оганквите мы остались вдвоем, и...

– Это везение, ничего больше, Фрэн. Ты не должна считать себя кому-то чем-то обязанной, если тебе в чем-то просто повезло.

– Наверное.

– Думаю, я тебя люблю. Мне нелегко такое говорить.

– Кажется, я тоже тебя люблю. Но есть еще кое-что...

– Я это знал.

– Ты спрашивал, почему я перестала принимать таблетки. – Она теребила рубашку, не решаясь посмотреть на него. Почувствовала, как пересохли губы. – Я думала, они могут навредить ребенку, – прошептала она наконец.

– Ре... – Стью замолчал. Потом схватил ее и заставил повернуться к нему. – Ты *беременна?*

Она кивнула.

– И ты никому не говорила?

– Нет.

– Гарольд... Гарольд знает?

– Никто, кроме тебя.

– Бога-душу-мать! – выдохнул Стью. Он вглядывался в ее лицо так пристально, что Фрэнни испугалась. Решила, что он сделает одно из двух: или тут же уйдет от нее (как, несомненно, поступил бы Джесс, узнав, что она беременна от другого), или обнимет и скажет, что волноваться не о чем, что он позаботится обо всем. Она не ожидала этого пристального, изучающего взгляда, и ей вспомнился вечер, когда она сказала отцу, что беременна. Он смотрел на нее точно так же. Теперь она жалела, что не рассказала Стью обо всем до того, как они занялись любовью. Может, тогда они вообще не стали бы заниматься любовью и у него хотя бы не появился повод думать, что ему подсунули... как там говорится? Подпорченный товар. А думал ли он об этом? Она не знала.

– Стью?... – В ее голосе слышался испуг.

– Ты никому не говорила, – повторил он.

– Я не знала, как сказать. – На глазах у Фрэнни выступили слезы.

– Когда ты должна рожать?

– В январе. – Слезы полились.

Он обнял ее и без единого слова дал понять, что все будет хорошо. Не сказал, что волноваться не о чем и он обо всем позаботится, но вновь занялся с ней любовью, и Фрэнни подумала, что никогда еще не была так счастлива.

Ни один из них не увидел Гарольда, бесшумного и неприметного в ночи, как сам темный человек. Он стоял в кустах и наблюдал за ними. Ни один из них не знал, что его глаза превратились в узенькие злые щелки, когда Фрэн закричала от наслаждения, охваченная накатившим на нее оргазмом.

К тому времени, когда они закончили, наступила ночь.

Гарольд ушел без единого звука.

Из дневника Фрэн Голдсмит

1 августа 1990 г.

Вчера ничего не записывала. Была слишком счастлива. Испытывала ли я когда-нибудь такое счастье? Думаю, что нет. Мы со Стью вместе. Мы дважды занимались любовью.

Он согласился, что мне следует как можно дольше хранить в тайне моего Одинокого Рейнджера, если удастся, до того момента, как мы обоснуемся на новом месте. Если это будет Колорадо, я ничего не имею против. По моим нынешним ощущениям, я бы не возражала и против гор на Луне. Я похожа на потерявшую голову школьницу? Что ж... где еще женщине превратиться в потерявшую голову школьницу, как не в своем дневнике?

Должна добавить, прежде чем закрыть тему Одинокого Рейнджера. Это связано с моим «материнским инстинктом». Он существует? Я думаю, да. Вероятно, это что-то гормональное. В последние недели я была сама не своя, но очень трудно отделить перемены, вызванные беременностью, от перемен, вызванных ужасной бедой, обрушившейся на мир. Однако ЕСТЬ и некое чувство ревности (ревность – неправильное слово, но более точного я подобрать не могу), чувство, будто ты передвинулся ближе к центру Вселенной и должен защищать это место. Потому-то веронал и представляется большей опасностью, чем дурные сны, хотя рациональная часть моего мозга уверена в его безвредности для ребенка... во всяком случае, в таких маленьких дозах. И я предполагаю, что чувство ревности одновременно является частью моей любви к Стью Редману. Я чувствую, что люблю его, как и ем, за двоих.

С другой стороны, пора закругляться. Сон мне необходим, с кошмарами или без. Мы едем через Индиану не так быстро, как рассчитывали, – нас сильно задержала огромная пробка около Элххарта. Там было много армейских машин. И мертвых солдат. Глен, Сюзан Штерн, Дейна и Стью вооружились до зубов: взяли два десятка винтовок, ручные гранаты и – да, дамы и господа, это правда – реактивный гранатомет. Пока я это пишу, Гарольд и Стью пытаются понять, как этот гранатомет работает. Потому что они заодно прихватили семнадцать или восемнадцать реактивных гранат. Пожалуйста, Господи, сделай так, чтобы они не взорвали себя.

Раз уж речь зашла о Гарольде, я должна сказать тебе, дорогой дневник, что он НИЧЕГО НЕ ПОДОЗРЕВАЕТ (звучит как фраза из старого фильма с Бетти Дэвис). Когда мы присоединимся к матушке Абагейл, полагаю, придется ему все рассказать, потому что прятаться и дальше будет неправильно.

Но сегодня он очень весел и всем доволен, таким я его еще не видела. Он так много улыбался, что я испугалась, а не треснет ли у него лицо. Сам вызвался помочь Стью с этим опасным гранатометом и...

Они возвращаются. Допишу позже.

Фрэнни спала крепко и без сновидений. Они все так спали, за исключением Гарольда Лаудера. Вскоре после полуночи он поднялся и неслышно подошел к тому месту, где лежала Фрэнни, постоял, глядя на нее сверху вниз. Без тени улыбки, хотя улыбался весь день. Иногда ему казалось, что от улыбки его лицо вот-вот треснет и из щели выплеснутся бурлящие мозги. Может, это принесло бы облегчение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.